

Давид Давидович Гримм

Воспоминания.

Из жизни Государственного совета

1907–1917 гг.

«Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907-1917 гг. : / Д.Д. Гримм ; подг. текста и коммент. А. В. Воронежцева, М.В. Ковалева, В. С. Мирзеханова, Т. К. Шор; вступ. ст. М. В. Ковалева, Т. К. Шор»: Нестор-История; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-4469-1198-1

Воспоминания профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) «Из жизни Государственного совета 1907–1911 гг.» долгое время не были известны исследователям. Ценные записи были обнаружены лишь в конце 1990-х гг. при разборе рукописей в Национальном архиве Эстонии в Тарту.

Мемуары были написаны в 1929–1930 гг. в Эстонии. Они охватывают широкий круг сюжетов, связанных с историей органов высшей государственной власти Российской империи, парламентаризма, борьбы за академические свободы. Они рисуют портреты выдающихся политических и общественных деятелей (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова, А. Ф. Кони, П.А. Столыпина, В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского и др.), раскрывают особенности мировоззрения имперских элит на фоне переломных событий истории (революция 1905–1907 гг... Первая мировая война, революционные события 1917 г.).

Издание рассчитано на специалистов и всех тех, кто интересуется историей Российской империи начала XX в.

Исследование подготовлено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 16–31-01046а2 и гранта Президента Российской Федерации (МК-4739.2016.6)

© Д.Д. Гримм, наследники, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

Профессор Давид Давидович Гримм и его время

М. В. Ковалев

Имя профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) не слишком хорошо известно сегодня, хотя и забытой фигурой его назвать нельзя. Ему повезло менее других современников и коллег по научному окружению, вроде В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Новикова, С. Ф. Ольденбурга, удостоившихся жизнеописаний¹. Подробная биография Гримма до настоящего времени не была написана, а его воспоминания даже в период «мемуарного бума» 1990–2000-х гг., когда впервые увидели свет или были переизданы произведения многих видных деятелей императорской России, так и не были опубликованы.

О Давиде Давидовиче Гримме, разумеется, упоминали в трудах по истории российских университетов, парламентаризма и политических партий, но почти всегда вскользь. Его, как ректора Санкт-Петербургского университета, неизменно

¹ *Малинов В.А., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005; *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006; *Аксенов Г.П.* Вернадский. М., 2010; *Ульянкина Т.И.* Михаил Михайлович Новиков. 1876–1964. М., 2015.

вспоминали в контексте борьбы за академические свободы в России, но опять же без должных подробностей. Справедливости ради скажем, что уже в наши дни были переизданы некоторые его научные работы², ученые-юристы по-прежнему цитируют его исследования по римскому праву³. Фигура Гримма начинает все больше привлекать внимание исследователей⁴.

² См.: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003; *Он же.* Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 303–323.

³ *Бышков П.А.* Права на чужие земельные участки в римском праве // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2010. № 3. С. 9–10; *Марей А.В.* Понятие INIURIA в постклассическом римском праве // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 14(76). С. 248; *Сулейманова С. А.* Временные пределы гражданской правоспособности физического лица // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 2(35). С. 111, 119; *Кориунов П.Н., Петрова Ю. А.* Состояние российского кооперативного законодательства и организация жилищного накопительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 108–109; *Матвеева С.Д.* Формирование конструкции мировой сделки в римском частном праве // Известия Тульского государственного университета. Сер. Экономические и юридические науки. 2015. № 3–2. С. 135, 138, и др.

⁴ *Алексеева Т.А.* Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия

Его биография весьма типична для российских немцев XVIII–XIX вв., игравших огромную роль во внутренней жизни империи. Предки Д.Д. Гримма происходили из Северных Нидерландов. Его прапрадед Генрих Ульрих Готфрид Гримм, выходец из Гронингена, прибыл в Россию в 1764 г., в начале екатерининской переселенческой политики. Он осел в Саратовском Поволжье, где в мае 1765 г. вместе со своими соотечественниками создал колонию Лесной Карамыш, получившую, впрочем, по имени своего основателя, второе название – Гримм.

высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6(239). С. 199–208; *Николаев А.Б.* Д.Д. Гримм – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142–147; *Томсинов В. А.* Давид Давидович Гримм (1864–1941) // Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 222–252; *Поцелуев Е.Л.* Теория правонарушения и ее российские последователи во второй половине XIX в. // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1(34). С. 292–307; *Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А. В.* Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 72–92; *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и барон М. А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Там же. С. 93–109; *Ковалев М.В., Мирзеханов В. С.* Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33; *Ковалев М. В.* Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183; *Он же.* Профессор Д. Д. Гримм в эмиграции // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 82–92; *Он же.* «...Мы живем в такое время, когда и небываемое бывает». Февральская революция глазами профессора Д.Д. Гримм // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 91–105.

Г. Гримм слыл человеком образованным и уважаемым, а потому одновременно был форштегером (старостой) и шульмейстером, писарем и фельдшером. К моменту приезда в Россию у него уже было трое сыновей. Четвертый, и последний, Генрих Вильгельм Себастьян, родится уже в Поволжье 29 июля 1769 г.⁵ От него и пойдет ветвь Гриммов, которая даст России несколько блестящих ученых и архитекторов.

Будущий профессор и общественный деятель появился на свет 11 января 1864 г. (по старому стилю) в Санкт-Петербурге и 9 марта 1864 г. был крещен в евангелическо-лютеранской церкви Святого Петра под именем Давид-Иоанн-Фридрих⁶. Его отцом был знаменитый архитектор, академик, надворный советник Давид Иванович Гримм (1823–1898). Он, немец и лютеранин, прославился как один из создателей «русского стиля», как сторонник «византизма» в архитектуре, и заслужил уважение со стороны властей. Д. И. Гримм в 1866 г. составил проект постройки часовни в Ницце в память умершего великого князя Николая Александровича. Он же спроектировал православный Крестовоздвиженский собор в Женеве, за что получил благодарность от императора в январе 1867 г., и Владимирский собор в Херсонесе. 24 ноября 1873 г. Давид Иванович был пожалован в тайные советники за труды по

⁵ *Дитц Я.Е.* История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 404–405.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 3.

сооружению памятника Екатерине Второй в российской столице⁷.

Круг общения Д. И. Гримма включал весь цвет петербургской интеллектуальной среды. Не удивительно, что его дети с ранних лет дышали творческой атмосферой, которая во многом предопределила их жизненные пути. Примечательно, что два брата Давида Давидовича – Герман (1865–1942) и Эрвин (1870–1940) – тоже добьются больших творческих успехов. Первый продолжит дело отца и станет архитектором, второй изберет для себя научную стезю, занявшись всеобщей историей.

Д. Д. Гримм учился в знаменитой гимназии К. И. Мая, созданной по инициативе нескольких петербургских немецких семей в 1856 г. Это было едва ли не лучшее учебное заведение столицы, отличавшееся особой атмосферой интеллектуальной свободы и творческих исканий. В нем обучались как отпрыски знатных аристократических фамилий, так и выходцы из либераль-

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 11. Д. 78. Л. 5 об., 6 об., 7 об. О Д. И. Гримме см. подробнее: *Иванова Е.Б.* Давид Гримм // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века / Сост. *В.Г. Исаченко*. СПб., 1998. С. 433–446; *Гейдебрехт Г.* Вклад немецких архитекторов в формирование «русского» стиля XIX – начала XX веков // Немцы России и СССР, 1901–1941: Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 139–141; *Лейнонен Р., Фогт Э.* Архитекторы и художники Санкт-Петербурга // Немцы в Санкт-Петербурге: Сборник статей / Отв. ред. *Т.А. Шрадер*. СПб., 2008. С. 209–210.

но-интеллигентской среды⁸. Гимназия давала блестящее гуманитарное образование, и именно она привила Д. Д. Гримму глубокие познания латинского языка, которые пригодятся ему в ученой карьере. Он прилежно учился и на выпускных экзаменах получил отличные оценки по всем предметам. В его свидетельстве о зрелости говорилось: «на основании наблюдений за все время обучения..., поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ примерная, прилежание отличное и любознательность выказал к истории и древним языкам...»⁹ В гимназии К. Мая учились и два его брата – Эрвин и Герман. Любопытно, что по проекту последнего в 1910 г. будет построено новое четырехэтажное здание гимназии на 14-й линии Васильевского острова¹⁰.

В августе 1881 г. Давид Давидович Гримм подал документы на юридический факультет Санкт-Петербургского университета¹¹. Это было время расцвета русской юридической науки. Общественный статус юриспруденции необычайно возрос, и его не смогли поколебать даже контрреформы Александра III. Напротив, сама власть

⁸ См.: *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Ч. I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб., 2005.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 10–10 об.

¹⁰ Об истории взаимоотношений семьи Гриммов и гимназии см. подробнее: *Благово Н.В.* Указ. соч. С. 92, 452.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 1.

осознавала важность подготовки квалифицированных правоведов, потребность в которых остро ощущалась госаппаратом. В России стремительно формировалась юридическая элита, чему способствовала хорошая постановка специального образования. Преподавание права, особенно международного, шло на высоком уровне, не уступающем европейскому. Имена таких ученых как, например, Федор Федорович Мартенс (1845–1909), были известны далеко за пределами страны¹².

В университете Д.Д. Grimm учился прилежно, основательно, и потому на выпускных экзаменах получил исключительно отличные оценки. По представлению диссертации он был признан достойным ученой степени кандидата, и на основании пункта 4 § 42 общего Устава российских университетов 1863 г. был утвержден в этой степени Советом Санкт-Петербургского университета 30 мая 1885 г.¹³

Приказом № 1 по Министерству юстиции от 7 января 1886 г. Д.Д. Grimm был определен на службу в IV Департамент Правительствующего сената, ведавший гражданскими делами. 12 февраля 1886 г. он был утвержден в чине

¹² О роли юридического факультета Петербургского университета в интеллектуальной жизни империи см.: *Ростовцев Е.А., Баринев Д.А., Сосницкий Д.А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 14. Право. Вып. 4. С. 112–127.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 40.

коллежского секретаря¹⁴. Но проработал Д.Д. Grimm в Сенате недолго. Еще 7 апреля 1886 г. он был прикреплен к кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию, правда без стипендии¹⁵. Университет возлагал на него определенные надежды и желал в будущем видеть в рядах своих сотрудников. В ноябре 1887 г. Д.Д. Grimm был переведен на службу в Министерство народного просвещения, что было связано со следующими обстоятельствами.

В 1885 г. была утверждена новая программа для юридических факультетов, усиливавшая роль римского права. По верному замечанию С. А. Карцова, российские власти полагали, что римско-правовые познания благотворно отразятся на подготовке юристов и утверждают представления о ценности незыблемого правопорядка, о необходимости постепенного, без потрясений, развития общественных и правовых институтов. Вместе с тем существовала потребность в подготовке юристов для западных окраин империи, где исторически была укоренена римская правовая традиция¹⁶. Однако эти устремления выявили нехватку преподавательских кадров. Тот же С. А. Карцов отметил, что привычная практика оставления на кафедре способных выпускников для подготовки к педагогической работе

¹⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 402.3.526.16 p.

¹⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.48.

¹⁶ Карцов А. С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. Ivs antiquvm. М., 2003. № 2 (12). С. 120–121.

растягивалась на несколько лет и поэтому не была способна в скором времени удовлетворить потребность в специалистах. Необходимо было искать новые пути, но при этом не допустить снижения квалификации будущих юристов. Это прекрасно понимали и в Министерстве народного просвещения, глава которого, Иван Давыдович Делянов (1818–1897), сам был ученым-правоведом.

В ноябре 1886 г. по договоренности российского правительства с Берлинским университетом при последнем были созданы Временные курсы по римскому праву (затем – Институт римского права), ориентированные на подготовку специалистов из России. Георгий Константинович Гинс (1887–1971) позднее писал об этих стажерах: «Они проходили суровую школу науки. Немецкие ученые подчинялись строгой научной дисциплине своенравный славянский ум»¹⁷. Отбор кандидатов на обучение происходил на основе отзывов видных отечественных правоведов. В числе первых стажеров оказался Д. Д. Гримм, которого рекомендовал Николай Львович Дювернуа (1836–1906), профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета. И действительно, он, человек способный, обладавший хорошими познаниями латинского языка, к тому же этнический немец и лютеранин, подходил в качестве стажера. 10 декабря 1887 г. приказом № 15 по Министерству народного просвещения Д. Д. Гримм

¹⁷ Гинс Г. К. Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого. 1892–1927 г. // Известия Юридического факультета. Харбин, 1928. Т. 5. С. 4.

был командирован в Берлин на два года¹⁸. Молодой юрист учился у крупнейших немецких правоведов Генриха Дернбурга, Альфреда Перница и Эрнста Экка¹⁹. Под их влиянием он приобрел необходимые навыки исследовательской работы, познакомился с достижениями европейской науки. Современники небезосновательно называли Д.Д. Гримма «типичным добросовестным ученым немецкой выучки»²⁰. Именно с учебы в Германии началась его ученая карьера.

Гримм вернулся в Россию 3 августа 1889 г. и тут же получил приглашение на работу в Дерптский университет. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграл его дядя Оттомар Фридрихович Мейков (1823–1894)²¹, который тоже был юристом, и тоже занимался римским правом. В 1872–1876 гг. он был деканом юридического факультета, а затем был избран ректором Дерптского университета, и занимал этот пост до 1881 г. (вторично О.Ф. Мейков будет ректором в 1890–1892 гг.). Кроме того, Давиду Давидовичу вероятно благоволил попечитель Дерптского учебного округа Михаил Николаевич Капустин (1828–1899).

¹⁸ *Rahvusarhiiv Tartus*. EAA. 402.3.526.16 p.

¹⁹ *Томсинов В. А.* Давид Давидович Гримм (1864–1941). Биографический очерк // Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21

²⁰ *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. М., 1993. Т. XXII. С. 301.

²¹ Мать Д.Д. Гримма – Эмилия-Елена (1839–1896) – была его родной сестрой.

Он был видным русским правоведом, специалистом в сфере международного права и ко всему прочему успешным администратором, хорошо зарекомендовавшим себя на посту директора Рукавишниковского приюта, а затем и Демидовского юридического лицея в Ярославле. На службу в Дерпт он был назначен в 1883 г. Время его работы в Прибалтике пришлось на период активной русификации, в том числе образовательной системы. Дерптский университет постепенно переводился на русский язык. Выполняя распоряжение Министерства народного просвещения, Капустин искал новых преподавателей для чтения лекций по-русски. Он вспомнил о Grimme, недавнем берлинском стажере, и предложил министру И.Д. Делянову назначить его приват-доцентом римского права, назвав «наиболее желательным и пригодным» для университета из числа других кандидатов²². Министр прошение поддержал, и с 6 сентября 1889 г. Давид Давидович Grimm был официально назначен приват-доцентом по кафедре римского права с окладом в 2.000 рублей в год²³. Увы, о его деятельности в этот период сохранилось не так много свидетельств. Сухой казенный язык личных дел из архива не дает возможности написать ее многоцветную картину. Но именно в этот период произошли большие изменения в его личной жизни. 17 мая 1891 г. он женился на Вере Ивановне Дитятиной (1858–1930), урожденной Гольденберг, вдове ординарного профессора Дерптского университета Ивана Ивановича

²² Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 384.1.3325.1–1 p.; EAA. 402.3.527.1A.

²³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 384.1.3325.2,3; EAA. 402.3.526.1.

Дитятина (1847–1892)²⁴. Супруга Гримма к моменту их бракосочетания находилась на четвертом месяце беременности, и 4 ноября 1891 г. родила сына Ивана (1891–1971). Давид Давидович в январе 1892 г. обратился с прошением усыновить пасынка и дать ему свое отчество²⁵. Санкт-Петербургский окружной суд на основании представленных документов просьбу удовлетворит, и 1893 г. в метрической книге Князь-Владимирского собора на Петербургской стороне будет сделана запись, что родителями Ивана являются Д.Д. Гримм и В. И. Гримм²⁶. 26 февраля 1894 г. у Давида Давидовича и Веры Ивановны родится сын Константин²⁷. Отметим, что дети ученого, как и его супруга, будут исповедовать православие, в то время как сам он всегда будет оставаться лютеранином.

Пребывание Гримма в Дерпте оказалось недолгим. 24 августа 1891 г. он обратился с прошением о переводе к директору Императорского училища правоведения, находившегося в ведении Министерства юстиции: «Узнав о том, что кафедра Римского права в Императорском Училище Правоведения в настоящее время не замещена, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообразовывать войти с ходатайством о поручении мне преподавания Римского права с зачислением службы в Императорском

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 13, 15 об.

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 21.

²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 2.

Училище Правоведения»²⁸. Ректор Дерптского университета О. Ф. Мейков не возражал, и уже с 1 сентября 1891 г. приват-доцент Гримм, произведенный в мае 1890 г. в титулярные советники, приступил к работе²⁹. Можно предположить, что возвращение в столицу было связано с переводом туда из Дерпта М.Н. Капустина, который в 1891 г. занял пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и одновременно стал инспектором классов в Училище правоведения. Работа в этом учебном заведении, безусловно, считалась престижной. Одновременно Д. Д. Гримм завершал работу над диссертацией «Очерки по учению об обогащении»³⁰, начатую еще в Дерпте, и которую он намеревался представить в Санкт-Петербургский университет. Защита фундаментального исследования состоялась 29 ноября 1891 г., после чего Давид Давидович был утвержден в степени магистра римского права³¹. Это событие открыло ему дорогу к преподаванию в стенах *alma mater*. Ему вновь помог Капустин, который как попечитель учебного округа ходатайствовал о допущении молодого юриста к чтению курса лекций о спорных вопросах римского

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Он. 1. Д. 3849. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 3, 6 об.; *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 402.3.526.10,11,15; ЕАА. 402.3.527.3; ЕАА. 402.3.526.17 р.

³⁰ *Гримм Д.Д.* Очерки по учению об обогащении. Дерпт, 1891. Вып. 1–2; СПб., 1893. Вып. 3.

³¹ *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.48; ЦГИА СПб. Ф. 355. Он. 1. Д. 3849. Л. 17.

права в качестве приват-доцента университета. В то же время Grimm заявил о себе и на чиновничьем поприще, где его знания оказались чрезвычайно востребованы. 20 декабря 1893 г. он был принят на службу в Кодификационный отдел Государственного совета, а с 1 января 1894 г. приказом Государственного секретаря причислен к Государственной канцелярии³² с откомандированием для занятий в Отделение свода законов³³.

Параллельно Grimm продолжал чтение лекций в Императорском училище правоведения, где 11 января 1894 г. был произведен в экстраординарные профессора. Но этим педагогическая деятельность Давида Давидовича не

³² Государственная канцелярия Российской империи – канцелярия Государственного совета, состоявшая из отделений. С 1906 г. в ее состав входили отделения: личного состава и общих дел, первое по делам законодательства, второе по делам законодательства, финансов, общего собрания, свода законов и отделения, управлявшие делами двух особых присутствий. Через канцелярию проходили дела, требовавшие рассмотрения в Государственном совете. Они поступали на имя государственного секретаря и распределялись по соответствующим отделениям канцелярии для подготовки рассмотрения в соответствующих департаментах Государственного совета. Государственная канцелярия занималась также оформлением журналов заседаний департаментов и общего собрания, составлением извлечений из них для царя.

³³ Ibid. Примечательно, что защита Д.Д. Гримма состоялась 29 ноября 1891 г., а допущен к чтению лекций он был 26 ноября. Таким образом, М.Н. Капустин ходатайствовал за Д.Д. Гримма еще до его официальной защиты.

ограничивалась, и 20 августа 1895 г. он был назначен штатным преподавателем Военно-юридической академии с оставлением во всех прежних должностях. Там он читал курсы «Энциклопедия права» и «История философии права»³⁴. Чем можно объяснить такую активность: работу сразу в нескольких учебных заведениях, да еще и исполнение чиновничьих обязанностей? Ответ, кажется, прост – потребностью в финансах. Как показал немецкий историк Томас Бон, материальное положение преподавателей высшей школы оставляло желать лучшего. Приват-доценты не получали штатного жалования, а оплачивались из особого фонда. И даже профессоров незначительность заработной платы в университете вынуждала искать дополнительную работу. Поэтому даже такие выдающиеся ученые, как В. О. Ключевский, читали лекции в разных учебных заведениях³⁵.

В Санкт-Петербургском университете Д.Д. Grimm быстро завоевал должный авторитет. С сентября 1899 г. он исполнял обязанности секретаря юридического факультета, а 4 декабря того же года приказом министра народного просвещения был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре римского права. В это время Grimm активно работал над докторской диссертацией, что потребовало у него в марте 1900 г.

³⁴ *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.13 р.; ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 27–27 об.

³⁵ *Бон Т.* Русская историческая наука (1880–1905 гг.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 38–41.

оставить службу в Государственной канцелярии. Его упорные труды были вознаграждены, и 24 сентября 1900 г. он защитил докторскую диссертацию «Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права»³⁶. Обретение ученой степени сулило Давиду Давидовичу повышение статуса и продвижение по службе. Отметим, что его карьера развивалась поступательно, вполне в духе времени, в соответствии с установленной иерархией. 1 января 1894 г. Д.Д. Grimm получил свою первую государственную награду – орден Святого Станислава III степени³⁷. В феврале 1896 г. он был награжден орденом Святой Анны III степени³⁸. 13 сентября 1899 г. Д.Д. Grimm был произведен из коллежского в статские советники³⁹. В мае 1899 г. руководство Военно-юридической академии представило его к ордену Святого Станислава II степени,

³⁶ Grimm Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1. СПб., 1900. Даже недруги Д.Д. Grimma, вроде Б.В. Никольского, которые накануне защиты называли его работу «импотентной диалектикой» и «пустопорожним изложением», в итоге были вынуждены признать, что свою работу он «защитил блистательно» (Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 1. С. 375, 425).

³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 3 об.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Он. 1. Д. 3849. Л. 32.

³⁹ Там же. Л. 51.

который он получит уже в следующем году⁴⁰. 1 января 1907 г. он удостоен ордена Святого Владимира IV степени⁴¹.

С 18 декабря 1900 г. Grimm был утвержден в должности экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета, а уже в сентябре того же года переведен в ординарные профессора по кафедре римского права и одновременно назначен деканом юридического факультета. Студенты любили и уважали его. Сергей Никифорович Драницын, учившийся в университете в начале XX в., в своих мемуарах называл Гримма «ярким представителем юридической школы» и автором «очень интересных лекций по догме римского права»⁴². С января 1901 г. Давид Давидович стал ординарным профессором и в Императорском училище правоведения, а с августа 1904 г. – еще и инспектором классов⁴³. Трудно понять, как он справлялся со всеми обязанностями, и как мог совмещать столько должностей в разных местах. Впрочем, огромные нагрузки дали о себе знать, и 15 сентября 1904 г. профессор попросил освободить его от должности декана юридического

⁴⁰ Там же. Л. 46–47; РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 5 об.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 100; РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 7 об.

⁴² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1448. Оп. 1. Д. 182. Л. 57.

⁴³ Rahvusrhiiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.48 p.

факультета. В конце октября 1905 г. он уволился из Училища правоведения⁴⁴.

Думается, что такие изменения были связаны с большой вовлеченностью Д.Д. Гримма в общественно-политическую жизнь. В 1905 г. он вступает в ряды кадетской партии, в декабре того же года делегируется Советом Санкт-Петербургского университета для участия в совещаниях по университетской реформе. Идея реформы высшей школы занимала его давно. Давид Давидович выступал последовательным поборником академических свобод. Из-за своих взглядов он еще в 1890-х гг. попал в поле зрения Департамента полиции. На студенческой вечеринке 8 февраля 1895 г. в честь годовщины основания Санкт-Петербургского университета тогда еще приват-доцент Гримм произнес речь о важности народного образования и необходимости академических свобод: «Но теперь... нас всячески стесняет вмешательство министерства и правительства, и для того, чтобы образование можно было направить так, как нам желательно, как мы находим нужным для блага народа, нужно добиться права открыто и свободно говорить то, что мы считаем нужным и полезным»⁴⁵.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 104.

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Дп. ОО. Оп. 227. Д. 431. Л. 1об. Интересно, но в годы студенчества Д.Д. Гримм, кажется, не проявлял большого интереса к общественной жизни. Во всяком случае, в его личном деле зафиксировано, что за время обучения «не принимал никакого участия в каких бы то ни было противозаконных проявлениях,

Несмотря на оппозиционность взглядов Гримма, Министерство народного просвещения ценило его как талантливого администратора и человека, способного вести диалог с представителями разных общественных лагерей. Поэтому в сентябре 1906 г. по предложению министра он вновь был назначен деканом юридического факультета, что, вероятно, побудило его в ноябре 1906 г. окончательно оставить работу в Военно-юридической академии. Ставка чиновников на Д.Д. Гримма выглядит не случайной. Это было непростое время в истории российских университетов, охваченных студенческими беспорядками и интеллектуальным брожением. Дипломатичность профессора, его стремление к мирному разрешению конфликтов исключительно в рамках правового поля могли оказаться полезными. Авторитет и влияние Д.Д. Гримма не вызывали сомнений даже у его оппонентов. 8 февраля 1907 г. он был избран членом Государственного совета от Академии наук и российских университетов⁴⁶. С работой в этом органе будет неразрывно связана его жизнь в ближайшие несколько лет. Давид Давидович станет одним из лидеров так называемого «левого крыла» в Совете. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), также бывший депутатом, заслуженно характеризовал своего коллегу как «человека стойких убеждений» и «авторитетного юриста»⁴⁷.

обнаруживающих неуважение к закону или к установленным властям и правилам» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 31).

⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 7 об.

⁴⁷ Ковалевский М.М. *Моя жизнь*. М., 2005. С. 390.

1 января 1910 г. Д.Д. Grimm был произведен в действительные статские советники⁴⁸. Вершиной его университетской карьеры стало избрание ректором Санкт-Петербургского университета 1 марта 1910 г. По иронии судьбы в сентябре того же года пост министра народного просвещения занял Лев Аристидович Кассо (1865–1914). Ровесник Grimma, тоже юрист, тоже воспитанник немецких правоведов и тоже преподававший в Дерите, он был его полной противоположностью. Новый министр повел жесткую и бескомпромиссную политику, направленную на полное подчинение университетов. С точки зрения Д.Д. Grimma, подобные меры лишь обостряли взаимоотношения власти и образованного общества. Поэтому Л. А. Кассо стал для него живым воплощением административного произвола, с приходом которого «наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов»⁴⁹. Конфликт между министром и ректором не заставил себя ждать.

В 1911 г. российские университеты поразила черная полоса. В начале января с подачи Кассо были подготовлены министерские циркуляры, ограничивавшие права студентов⁵⁰. В профессорской корпорации власти увидели

⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 8 об.

⁴⁹ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.27.

⁵⁰ *Иванов А.Е.* Российские императорские университеты под управлением министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен: очерки по истории

прямого вдохновителя их политических действий, невзирая не то, что политические позиции университетских советов можно было охарактеризовать как умеренные⁵¹. Отсюда вытекала мысль о необходимости полного контроля над университетами, заключавшегося в свертывании автономии. В действиях властей университеты усмотрели прямое нарушение академических свобод. В знак протеста против административного произвола 28 января 1911 г. ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929) подал в отставку. За ним последовали другие представители университетской администрации. В феврале 1911 г. о своем добровольном уходе заявили выдающиеся ученые: В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Д.М. Петрушевский, К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев и многие другие. Министр Л. А. Кассо удовлетворил 131 прошение об отставке⁵². Ушедших профессоров, занимавших свои должности на выборной основе, заменяли назначенными министерством людьми, которые получили в

образовательной и научной политики в Российской империи – СССР. М., 2012. С. 72–73.

⁵¹ *Дмитриев А.Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город (начало XX века). М., 2009. С. 123.

⁵² *Аврус А. И.* История российских университетов: очерки. М., 2001. С. 41; *Иванов А.Е., Кулагина И.П.* Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 52.

интеллектуальных кругах малочетное прозвище «кассовцы»⁵³.

В Петербурге обстановка также накалялась. Гримм всеми силами пытался удержать ситуацию в руках и не допустить репрессивных мер. Но действия министерства лишь усугубляли ситуацию. Много лет спустя профессор вспоминал на страницах мемуаров: «Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово. Мне, как тогдашнему ректору Петроградского университета, истинное положение в университете и общее настроение профессуры было совершенно ясно. Я не стану утверждать, что среди профессоров и, в частности, среди т[ак] называемых] младших университетских преподавателей не было вовсе безответственных элементов, горячих голов, не отдающих себе отчета в серьезности положения. Мне самому приходилось некоторых из них удерживать от необдуманных шагов. Но я определенно утверждаю, что подавляющее большинство профессуры и младших преподавателей, независимо от политической окраски, было абсолютно лояльно и ставило жизненные интересы университета вне всяких политических симпатий и антипатий»⁵⁴. Студенты прибегли к забастовке в знак протеста против действий Кассо. Они прервали занятия, распылив зловонные жидкости и газы. Гримм такие действия решительно осуждал и считал категорически недопустимыми. Когда в конце января 1911 г. в коридорах университета появились красные флаги и

⁵³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.30.

⁵⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.29.

антиправительственные лозунги, он распорядился прекратить учебный процесс, чтобы не допустить расширения беспорядков и неминуемого подавления их полицией⁵⁵. И хотя Д. Д. Grimm в своих действиях руководствовался ст. 17 гл. II Университетского устава 1884 г., которая давала ректору право в чрезвычайных обстоятельствах принимать все необходимые меры для поддержания порядка в университете, даже если эти меры будут превышать его полномочия⁵⁶, однако Кассо встретил предпринятые шаги крайне негативно. Он потребовал от ректора Grimma немедленно отменить распоряжение о прекращении занятий и возобновить их под контролем полиции⁵⁷. 30 ноября 1911 г. университет вновь был открыт, но радикально настроенные студенты попытались сорвать лекции. В дело вмешалась полиция, арестовав 400 человек. Университет остался под охраной и в последующие недели, жизнь в нем замерла, число студентов стало минимальным, и профессора порой читали лекции в полупустых аудиториях. Радикальная часть студенчества опустилась до публичных оскорблений в адрес уважаемых ученых, например Сергея Александровича Жебелева (1867–1941) и Михаила Иванович Ростовцева (1870–1952), обвиняя их в конформизме. Grimm тяжело переживал все происходящее и страдал от собственного бессилия. По воспоминаниям, он

⁵⁵ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 24.

⁵⁶ Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. Харьков, 1911. С. 11.

⁵⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.65.

вышел к студентам со слезами на глазах и сказал, что его власть в университете кончилась, отныне все решает полиция⁵⁸. После январских событий Давид Давидович прекратил всякое личное общение с Л. А. Кассо и продолжал контакты лишь письменно⁵⁹. В начале февраля Grimm встретился с Петром Аркадьевичем Столыпиным (1862–1911) и попросил, чтобы полиция без его разрешения не появлялась в коридорах. Премьер четкого ответа не дал, но просьбе ректора затем внял⁶⁰.

Испытывая постоянное давление со стороны властей и не видя возможности дальше исполнять обязанности ректора, Grimm в сентябре 1911 г. подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Он был оставлен на должности ординарного профессора, а новым ректором в декабре был избран его брат, профессор-историк Эрвин Давидович Grimm, согласившийся на этот шаг лишь после

⁵⁸ *Ананьич Б.В.* И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 109–110; *Ростовцев Е. А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 494.

⁵⁹ *Rahvusarhiiv Tartus.* ЕАА. 2100.2.150а.66.

⁶⁰ *Ростовцев Е.А.* Указ соч. С. 495. О ректорстве Э. Д. Гримма см. подробнее: *Беляева О.М.* Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 215–235.

долгих уговоров коллег⁶¹. Однако на этом противостояние Давида Давидовича Гримма и Льва Аристидовича Кассо не закончилось.

Одной из форм давления на профессию со стороны Министерства народного просвещения стал перевод неугодных лиц в провинциальные университеты. Замещение кафедр на конкурсной основе было фактически ликвидировано. Теперь их стали занимать исключительно в порядке личного назначения министром⁶². Д.Д. Гримм вместе с коллегами попытался воспрепятствовать назначению профессорами юридического факультета лояльных министерской линии В. М. Грибовского и С. П. Никонова. Однако он потерпел неудачу. Не помогла даже поддержка премьер-министра Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), который в силу специфики формирования правительства не имел возможности избавиться от скандального Кассо, как не имел вообще права самостоятельно формировать кабинет министров⁶³. Свои взгляды на действия министра и его соратников Д.Д. Гримм в 1913 г. обобщил в статье «Видимая законность и скрытое

⁶¹ Там же. С. 501.

⁶² Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.34.

⁶³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933. Т. II. С. 130; *Воронжцев А. В., Ковалев М. В.* Жизненный путь графа В.Н. Коковцова// Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 14–16.

усмотрение»⁶⁴. Открытый демарш профессора переполнил чашу терпения Кассо, и он перешел к открытой борьбе с бывшим ректором. Практическую работу в этом направлении он возложил на своего заместителя (товарища) барона Михаила Александровича Таубе (1869–1961), тоже юриста. Таубе, как человек умный, образованный, проницательный, прекрасно понимал изъяны российской бюрократической системы, но, будучи встроенным в нее, не пытался что-либо менять и чему-то активно противостоять. Он избрал для себя путь политического конформизма, который явно вызывал непонимание у многих университетских коллег, в том числе у Гримма. Давиду Давидовичу было не понятно, как мог вчерашний университетский профессор, наделенный огромными способностями, пойти против своей *alma mater*, против коллег и студентов. В своих мемуарах много лет спустя он даст барону весьма нелицеприятную оценку: «Верным помощником министра [Л. А. Кассо] во всем, что он делал для разложения Петроградского университета, служил его товарищ, барон М. А. Таубе, сам бывший профессор Петроградского университета, избранный на эту должность тем же юридическим факультетом, которому он впоследствии тщательно помогал наносить удар за ударом. По внешности он представлял прямую противоположность Л. А. Кассо. Сам министр был весьма внушительного роста, барон Таубе – ниже среднего. Это подало неунывающим россиянам повод говорить: “Министр у нас Кассос, а товарищ его – Малокассос”. Умственно он был много ниже его. В

⁶⁴ Гримм Д.Д. Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Кн.2. С. 271–288.

нравственном отношении он являлся достойным партнером своего шефа»⁶⁵.

В конце июля 1913 г. Д.Д. Grimm отдыхал на живописном баварском курорте Фишен-им-Альгой. Там его застала весть о готовящихся переменах со стороны Министерства народного просвещения. Барон М.А. Таубе уведомил его в письме о переводе из Петербургского университета в Демидовский юридический лицей в Ярославле. Желая предотвратить удар, профессор написал ответное послание с четким и последовательным изложением своей позиции. Его копия сохранилась в архиве историка М. А. Дьяконова, близкого друга Д.Д. Grimma, с которым он мог вести откровенные и доверительные беседы⁶⁶. Само письмо, наполненное отсылками к различным правовым актам, да и сам его стиль – официальный, тяжеловесный, но в то же время очень емкий – говорит о причастности автора к юридической науке и о том, что право было для него превыше всего. В своем небольшом письме Grimm хорошо обрисовывал ключевые проблемы в сфере народного просвещения и образовательной политике России в начале XX в. Профессор выступил против готовящегося перевода и свой отказ мотивировал тем, что ярославский лицей не

⁶⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.72. Примечательно, что в своих воспоминаниях, созданных на закате жизни, М.А. Таубе будет характеризовать Д.Д. Grimma как «хотя и левого, но весьма уравновешенного и справедливого» человека (*Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917).* М., 2007. С. 15.

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 173. Л. 39 – 39 об.

пользуется правом участия в выборах в Государственный совет. Таким образом, он лишится профессорского ценза, а значит, своего членства в Совете⁶⁷. Министерство этого и добивалось. Но позиция Д. Д. Гримма была столь прочно аргументирована, что от перевода в Ярославль пришлось отказаться. Вместо этого 3 августа 1913 г. Кассо издал приказ о назначении Давида Давидовича в Харьковский университет⁶⁸. В то время, когда либеральная интеллигенция и умеренные консерваторы выражали сочувствие Гримму, крайне правые деятели не скрывали своего ликования. Характерна реакция ученого-юриста Бориса Владимировича Никольского (1870–1919), ревностного охранителя и черносотенца, люто ненавидевшего Давида Давидовича и одновременно пытавшегося занять его место на кафедре. В своем дневнике 11 августа 1913 г. он сделал следующую запись: «Гримма Кассушка шаркнул в Харьков. Во-первых, это давно было необходимо сделать, и наказание вполне заслужено; а во-вторых, у меня мелькнула мысль – чем бы я не хорош для Петербурга? Гримма положение пиковое: не ехать в Харьков – уходить из Государственного совета. Поедет, поедет. А не поедет – еще хуже. А как ему ехать в Харьков, когда он должен в Государственном совете заседать? Убийственный ход»⁶⁹.

Давний недруг очень точно отразил в своей злопыхательской заметке суть дилеммы, вставшей теперь перед

⁶⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.38.

⁶⁸ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49.

⁶⁹ Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 2. С. 143.

Гриммом: ехать ли в Харьков или же подать в отставку в знак протеста, как это сделали в аналогичных случаях его либеральные коллеги М.Я. Пергамент и И. А. Покровский. Д.Д. Гримм не желал доставить удовольствие Л. А. Кассо своей отставкой и автоматическим выбытием из членов Государственного совета. Он решил остаться профессором, но в Харьков не ехать, попросив о переводе из штатных в сверхштатные ординарные профессора без содержания, дабы дать другому кандидату возможность быть избранным на его место, а сам намеревался продолжить депутатскую работу в столице⁷⁰. Тем самым он, соблюдая все правовые нормы, ставил Кассо в затруднительное положение. Действительно, министру потребовалось полгода, чтобы найти возможность нанести новый удар своему оппоненту. В январе 1914 г. Гримма обвинили в систематическом отсутствии на рабочем месте, в том, что он не объявлял и не читал лекции в течение учебного года. 31 января 1914 г. Кассо послал ему письмо, сообщив об увольнении: «...Я считаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что министерство народного просвещения, в устранении такого, совершенно недопустимого отношения к своим обязанностям, решило ныне уволить Вас от означенной, лишь формально занимаемой Вами, должности с причислением к

⁷⁰ Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 2100.2.150.39,49; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы. С. 105; Он же. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. С. 174–183.

министерству народного просвещения»⁷¹. Увольнение профессора Гримма вызвало большой общественный резонанс. По верному замечанию Ф.А. Гайды, оно взбудоражило и возмутило даже многих правых в Государственном совете⁷². Нина Сергеевна Платонова (1886–1942), дочь знаменитого историка, писала своим родителям 4 февраля 1914 г.: «Об отставке Давида Гримма я много читала в газетах и вынесла из всего прочитанного впечатление, что отставка эта является полнейшим беззаконием, превышением власти со стороны Кассо. Не возможен ли в таком случае благополучный для Гримма исход дела?»⁷³

О своем решении Л. А. Кассо незамедлительно известил Государственный совет. Рассмотрение вопроса о дальнейшем членстве Д.Д. Гримма в нем было поставлено на 7 марта 1914 г. Накануне вечером, 6 марта, на квартире М. М. Ковалевского на Моховой улице собралась группа единомышленников из числа членов Совета, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию⁷⁴. Увы, конкретные подробности беседы установить пока не удалось. Не исключено, что во время встречи были достигнуты конкретные договоренности, ибо уже на следующий день результаты тайного

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1807. Он. 1. Д. 414. Л. 1-1об.

⁷² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 333.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 585. Он. 1. Д. 3861. Л. 8 об.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 564. Он. 1. Д. 1655. Л. 6.

голосования в Совете оказались для сподвижников Кассо полной неожиданностью. Накануне министр поручил Таубе лично проконтролировать процесс лишения Д.Д. Гримма мандата. Тот специально пришел на заседание Государственного совета и наблюдал за происходящим из правительственной ложи. Барон был уверен в принятии нужного министерству решения и говорил одному из членов совета: «Мы его уволили, а они должны признать его выбывшим»⁷⁵. Однако результаты тайного голосования оказались для М. А. Таубе полной неожиданностью: 56 членов выступили за вывод Давида Давидовича из совета, а 98 – против. Такого сокрушительного поражения Министерство народного просвещения не ожидало. Барону оставалось лишь в спешке удалиться. Гримм же воспринял случившееся не только как личную победу, но как торжество гражданских начал над властным произволом: «Это был серьезный симптом и серьезное предостережение. В Государственном совете стало просыпаться чувство гражданственности, идущее на смену психологии угодничества. Дальнейших попыток к изъятию выборных членов Совета более не было сделано»⁷⁶. Д.Д. Гримм продолжит работу в Государственном совете вплоть до краха Российской империи. К сожалению, дорога в родной университет для него оказалась закрытой, хотя преподавательской деятельности он не прекратил.

⁷⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.44.

⁷⁶ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.45.

23 сентября 1914 г. на конференции Императорского Александровского лицея большинством голосов против одного Д.Д. Grimm был избран преподавателем энциклопедии права, и уже на 27 сентября была заявлена его вступительная лекция⁷⁷. Вероятно, тут не обошлось без помощи благоволившему к нему В.Н. Коковцова, выпускника лицея и его попечителя⁷⁸. Параллельно Grimm читал курс вексельного права в Петровском коммерческом училище.

В годы Первой мировой войны профессор занял патриотическую позицию. 20 сентября 1914 г. он писал своему коллеге, известному юристу-международнику В.Э. Грабарю: «Живем мы здесь все исключительно под знаменем войны, – все мысли и чувства, и желания – все там, и трудно наряду с этим заниматься своими текущими делами – где бы и когда ни встретились – все разговоры вращаются ок[оло] войны. Прошла неделя сбора белья, в которой, между прочим, принимала большое участие жена...»⁷⁹. Оба профессорских сына будут призваны в ряды действующей армии, и младший – Константин – погибнет на фронте.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. И. Оп. 1. Д. 3578. Л. 1–3.

⁷⁸ Интересно, что о покровительстве В. Н. Коковцова прямо говорится в юбилейной статье в честь 70-летия профессора Д.Д. Grimma, написанной видным эстонским правоведом Эрнстом Эйном (1898–1956). См.: Ein E. Prof. D. D. Grimmi elukaik ja teaduslik tegevus // Õigus: juriidiline ajakiri. 1934. № 6. L. 284.

⁷⁹ Kasikirjade ja haruldaste raamatute osakond Tartu Ulikooli Raamatukogu. 38.1.289.1.

Тяготы военного времени и назревавший кризис в очередной раз убедили Д.Д. Гримма в необходимости достижения общественного консенсуса. Он призывал своих коллег к политической ответственности и одновременно упрекал власть за непоследовательность действий, министерскую чехарду и фаворитизм. Д.Д. Grimm был сторонником формирования «правительства народного доверия», которое, по его мнению, могло бы обеспечить общественное согласие и снять напряженность в стране⁸⁰. В 1915 г. он был избран в ЦК партии кадетов, выражал поддержку Прогрессивному блоку⁸¹. Но события развивались по иному сценарию. В своих воспоминаниях профессор ярко описал нарастание оппозиционных настроений в стране и разочарование в верховной власти. Поэтому падение монархии стало для него не неожиданностью, а закономерным итогом бездействия и безответственности власти. В 1917 г. его общественно-политическая активность была чрезвычайно высока.

Распоряжением Временного комитета Государственной 2 марта 1917 г. Д.Д. Grimm был назначен комиссаром над Государственной канцелярией и иными учреждениями, располагавшимися в Мариинском дворце. В тот же день он прибыл туда и провел собрание с чиновниками. Как установил А. Б. Николаев, на этой встрече решались организационные вопросы, такие как охрана здания,

⁸⁰ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a. 153.

⁸¹ Миллюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 185.

выписка пропусков, покрытие текущих расходов⁸². Ими же Д.Д. Grimm занялся в последующие дни. На собрании 4 марта он объявил об отстранении от должности государственного секретаря Сергея Ефимовича Крыжановского (1862–1935). Гримма, однако, нельзя упрекнуть в желании разогнать прежнюю бюрократию. Свои обязанности он исполнял аккуратно, желая снизить политический накал и найти компромисс. Эту отличительную черту его деятельности отметил в своих мемуарных записках юрист Мстислав Владимирович Шахматов (1888–1943): «Когда заместителем Государственного секретаря был назначен профессор Д.Д. Grimm, он старался соблюсти все деловые традиции Государственной канцелярии. Все высшие и низшие чины остались на своих местах вплоть до товарища Государственного секретаря Н.Ф. Дерюжинского включительно. Чинов Государственной канцелярии, лишенных своих занятий вследствие уничтожения Государственного совета, Д.Д. Grimm стал определять для делопроизводства в вышеупомянутые новые учреждения: Особое совещание по выборам в Учредительное собрание, Юридическое совещание и Предпарламент. В помощь чинам Государственной канцелярии были переведены в Мариинский дворец также некоторые чины Канцелярии Государственной Думы»⁸³. Фактически Д.Д. Grimm теперь стал государственным

⁸² Николаев А. Б. Указ. соч. С. 142.

⁸³ Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ. М.В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. XIV. С. 691.

секретарем. Следует согласиться с точкой зрения А. Б. Николаева, предположившего, что Временный комитет, направив профессора в Мариинский дворец, поручал ему создать условия для возобновления работы Государственного совета, председатель которого, И. Г. Щегловитов, находился под арестом. Причем предполагалось сделать ставку на выборных членах Совета, которые поддержали Думу⁸⁴. Свою миссию Д.Д. Grimm выполнил, сумев заручиться поддержкой многих видных общественно-политических деятелей. Председатель Временного правительства⁸⁵ князь Г. Е. Львов 7 марта 1917 г. выписал на имя профессора удостоверение, свидетельствующее, что он

⁸⁴ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 144.

⁸⁵ Временное правительство – высший орган государственной власти и управления в России со 2 (15) марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Образовано Временным комитетом Государственной думы по соглашению с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов на период до созыва Учредительного собрания. В правительство первого состава вошли Г. Е. Львов (председатель и министр внутренних дел), лидер кадетов П. Н. Милюков (министр иностранных дел), лидер октябристов А. И. Гучков (военный и морской министр), прогрессист А. И. Коновалов (министр торговли и промышленности), М. И. Терещенко (министр финансов), эсер А. Ф. Керенский (министр юстиции) и др. Программа включала амнистию по политическим и религиозным делам, введение демократических свобод, всеобщего избирательного права, реформу местного самоуправления, замену полиции милицией, уничтожение политического сыска, проведение выборов в Учредительное собрание. Местными органами власти Временного правительства были губернские и уездные комиссары.

является комиссаром правительства по Государственной канцелярии и учреждениям, состоящим при ней и при Государственном совете, а также по Канцелярии по принятию прошений⁸⁶. Однако официальная информация о назначении относится только к 16 марта⁸⁷. Комиссаром он пробудет до 7 апреля. Тем же указом от 16 марта 1917 г. профессор Гримм сделан товарищем министра народного просвещения А. А. Мануйлова по делам высшей школы (причем обязанности ему предписывалось исполнять начиная с 7 марта)⁸⁸.

5 марта 1917 г. распоряжением Временного правительства была создана Чрезвычайная следственная комиссия, ставившая целью расследование действий бывших высокопоставленных имперских чиновников, включая министров. Во главе ее встал известный московский адвокат Николай Константинович Муравьев (1870–1936)⁸⁹. Состав комиссии несколько раз менялся, но в числе первых членов

⁸⁶ Там же. С. 145.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. И об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. I. Л., 1924. С. V. О работе комиссии и ее председателе см. подробнее: *Варфоломеев Ю.В.* Закон и трепет: очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006; *Он же.* Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007.

оказались видные общественные и научные деятели – С. В. Завадский, С. В. Иванов, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Родичев, Н.Д. Соколов, Е. В. Тарле, П. Е. Щеголев. Д. Д. Гримм также вошел в число ее участников. Его участие в работе комиссии не кажется активным. Однако он примет участие в допросе А. И. Гучкова 2 августа 1917 г., интересуясь у него подробностями отречения Николая II, и П.Н. Милюкова 4 и 7 августа⁹⁰. Редактором стенографических отчетов согласился быть великий поэт Александр Александрович Блок (1880–1921), приступивший к своим обязанностям в мае 1917 г.⁹¹ 5 августа 1917 г. ему будет поручено заведовать литературным редактированием всех стенограмм допросов⁹². В этом качестве он будет контактировать с Д. Д. Гриммом, который предложит поэту в помощники искусствоведа Михаила Васильевича Бабенчикова (1890–1957)⁹³. Думается, что

⁹⁰ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VI. Л., 1926. С. 277, 304, 341, 346.

⁹¹ *Емельянов Ю.Н.* Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012. С. 344–365.

⁹² *Блок А. А.* Дневники // Блок А. А. Собр. соч. Т. VII. М. – Л., 1963. С. 295, 300, 302.

⁹³ Там же. С. 297; *Бабенчиков М.В.* Отважная красота // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 160.

взаимоотношения Гримма и поэта Блока еще нуждаются в специальном изучении, равно как и роль профессора в Чрезвычайной следственной комиссии.

Д. Д. Гримм вошел в состав Комиссии по реформе высшего образования при Министерстве народного просвещения Временного правительства. Она была создана 21 марта 1917 г., во главе ее встал крупный профессор-зоолог Михаил Михайлович Новиков (1876–1964), а его заместителем стал историк Иван Михайлович Гревс (1860–1941). Среди других известных ученых, ставших членами комиссии, следует назвать минеролога и петрографа Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, востоковеда С. Ф. Ольденбурга, языковеда и археолога Н.Я. Марра, правоведа М.Я. Пергамента, историка М.И. Ростовцева и др. Комиссия за короткое время проделала огромную работу, распорядившись, среди прочего, открыть университеты в Иркутске, Тифлисе, Ташкенте, преобразовать Ярославский Демидовский лицей в университет, расширить университет в Саратове за счет открытия новых факультетов, открыть Омский сельскохозяйственный институт, разработать предложения по совершенствованию медицинского образования и др.⁹⁴

Будучи товарищем министра народного просвещения, Гримм участвовал в подготовке циркуляров, реформировавших университеты на основе соблюдения принципов законности и академических свобод. Так, 15 апреля высшим школам предоставили право самостоятельно устанавливать способы замещений вакантных должностей. В мае ректорам

⁹⁴ Ульянкина Т.И. Указ. соч. С. 74–77.

предложили уволить профессоров, назначенных после 27 августа 1905 г. без рекомендаций факультетов и советов.

Указом Временного правительства от 8 мая 1917 г. на основании закона от 26 декабря 1916 г. Grimm был назначен сенатором первого Департамента Правительствующего сената⁹⁵. Но в составе правительства он продержался лишь до 4 июля. Профессор поддерживал линию П. Н. Милюкова, скептически относившегося к идее коалиционного правительства с участием социалистов. Заметим, что министр народного просвещения Мануйлов испытывал не меньшее разочарование и вообще стал выступать за отставку Временного правительства в полном составе⁹⁶. Видимо, Grimm разделял взгляды кадетских лидеров на украинский вопрос. Поэтому, когда в знак протеста сделанным киевской Центральной Раде уступкам три министра-кадета, включая Мануйлова, шли в отставку, Д. Д. Grimm последовал за ними. С 4 июля 1917 г. профессор был освобожден от обязанностей товарища министра и от председательствования в совещании товарищей министров⁹⁷.

8 мая на основании закона от 26 декабря 1916 г. Grimm назначен сенатором первого Департамента Правительствующего сената и затем оставался им вплоть до прихода к власти большевиков⁹⁸. 9-12 мая Давид Давидович принимал

⁹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. И об.

⁹⁶ Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006. С. 412.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 12 об.

⁹⁸ Там же. Л. И об.

участие в VIII съезде Кадетской партии и вновь был избран в состав ее Центрального комитета, наряду с П. Н. Милюковым, В. И. Вернадским, А. А. Кизеветтером, П. И. Новгородцевым, В.Д. Набоковым и др. Указом Временного правительства Правительствующему сенату от 18 июля 1917 г. Grimm назначен членом Юридического совещания при правительстве⁹⁹. В августе Давид Давидович в качестве одного из делегатов от высших учебных заведений России принимал участие в Государственном совещании в Москве. Именно ему утром 14 августа было доверено произнести речь от лица академической группы. В ней профессор, обрисовав тяготы переживаемого момента, призвал всех сограждан возвыситься над партийными и классовыми интересами. Он указывал, что именно нравственный упадок прежней власти привел страну к кризису и крушению монархии. Выучив этот урок, новому правительству следовало стать подлинно единым и общенародным. Оно должно «восстановить расшатанную военную и гражданскую дисциплину, воспитывать в народе чувство правды и законности, бороться со всякими явлениями захвата и произвола»¹⁰⁰. Но добиться всего этого, по его убеждению, могла только по-настоящему культурная и просвещенная власть, которая одной из главных задач поставила бы интеллектуальное и моральное просвещение народа. Д. Д. Grimm призывал сограждан забыть прежние взаимные обиды и сплотиться вокруг единой цели: «Возьмемся бодро

⁹⁹ Там же. Л. 13 об.

¹⁰⁰ Государственное совещание / Под ред. М.Н. Покровского. М. – Л., 1930. С. 96.

за труд. Возродим в нашей душе чувство законности, тягу к тому, что составляет истинную и великую сущность русского народного духа к водворению правды божией в делах человеческих. В надежде на то, что Временное правительство твердо станет на этот путь, деятели русской науки готовы поддерживать его всеми своими личными жертвами и трудом»¹⁰¹. 20 сентября 1917 г. Grimm как представитель кадетов вошел в состав так называемого Предпарламента. Он был создан Демократическим совещанием в качестве совещательного органа для представительства всех политических партий вплоть до созыва Учредительного собрания.

Пафос выступлений Давида Давидовича и его необычайная активность вполне понятны. Он, как и многие российские интеллектуалы в то время, был охвачен эйфорией обновления, ощущением своей причастности к коренным историческим переменам в России. Правда, реальность вновь оказалась не такой, как мечтали, и вскоре профессор в этом убедится.

Даже в это трудное время Д. Д. Grimm продолжал заниматься преподавательской деятельностью. После своего ухода из правительства он вернулся в Петроградский университет. Приказом Министерства народного просвещения № 96 от 4 июля 1917 г. он был утвержден ординарным профессором по кафедре римского права¹⁰². Параллельно продолжил работу и в Александровском лицее.

¹⁰¹ Там же. С. 97.

¹⁰² РГИА. Ф. 1405. Он. 528. Д. 51. Л. 12 об.

12 октября министерство утвердило его в звании заслуженного профессора, которое давало право на пенсию, равную должностному окладу¹⁰³.

Захват власти большевиками стал для Д. Д. Гримма большой неожиданностью. Его он категорически отказывался признавать. К сожалению, на основе известных источников крайне трудно восстановить картину жизни профессора в этот период. Какое-то время он продолжал работать в университете. Так, 5 марта (20 февраля) 1918 г. на заседании юридического факультета он был избран в состав юридической испытательной комиссии, которая должна была заседать с 1 апреля (19 марта) по 1 июля (19 мая) и с 15 сентября по 1 декабря 1918 г. Народный комиссариат просвещения определил его пенсию в размере 3.600 рублей в год¹⁰⁴. Жизнь Д. Д. Гримма в Петрограде была трудной. Старый недруг Б. В. Никольский однажды встретил его холодной февральской зимой 1918 г. и не преминул позлорадствовать: «Сегодня видел в трамвае Гримма – седого, голодного, ободранного, поганого... Нет, подлецы, возмездие вам еще впереди, коли вы не переколеете!»¹⁰⁵

Большевики с явным недоверием относились к Гримму. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести

¹⁰³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49.

¹⁰⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49 p.

¹⁰⁵ *Никольский Б. В. Дневник. Т. 2. С. 333.* Правда, желчный и мстительный Б.В. Никольский «переколеет» раньше Д.Д. Гримма – 11 июня 1919 г. он будет расстрелян большевиками как активный деятель Союза русского народа.

недель провел в заключении¹⁰⁶. Остаться дальше в Петрограде было небезопасно, и Grimm принял решение бежать из Советской России вместе с семьей. В феврале 1920 г. он при помощи друзей пересек границу с Финляндией. В его личном деле появилась краткая запись: «Выбыл из состава профессоров Единого Петроградского Университета 28 февраля 1920 г.»¹⁰⁷. Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с Родиной, о котором сам профессор не мог тогда предполагать.

Поселившись в Хельсинки, он стал активным участником антибольшевистского движения, активно контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией¹⁰⁸. Он принимал участие в работе Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Д.Д. Grimm состоял представителем Главнокомандующего Русской армией генерала барона П. Н. Врангеля и парижского Совещания послов¹⁰⁹. «Однако

¹⁰⁶ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915–1944. Box 16. Fold. 30.

¹⁰⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49 p.

¹⁰⁸ См.: *Черняев В. Ю.* Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // *Нансеновские чтения 2008*. СПб., 2009. С. 17–38; *Мусаев В.И.* Политические организации российской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // *Зарубежная Россия. 1917–1939*. Кн. 2. СПб., 2003. С. 84–86.

¹⁰⁹ О взаимоотношениях Д. Д. Гримма и П. Н. Врангеля см.: *Росс Н. Врангель и кронштадтцы* // *Грани*. 1987. № 143. С. 192–219;

наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», – сетовал он несколько лет спустя¹¹⁰.

Д. Д. Гримм, как и многие эмигранты, поначалу был убежден в недолговечности большевистского режима, а значит, и верил в скорое возвращение на Родину. Но ход событий заставлял корректировать планы. Потому он писал К. Н. Гулькевичу в конце июня 1920 г.: «До начала 1920 года русская эмиграция в Финляндии жила надеждою на скорое освобождение Петрограда от большевиков. Мысль всех была фиксирована на подготовке боевой победы. Далеко вперед никто не заглядывал, полагая, что нужно только продержаться месяц или два, пока сила большевиков не будет сломлена, и беженцы не вернутся на родину»¹¹¹. Теперь и ему предстояло включиться в решение вопросов беженцев, регулярно информируя о своих действиях Совет послов¹¹². В декабре 1920 г. к нему присоединится сын Иван. Еще недавно он сражался в рядах Вооруженных сил Юга России, затем, после их разгрома, в январе 1920 г. был эвакуирован

Письмо Д. Д. Гримма П. Н. Врангелю от 4 октября 1921 г. (из архива Гуверовского института войны, революции мира) / Введ., подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 7. С. 106–113.

¹¹⁰ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915–1944. Box 16. Fold. 30.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6094. Он. 1. Д. 56. Л. 2 об.

¹¹² ГАРФ. Ф. 6851. Он. 1. Д. 124. Л. 1–9.

из Одессы на английском корабле в Константинополь. Беженские скитания ненадолго привели его в Болгарию, откуда он уже вскоре уехал на север, в Хельсинки, желая помочь отцу. По некоторым сведениям, Иван Гримм совершал тайные поездки в Петроград и Кронштадт для подпольной работы¹¹³.

В 1922 г. газета «Новая русская жизнь» из-за нехватки средств прекратила свое существование. Недавний крах Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушал оптимизма. Д.Д. Гримм понял, что его дальнейшее пребывание в Финляндии теряло всякий смысл, и он решил вернуться к профессорской деятельности. По некоторым сведениям, он уехал сначала в Париж, а затем в Берлин¹¹⁴. Правда, пребывание там оказалось недолгим. Гримм был приглашен на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция» чехословацкого правительства, беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России, инициированная

¹¹³ Гримм Иван Давидович // Русская Эстония: общедоступный, энциклопедический, постоянно пополняемый справочник. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Гримм_Иван_Давидович (дата обращения: 24.07.2017).

¹¹⁴ Сведения о пребывании Д.Д. Гримма в Париже и Берлине встречаются в некоторых биографических статьях, однако в архивных материалах пражской полиции указаний на это нет. Впрочем, в 1922 г. профессор отметился публикацией статьи в эмигрантском берлинском сборнике: *Гримм Д.Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. 1. С. 22–63.*

президентом Томашем Масариком (Tomas Garrigue Masaryk; 1850–1937). Большое внимание в рамках нее отводилось поддержке русских ученых и студентов, что обеспечило превращение Праги в интеллектуальную столицу зарубежной России, создание и развитие там эмигрантской научной инфраструктуры. Документы полиции свидетельствуют, что в чехословацкую столицу Д.Д. Гримм и его близкие прибыли 7 июля 1922 г.¹¹⁵

Приехавшие в Чехословакию ученые получали индивидуальные стипендии от правительства республики. Размер их варьировался в зависимости от прежнего статуса. Все ученые делились на три группы: к первой группе относились штатные профессора российских высших учебных заведений, имевших научную известность и преподавательский опыт, ко второй – экстраординарные профессора и приват-доценты, к третьей – молодые ученые, вынужденные прервать научную карьеру из-за революции, Гражданской войны и эмиграции, а также лица, готовящиеся к получению ученой степени¹¹⁶. Д.Д. Гримм был причислен к первой категории, ему было назначено ежемесячное жалование в размере 2.100 чешских крон и дополнительных 300 крон на

¹¹⁵ Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1921–1930». Kart. 837. Sign. G 908/13 Grimm David; Fond «Policejní ředitelství Praha II – evidence obyvatelstva». Sign. David Grimm 1864; Sign. Ivan Grimm 1891.

¹¹⁶ *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 51.

жену¹¹⁷. Этих денег было вполне достаточно для нормальной жизни. Правда, семье профессора поначалу пришлось столкнуться с трудностями, вызванными остротой квартирного вопроса в перенаселенной Праге. Некоторое время она была вынуждена жить в общежитии «Свободарна» на Либени, специально переделанном городскими властями для размещения русских преподавателей и студентов. Оно считалось благоустроенным, поскольку имело электрическое освещение и центральное отопление. Ученые и члены их семей жили в специально отведенном коридоре с маленькими квартирками. Но, конечно, условия жизни оставались трудными¹¹⁸. Осенью 1926 г. Д. Д. Гримм вместе с супругой переехал в освободившуюся после отъезда из Праги П.Б. Струве квартиру в специально построенном знаменитом «Профессорском доме»¹¹⁹. Причем помог ему в

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 127. Л. 17. Несколько хуже было положение его сына Ивана, которому по особому решению министерства иностранных дел ежемесячно начислялось 1.100 крон и по 150 крон на жену и ребенка (Там же. Л. 18).

¹¹⁸ *Копрживова Л.* Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 6; Из бесед с русскими эмигрантами. Екатерина Александровна Максимович, урожд. Кизеветтер // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. Прага, 2011. С. 395–396; *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге. С. 75–84.

¹¹⁹ Archiv Národního muzea. F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. ANM. 2–5–710–711.

этом чехословацкий общественный и политический деятель, видный русофил Карел Крамарж (1860–1937).

Давид Давидович Гримм с первых дней в Праге принимал активное участие в жизни русской диаспоры. Профессор стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, созданной до его приезда в декабре 1921 г. и призванной оказывать академическую помощь учащейся молодежи. Она «контролировала достижения русских студентов и обсуждала также вопросы, касающиеся пребывания русских ученых и студентов в Чехословацкой республике»¹²⁰. Коллегия выполняла одновременно функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем сериям (гуманитарные естественные, математические и технические науки)¹²¹. Гримм опубликовал на их страницах одну из своих первых работ пражского периода¹²².

Он также вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии, образовавшейся осенью 1921 г. По признанию создателей, группа ставила задачей укрепление

¹²⁰ *Novikov M. Organisační činnost ruských učenců v ČSR // Записки Научно-исследовательского отделения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 51. S. 51.*

¹²¹ Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 9.

¹²² *Гримм Д.Д. Основные предположения и задачи социальных наук // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 29–73.*

связей русских исследователей с учеными из других стран, научную подготовку молодых людей, «посвящающих себя по окончании высшего образования занятиям науки, и нуждающихся для прохождения учебно-ученого искусства вне своей университетской обстановки в таком руководстве, которое бы соответствовало русским требованиям и традициям¹²³. Первым председателем Академической группы был избран П.И. Новгородцев, а пост почетного председателя занял А. С. Ломшаков¹²⁴. Товарищем председателя стал Д.Д. Grimm, секретарем – В. И. Исаев, казначеем – А. П. Фан-дер-Флит, членами правления – С. В. Завадский, Г. В. Вернадский и И. Д. Жуков. Одним из главных направлений работы Академической группы была научная аттестация, выражавшаяся в присвоении ученых степеней и званий. Известно, что 3 июня 1923 г. именно Grimm руководил процессом защиты диссертации Г. В. Флоровского «Историческая философия А. И. Герцена» на соискание ученой степени магистра философии¹²⁵.

¹²³ Národní archiv ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 80. Kart. 6

¹²⁴ В 1922 г. П.И. Новгородцев сложил с себя полномочия председателя в пользу П. Б. Струве. После его отъезда из Праги в 1924 г. Русскую академическую группу возглавил Е. В. Спекторский, находившийся на этом посту до 1927 г., когда его сменил В. А. Францев (Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 37).

¹²⁵ Narodm archiv CR. F. Komitet pro umoznem studia ruskym a ukrajinskym studentum v CSR. Inv. c. 125/1. Kart. 16

В октябре 1922 г. в качестве представителя Русской академической группы в Чехословакии Д.Д. Grimm принял участие во Втором съезде русских академических организаций за границей, проходившем в Праге. По его итогам профессор был избран в состав правления Союза русских академических организаций за границей¹²⁶. На этом съезде, кроме прочего, было решено создать в чехословацкой столице Русский институт. Он начал свою работу ровно через год, и Д. Д. Grimm принял в ней участие в качестве приглашенного лектора. В функции института входило осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов исследований, второе – устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории¹²⁷. В феврале 1924 г. Д.Д. Grimm прочел публичную лекцию «Русские конституционные учреждения», а в марте – «Государственная дума и Государственный совет»¹²⁸. Тексты их, увы, обнаружить не удалось.

¹²⁶ Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 87.

¹²⁷ Ковалев М.В. Русский институт в Праге (1922–1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.

¹²⁸ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. IV. Přednášky v ruských emigrantských institucích v Praze; Лекции Русского института // Огни. 1924. 11 февраля. № 6; Kronika

Но едва ли не самой яркой страницей пражского периода жизни Д.Д. Гримма стала его работа на Русском юридическом факультете. В октябре 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. Его председателем стал профессор П. И. Новгородцев, а секретарем – профессор Н.Н. Алексеев. В начале 1922 г. гуманитарное отделение было разбито на секции – историко-филологическую и юридико-экономическую. В последней секции начал преподавать Д.Д. Гримм¹²⁹. Тогда же возникла мысль о преобразовании юридико-экономической секции в самостоятельное высшее учебное заведение. Так 14 февраля 1922 г. было принято решение о создании Русского юридического факультета, торжественное открытие которого состоялось 18 мая 1922 г.¹³⁰ Его основатели подчеркивали, что в СССР были

kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. T. I. S. 140, 142.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 4. Л. 25 об.; Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. Прага, 1927. С. 8.

¹³⁰ Литература о Русском юридическом факультете ныне обширна. См. подробнее: *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000. С. 67–87; *Ганин В.В.* Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37–43; *Михальченко С. И.*,

уничтожены все правовые основы и прекратилась подготовка юристов. Получение профессионального образования русскими студентами в зарубежных университетах не в силах заменить обучения национальному праву. Поэтому в основу организации факультета был положен университетский устав от 23 августа 1884 г., а следовательно, подготовка специалистов по дореволюционным учебным программам. Эмигранты верили, что выпускники факультета в будущем вернуться в новую демократическую Россию, где смогут использовать полученные ими знания¹³¹. П. И. Новгородцев в

Пономарева В.П. Русские юристы в эмиграции в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 110–114; *Михалъченко С. И., Ткаченко Е.В.* Преподаватели-обществоведы на Русском юридическом факультете в Праге в 1920-е годы // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI вв. Казань, 2016. С. 57–63; *Михалъченко С. И.* Фонд Русского юридического факультета в Праге в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 185–196; *Соловьев А.В., Сытин А.Г.* П.И. Новгородцев и Русский юридический факультет в Праге // Философия политики и права. 2016. № 7. С. 350–358 и др.

¹³¹ Открытие Русского юридического факультета в Праге // Студенческие годы. Прага, 1922. № 1. С. 23; Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923–1924 учебный год. Прага, 1925. С. 10–11; Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 8; *Евсеева Н.В.* Эмигрантская и советская

приветственной речи 18 мая 1922 г. как раз говорил об этом: «...Открытие Русского юридического факультета есть ставка на Россию, на ее будущее и, наконец, ставка на право»¹³². Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Главная из них заключалась в том, что юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях, за рубежом не сможет быть равноценным получению знаний в местных высших школах. Дипломы факультета не могли быть признаны вне эмигрантской среды. Философ Н. О. Лосский в своих воспоминаниях приводит пример, как один из выпусков факультета организовал краткосрочные малярные курсы. После их окончания дипломированные русские юристы поехали в разные страны, главным образом во Францию, где стали ремесленниками-малярами¹³³.

Первым деканом факультета стал профессор Павел Иванович Новгородцев (1866–1924). Grimm получил кафедру римского права и, помимо того, в декабре 1923 г. возглавил созданное Общество правоведения и общественных знаний.

школа 20-х гг. (опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 29–42.

¹³² К открытию Русского юридического факультета в Праге: Речь декана юридического факультета профессора П.И. Новгородцева // Студенческие годы. Прага, 1922. № 2. С. 23; Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 9.

¹³³ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 223.

Он начал читать студентам курс истории римского права и догмы римского права¹³⁴. Новгородцев был тяжело болен и 23 апреля 1924 г. скончался. Давиду Давидовичу суждено было стать его преемником. Он был избран деканом факультета 27 мая 1924 г. и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. В пражской эмигрантской среде он считался живым воплощением университетских традиций. Именно он, наряду с А. А. Кизеветтером, М.М. Новиковым и Е.В. Спекторским (двое последних также были бывшими ректорами – Московского и Киевского университетов соответственно), был одним из инициаторов празднования Татьянина дня в 1925 г.¹³⁵

Д.Д. Гримму предстояло руководить Русским юридическим факультетом в весьма непростой период. Ввиду не востребованности дипломов число желающих учиться русскому праву по дореволюционным образцам стремительно падало. Известны обращения Гримма к К. Крамаржу с просьбой помочь трудоустроиться русским студентам, оказать визовую поддержку для выезда из Чехословакии¹³⁶. Другой проблемой для факультета стало сокращение

¹³⁴ *Гримм Д.Д.* Лекции по истории римского права. Прага, 1923. Вып. I–III; 1924. Вып. IV; 1925. Вып. V; Он же. Лекции по догме римского права. Вып. 1: Введение и общая часть. Прага, 1927.

¹³⁵ См.: *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. № 25/2. С. 132–133.

¹³⁶ Archiv Narodmho muzea. F. Karel Kramar. Kart. 19. Inv. с. 961. 2-5-703-

финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета. В 1925 г. на первый курс было принято 54 студента, а с 1926 г. набор был и вовсе прекращен. Последний выпуск был запланирован на весну 1929 г.¹³⁷ На годовичном акте 18 мая 1927 г. декан Grimm с горечью произнес: «Культурная работа на наших глазах обрывается, и вновь судьба нам напоминает, что – пока не будет великой России – мы осуждены на жизнь и скитания в роли вечных Агасферов, которые никому не нужны, и которых никто понять не желает, да и не может по-настоящему понять»¹³⁸.

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Grimm стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Д.Д. Grimm получил известие, что Совет университета 14 апреля 1920 г. избрал его ординарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности¹³⁹. Новость для ученого оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в

¹³⁷ *Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven – L., 2004. P. 91.*

¹³⁸ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 3–4.

¹³⁹ *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.3a,4.*

общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале – М. К.), <...> я лишен возможности принять названную должность, о чем я уведомил профессора И. М. Тютрюмова, которому я подробно об этом написал. Принося университету благодарность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»¹⁴⁰. Теперь же, семь лет спустя, Д.Д. Grimm вернулся к эстонскому предложению.

О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И. М. Тютрюмов, который писал декану юридического факультета, что «Г[осподин] Grimm по справедливости считался лучшим романистом в России... Он известен и своими научными трудами по истории и системе римского гражданского права»¹⁴¹. В начале 1927 г. Д. Д. Grimm согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета, в стенах которого когда-то началась его преподавательская карьера. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.¹⁴² 15 марта 1927 г. Совет Тартуского университета избрал Гримма ординарным

¹⁴⁰ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.6

¹⁴¹ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.15.

¹⁴² Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.12.

профессором, а 28 марта министр приказом № 32335 утвердил его в этой должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского языка¹⁴³. В начале сентября 1927 г. Д. Д. Grimm, его жена Вера Ивановна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и сыном Константином, а также няня Степанида Кузьминична Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет и добровольно последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту¹⁴⁴.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что Grimm наконец обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге Петру Александровичу Остроухову (1885–1965) в Прагу: «Лично мы живем по-старому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, – только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи

¹⁴³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.19 p. Свои исследования в эстонский период жизни Д. Д. Grimm будет публиковать в основном по-немецки: Grimm D. D. Zur Frage über den Begriff der Societas im klassischen römischen Rechte // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). Tartu, 1933. В. Humaniora. Т. XXX. P. 1–87; Eadem. Die sociologischen Grundlagen des römischen Besitzrechts // Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento. Palermo, 1936. Vol. IV. P. 173–200.

¹⁴⁴ Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.11; Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.28–28 p.

не хватает»¹⁴⁵. Но, конечно, не все было так гладко. Д. Д. Гримму пришлось столкнуться с экономическими проблемами, порожденными мировым кризисом, о которых он писал все тому же Остроухову в июле 1932 г.: «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января т[екущего] г[ода] на 15 %, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы, грешные, с 17-го года»¹⁴⁶. Случались проблемы и в университете. Так, в январе 1935 г. был сорван объявленный профессором курс по римскому договорному праву. На первую лекцию пришло только двое студентов, а на вторую и третью не явилось никого. Гримм был обижен: «При таких условиях я считаю дальнейшие попытки чтения объявленного мною курса бесцельными и несовместимыми с моим достоинством»¹⁴⁷.

В 1929 г. Д. Д. Гримм принялся за мемуары и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный совет в строю наших конституционных учреждений»¹⁴⁸. Научная квалификация и историческая отстраненность Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9586. Он. 1. Д. 171. Л. 1 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁴⁷ Rahvusrhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.105.

¹⁴⁸ Rahvusrhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.5.

субъективности. Они отразили в себе не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Д.Д. Гримма погружают в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга¹⁴⁹.

На рубеже 1920-1930-х гг. заметно омрачили жизнь престарелого профессора следующие семейные обстоятельства. Еще в Праге, в июне 1922 г. его сын Иван женился на молодой красавице Марии Владимировне Максимовой (1900–1941). В марте следующего года у них родится сын Константин. Осенью 1927 г. все вместе они окажутся в Тарту. Там некогда счастливый брак даст трещину. У Марии возникнет роман с Василием Александровичем Карамзиным (1884–1941), бывшим кавалеристом, служившим вместе с Николаем Гумилевым, и правнуком брата великого историка. Иван, видя бессмысленность попыток сохранить семью, даст супруге развод, и 23 октября 1929 г. Мария повторно выйдет замуж, взяв фамилию нового мужа – Карамзина. Под ней она и войдет в эмигрантскую литературу как талантливая, незаурядная поэтесса. К слову, в декабре 1931 г. Иван Гримм также повторно сочетается браком. Его избранницей станет Наталья Васильевна Маслова (1899–1943), и вскоре у них появятся общие дети – Алексей (1933) и

¹⁴⁹ Шор Т.К. Неопубликованные мемуары профессора Давида Гримма // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 91; Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А. В. Указ. соч. С. 75.

Ольга (1936). Нет сомнения, что Давид Давидович Гримм переживал за судьбу своего сына и что перипетии его семейной жизни воспринимались им тяжело. Но едва ли не более сильным ударом для профессора стал уход из жизни любимой супруги Веры 2 марта 1930 г.

В эстонский период Д.Д. Гримм принимал активное участие в эмигрантской общественной жизни. Со слов Тамары Павловны Милютиной (1911–2004), его приезд «украсил русский Тарту»¹⁵⁰. Долгое время он состоял членом приходского совета тартуского Успенского собора, был председателем местного отдела Русского национального союза. Его жилище часто служило местом неформальных встреч русской интеллигенции. Один из современников много лет спустя писал: «Помню рождественскую елку в профессорской квартире с высокими потолками, которые словно подпирали стоявшие вдоль стен книжные стеллажи, помню продолговатое худощавое лицо Ивана Давидовича Гримм и сидящего в кресле укрытого клетчатый пледом его старого отца, бывшего члена Государственного совета России... Остались в памяти терпкие запахи елки, мешающиеся с ароматом тонких духов, исходивших от одетой в темно-фиолетовое платье хозяйки дома с восточными миндалевидными глазами, в которых словно затаилась улыбка леонардовской Мона Лизы»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Милютина Т. Венцом уложенные косы // Карамзина М.В. Ковчег: Стихотворения. Судьба. Памятные встречи. Письма И. А. Бунина к М. В. Карамзиной. Таллинн, 2008. С. 157.

¹⁵¹ Машкеев В. Какая страшная нежность и жалость... // Карамзина М.В. Ковчег: Стихотворения. Судьба. Памятные

Д.Д. Гримм не прерывал контакты с друзьями и коллегами, оставшимися в Праге. К нему в гости приезжал из чехословацкой столицы архиепископ Сергей Пражский¹⁵². Известно, что в мае 1937 г.

Гримм послал поздравительный адрес в честь 15-летия создания Русского юридического факультета, торжественно зачитанный во время «профессорского чая» с участием видных представителей русской диаспоры (Л. А. Новгородцева, К. И. Завадская, А. С. Ломшаков, М. М. Новиков, П.Н. Савицкий, П.А. Остроухов, С. И. Варшавский, Д.И. Мейснер, И. И. Лапшин, Д.Н. Иванцов, А. А. Вилков, Е. В. Тарабрин)¹⁵³.

Факты свидетельствуют о том, что в Эстонской республике Гримм пользовался очень большим авторитетом. В феврале 1931 г. Гримм обратился к министру юстиции и внутренних дел с просьбой принять его в эстонское гражданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 г. Его поручителями готовы были выступить видные местные ученые: декан юридического факультета Тартуского университета, профессор Юри Улуотс (Juri Uluots; 1890–1945), профессор международного права Тартуского университета Антони Пийп (Antoni Piip), профессор уголовного права Тартуского университета Карл Саарманн

встречи. Письма И. А. Бунина к М. В. Карамзиной. Таллинн, 2008. С. 167–168.

¹⁵² Милютин Т. Указ. соч. С. 159–160.

¹⁵³ Kronika kulturního, vědeckého a společenského života. Т. II. S. 435.

(Karl Saarmann; 1893–1948)¹⁵⁴. Уже в конце марта это ходатайство было удовлетворено¹⁵⁵.

Семидесятилетие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. На годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д. Д. Гримма. По достижении предельного возраста он с 1 июля 1934 г. вышел на пенсию¹⁵⁶, однако остался работать в университете в качестве внештатного преподавателя.

В 1935 г. министр юстиции и внутренних дел пригласил Гримма в качестве эксперта для работы над новым Гражданским уложением (Конституцией) Эстонской республики. Профессор с интересом принял это предложение, попросив временно отменить занятия в университете¹⁵⁷. Выбор Д.Д. Гримма был не случаен. Сказывался не только его большой опыт, но и конкретный интерес к правовому строительству в республике. Еще в 1933 г. он опубликовал свои заметки к проекту Второй Конституции Эстонии, которая должна была прийти на смену Основному закону 1920 г.¹⁵⁸ И здесь возникает трудный для объяснения

¹⁵⁴ Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.1.

¹⁵⁵ Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.10.

¹⁵⁶ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.69,107.

¹⁵⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.112.

¹⁵⁸ *Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu //Õigus: juriidiline ajakiri. 1933. № 7. L. 311–326; № 8. L. 337–347.*

момент, который еще нуждается в дополнительном изучении. Дело в том, что профессор Гримм подверг острой критике проект Эстонского союза участников Освободительной войны, обратив внимание, что он «отбрасывает прочь все современные правовые основы, уничтожает все реальные возможности того, чтобы законы и законность обеспечивали народу его гражданские и политические свободы»¹⁵⁹. Именно этот документ в итоге получил одобрение, вступив в силу 24 января 1934 г., и именно он послужил основой для формирования авторитарного режима в стране. Теперь же, в 1935 г., профессора Гримма, поборника демократии и права, приглашают для выработки новой Конституции, которая должна была усилить вертикаль власти в стране. И он соглашается.

В феврале 1937 г. глава государства Константин Пяте (Konstantin Pats; 1874–1956) назначил Д. Д. Гримма членом Государственного совета (Riiginoukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu), в качестве представителя от русского меньшинства. Профессор полагал, что страна нуждалась в его опыте членства в Государственном совете Российской империи в 1907–1917 гг. Он отмечал, что «до сих пор здесь [в Эстонии] существовала только однопалатная система и никто практически из депутатов Национального] собрания, одинаково как избранных, так и назначенных, не имел ясного представления о том, как двухпалатная система выглядит не только на бумаге, но и в практическом

¹⁵⁹ Ibid. № 8. L. 347.

применении в жизни»¹⁶⁰. Д. Д. Гримма смущал его преклонный возраст и ограниченная работоспособность, но еще более – незнание эстонского языка. Впрочем, эту проблему удалось решить. Глава государства распорядился, что проект Основного закона будет переведен специально для него на русский язык, а во время заседаний к нему будет приставлен переводчик. Давид Давидович согласился: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента»¹⁶¹. Работа оказалась интересной, но тяжелой. С февраля по июнь 1937 г. он практически еженедельно с понедельника по пятницу уезжал из Тарту в Таллинн, приобретая в результате «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение»¹⁶². Лишь в июне 1937 г. он переселился на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Она была принята Национальным собранием 28 июля 1937 г. и 17 августа подписана главой государства.

Пожалуй, это было последнее яркое событие в общественной жизни профессора Д.Д. Гримма. Преклонный возраст давал о себе знать. К тому же из Тарту вынужден был уехать его сын Иван, переживший разрыв с женой. И. Д. Гримм, как и отец, избрал карьеру правоведа. Однако в Тарту он постоянную работу найти не смог и потому перебрался в

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 4 об.

¹⁶² Там же. Л. 4.

Ригу. Д.Д. Гримм оставался в Эстонии, вероятно, до конца 1938 г. – начала 1939 г., а затем уехал к сыну в Латвию. В январе 1939 г. уже оттуда он благодарил декана юридического факультета Тартуского университета за поздравление с юбилеем, которое его «глубоко тронуло как свидетельство о внутренней связи и добрых товарищеских отношениях, сохранившихся между нами и после выбытия моего из состава штатной профессуры Тартуского университета»¹⁶³.

К сожалению, о последних годах жизни ученого известно крайне мало. Имеющиеся источники не позволяют пока сказать, как пережил он роковые 1939–1941 гг.: начало Второй мировой войны, советизацию Прибалтики вкуче с развернувшимися там репрессиями¹⁶⁴, начало Великой Отечественной войны и захват Риги немцами. Доподлинно известно лишь, что скончался профессор Д.Д. Гримм 29 июля 1941 г. в Риге, вскоре после ее захвата немецкими войсками, и был похоронен на Покровском кладбище, где нашли свой последний приют многие эмигранты из России¹⁶⁵.

¹⁶³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2a.8.26.

¹⁶⁴ Насколько известно, ни Д.Д. Гримм, ни его сын Иван не подверглись преследованию со стороны органов НКВД. В то же время в марте 1941 г. был арестован В. А. Карамзин, которого через несколько месяцев расстреляют, а его супруга М. В. Карамзина, бывшая жена И. Д. Гримма, 14 июня 1941 г. будет депортирована на спецпоселение в Сибирь, где скончается 17 мая 1942 г. от болезней и голода.

¹⁶⁵ Tēvija. Rīga, 1941. 30. jūlijs. № 26.

На протяжении всей своей жизни Давид Давидович Гримм был неутомимым борцом за интеллектуальную и творческую свободу. Он полагал, что успешное и динамичное развитие России возможно лишь при условии соблюдения законности и главенстве правовых начал. Он выступал противником любого радикализма, как правого, так и левого. Университетам он отводил особую роль в процессе модернизации, и поэтому выступал последовательным сторонником академических свобод. Вся его деятельность была отмечена преобразовательным пафосом, столь свойственным интеллигенции его времени, порой далеким от исторической реальности. В этом была и сила профессора Гримма, и его драма.

Воспоминания профессора Давида Давидовича Гримма как исторический источник

Т.К.Шор

Вначале 1990-х гг., при разборе так называемых «хвостов» (на архивном жаргоне – отдельные дела, отложенные

при описании какого-либо фонда как непрофильные либо случайно завалывшиеся незаинвентированные единицы хранения), в Историческом архиве Эстонии в Тарту¹⁶⁶ была обнаружена рукопись из несшитых двойных листов in quarto, без титульного листа. Анализ текста и сличение почерка позволили установить, что это воспоминания профессора Тартуского университета Давида Давидовича Гримма, написанные им в Эстонии на рубеже 1920-1930-х гг. К сожалению, из 300 страниц рукописи утеряны около 90 листов (IV–X главы первой части, страницы 15-102). В тексте фигурируют два похожих авторских названия – «Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.» и «Из жизни преобразованного Государственного совета 1907–1917 гг.».

Рукопись Гримма интересна в нескольких отношениях. Во-первых, это любопытный и совершенно неиспользованный источник по истории России первой четверти XX в., с особым вниманием освещающий деятельность Государ-

¹⁶⁶ В 1999 г. бывший Исторический архив был включен в систему Национального архива Эстонии. По закону об архивах с 1 января 2012 г. он именуется как Исторический архив Национального архива Эстонии. В общенациональной электронной поисковой системе AIS (<http://ais.ra.ee/>) дела из бывшего Исторического архива обозначаются аббревиатурой EAA (Eesti Ajalooarhiiv = Эстонский исторический архив) и в поле поиска «местонахождение фонда» значителся – *Rahvusarhiiv Tartus* (Национальный архив в Тарту). В ссылках на единицы хранения из его фондов на первом месте ставится общее название: *Эстонский национальный архив в Тарту* и затем следует шифр в том виде, как он представлен в AIS, т. е. аббревиатура и через точки следуют номера фонда, описи и дела. Например: *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.3,7.*

ственного совета, университетский вопрос и т. д. Он был совершенно неизвестен исследователям и лишь недавно стал объектом специального изучения¹⁶⁷. Во-вторых, мемуары Д.Д. Гримма органически дополняют воспоминания целого ряда русских общественных и государственных деятелей предреволюционного периода, опубликованные в тот период и позже. Так, например, воспоминания С.Ю. Витте (1849–1915), до 1906 г. председателя Совета министров, а затем постоянного члена Государственного совета и Комитета финансов, простираются лишь до марта 1912 г. Заметим, что в последние годы были опубликованы важные источники, отражающие работу высших органов государственной власти Российской империи, в том числе Государственного совета. Среди них – извлеченные из архивов мемуары А. Н. Куломзина, Н. Н. Покровского, М. В.

¹⁶⁷ Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 72–92; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М. А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Там же. С. 93–109; Ковалев М.В., Мирзеханов В. С. Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33; Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183; Он же. Профессор Д.Д. Гримм в эмиграции // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 82–92; Он же. «...Мы живем в такое время, когда и небываемое бывает». Февральская революция глазами профессора Д.Д. Гримм // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 91–105.

Шахматова¹⁶⁸. В 2007 г. в Минске появился сокращенный русский перевод мемуаров Э. Войниловича¹⁶⁹, польского депутата Государственного совета, впервые увидевших свет в Вильно в 1931 г.¹⁷⁰ В 2009 г. были переизданы воспоминания государственного секретаря С.Е. Крыжановского¹⁷¹. Мемуары Д.Д. Гримма встают в один ряд с этими важными источниками и существенно дополняют их. И наконец, в-третьих, они примечательны как литературный памятник русской эмиграции в Прибалтике в 1920-1930-х гг. В Таллинне в 1929 г. вышла книга Э. А. Верцинского «Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1919»¹⁷². Годом позже в Риге были изданы мемуары генерала П.П. Петрова «От Волги до Тихого океана. В рядах

¹⁶⁸ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016; Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015; Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. XIV. С. 669–691.

¹⁶⁹ Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007.

¹⁷⁰ Woynittowicz E. Wspomnienia 1847–1928. Wilno, 1931.

¹⁷¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009.

¹⁷² Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн, 1929.

белых»¹⁷³. Печатались воспоминания камер-пажа Б. А. Энгельгардта¹⁷⁴. Напомним, что в Эстонии времен первой Республики были опубликованы на эстонском языке мемуары бывшего эстляндского губернатора А. В. Бельгарда, напечатанные в полном объеме на языке оригинала в 2009 г. и почти сразу же переизданные на эстонском языке¹⁷⁵. Рукопись Д.Д. Гримма хронологически опережает работу А. В. Бельгарда, если, конечно, не допустить, что последний писал свои записки будучи еще в Германии, а не в Эстонии. Типологическое сходство обоих мемуаров обусловлено не только исторически, но и личностными характеристиками авторов.

За мемуары Гримм принялся в 1929 г. и писал их в течение двух лет. Целью своих воспоминаний он называл «правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный

¹⁷³ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930

¹⁷⁴ Републикацию см.: *Энгельгардт Б. А.* Воспоминания камер-пажа // Балтийский Архив. Tallinn, 1997. Т. II. С. 197–268; Т. III. С. 143–256.

¹⁷⁵ *Шор Т.К.* Воспоминания бывшего эстляндского губернатора // Балтийский Архив. Tallinn, 1997. Т. III. С. 110–117; *Бельгард А.В.* Воспоминания / Вступ. статья, подготовка текста Е. Н. Андреевой; коммент. Г. М. Пономаревой, Т.К. Шор, Н.Г. Патрушевой. М., 2009; *Bellegarde A.* Minu malestusi Eestima kubernerina / Venekeelsest kasikirjast tolkinud E. Raudsepp; Jarelsona T. Sor. Tallinn, 2010.

совет в строю наших конституционных учреждений»¹⁷⁶ (далее сноски на страницы из рукописи Гримма даются в тексте).

Научная специальность и историческая отстраненность Д.Д. Гримма придают особый ракурс его воспоминаниям, в то же время не лишая их индивидуальности и определенной субъективности. В предисловии автор предупреждает, что «Воспоминания не претендуют ни на полноту, ни на протокольную точность. Последняя исключается уже тем, что я никогда не вел никаких дневников и не располагал при писании своих воспоминаний никакими материалами. Все материалы, которые в свое время в изобилии находились у меня в руках, не исключая стенографических отчетов заседаний Государственного совета, при бегстве моем из Петрограда в Финляндию в феврале 1920 г. поневоле были брошены на произвол судьбы» (л. 3).

Воспоминания состоят из трех частей. Первая часть «Общая конструкция Государственного совета. Отдельные группы и лица» посвящена детальному анализу административной основы, структуры и личного состава Совета. Как говорилось выше, именно в этой части отсутствуют очень важные, на наш взгляд, главы с IV по X: «Отношение между

¹⁷⁶ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.3,7. См. оцифрованную копию, доступную после регистрации на портале Национального архива Эстонии (www.ra.ee/vau): URL: http://www.ra.ee/dgs/browser.php?tid=345&iid=200250376630&img=eaa2100_002_000150a_00002_t.jpg&tbn=1&pgn=1&xprc=40&ctr=0&dgr=0&lst=2&hash=9dbecf5ae48e17292a11ebe00572ab1e

нашей группой (левая группировка, возглавляемая Д.Д. Гриммом – *Т.Ш.*) и остальными группами Г[осударственного] с[овета]» (с. 27–31; здесь и далее отсутствующие страницы даются по нумерации автора – *Т.Ш.*), «Внутренняя жизнь нашей группы. М. М. Ковалевский» (с. 31–42), «Участие нашей группы в совещаниях представителей групп Г[осударственного] с[овета]» (с. 42–49), «Председатели Государственного совета: Э.В. Фриш, М.Г. Акимов, А. Н. Куломзин, И. Г. Щегловитов» (с. 50–62), «Вице-председатель Государственного совета И. Я. Голубев» (с. 63–76), «Силуэты: С. С. Манухин. Н.С. Таганцев. Кн[язь] Е.Н. Трубецкой. М.А. Стахович. В. И. Гурко. Барон В. В. Меллер-Закомельский. А. А. Мануйлов. М. А. Дьяконов» (с. 77–87), «Профессиональные и национальные объединения в Государственном совете» (с. 88–102). Все-таки и из оставшейся части вырисовывается довольно выпуклая картина попытки становления элементов конституционного правления в России в лице такого института, как Государственный совет, действовавшего по Высочайшему указу от 20 февраля 1906 г. на правах Верхней палаты. Напомним, что половина личного состава Совета назначалась верховной властью, а вторая была выборной от шести курий – дворянской, белого и черного православного духовенства, торгово-промышленной, ученой и двух земских. Поскольку Grimm представлял ученую курию от Академии наук и российских университетов, то, естественно, он более вникал в работу именно этой группы, и ей посвящена XI глава. Насколько действительно сильным был состав этой курии к февралю 1917 г., указывает тот факт, что в составе 18 членов группы были такие ученые, как академики В. И. Вернадский, М.А. Дьяконов, С.Ф. Ольденбург, профессора А. В. Васильев, Д.Д. Grimm и князь Е. Н. Трубецкой, известные в Министерстве народного

просвещения своими либеральными взглядами. Д.Д. Grimm довольно подробно останавливается на «походах» министров народного просвещения П. М. фон Кауфмана-Туркестанского, А. Н. Шварца, а затем Л. А. Кассо и его помощника барона М.А. Таубе против выборных ректоров и академических свобод, жертвою которых стал в свое время, например, ректор Тартуского университета Е.В. Пассек (л. 26)¹⁷⁷. Анализируются причины и последствия студенческих беспорядков в конце 1910-го – начале 1911 гг. в Петербурге и Москве, в том числе и попытка Л. А. Кассо вывести из состава Государственного совета ушедших из Московского университета в знак протеста профессоров В. И. Вернадского и А. А. Мануйлова (л. 31). Вернадского позднее избрали вторично в состав Совета как академика, а Мануйлова, как лишившегося профессорского ценза, вывели из состава Совета. Расправившись с москвичами, Кассо взялся за Петербург, применив другую тактику: перевода неугодных профессоров на службу в провинцию. По свидетельству Grimma, таким образом в 1911 г. из Петрограда удалили М.Я. Пергамента, местом «ссылки» которого стал Тартуский университет¹⁷⁸, в 1912 г. профессора И. А. Покровского направили в университет Святого Владимира в Киев, самого Grimma в 1913 г. отправили в Харьковский университет (л.

¹⁷⁷ Обширное дело по обвинению ректора Е.В. Пассека (1860–1912), длившееся еще и после смерти либерального профессора, хранится в университетском фонде в Эстонском национальном архиве в Тарту: Rahvusarhiiv Tartu. EAA. 402.3.1279; EAA. 402.3.1280.

¹⁷⁸ EAA.402.3.1298; EAA.402.3.1299.

35). В воспоминаниях подробно описаны перипетии борьбы с Кассо в 1911–1913 гг., в том числе и эпизод, когда члены Госсовета выступили против вмешательства не в меру ретивого министра в дела их епархии и отстояли Гримма.

Любопытно, как меняется авторская позиция мемуариста. Описывая историю создания и выборов в Госсовет, Гримм говорит о себе в третьем лице, подчеркивая объективность своей позиции. Затем в главе «Первые впечатления» (л. 9–13), где речь идет о группировках внутри Совета, в том числе о самой малочисленной «левой группе», куда причислялись, кроме академической курии, некоторые представители земства, дворянства (князь И. Г. Чавчавадзе) и торгово-промышленной курии (П.О. Гукасов) – всего 18 человек, – Гримм ясно дает понять и о своей принадлежности именно к ней и повествует уже от лица этой группы («мы», «нас», «нашей» и т. д.). Только к концу главы, когда выясняется, что Гримма выбрали председателем левой фракции, он переходит на собственный голос: «В результате дальнейших переговоров председателем группы был избран я, занимавший в то время должность декана юридического факультета» (л. 12). Смена голосов в зависимости от позиции автора прослеживается на протяжении всего текста. При этом непосредственный голос автора «я» эксплицитно выражается вначале довольно редко и ближе к концу проявляется вполне. Д. Д. Гримм, как ученый-правовед, историк и последовательный конституционалист (до революции он был в кадетской партии), стремится к объективизации процесса повествования, так как речь идет не о личной судьбе (исключение составляют эпизоды его «войны» с министром Кассо, описание личных обязанностей Гримма в Совете), а о событиях, в которых Гримм, как

гражданин России, сам принимал участие или свидетелем которых был. Так, рассказывая о судьбе М.М. Ковалевского, претерпевшего австрийский плен, умершего весной 1916 г., Grimm пишет: «К счастью своему, он не дождал до несказанного несчастья нашей родины, которой он верой и правдой служил всю свою жизнь» (л. 47).

Grimm выступает как опытный мастер политического портрета в рассказах о С.Ю. Витте, А. Ф. Кони, П.А. Столыпине, В.Н. Коковцове. Вот его Витте: «Это была в полном смысле демоническая натура, одновременно и созидательная, и разрушительная. Два демона зараз владели душой С. Ю. Витте: всепожирающий инстинкт властолюбия и крайний, чисто ницшеанский эгоцентризм, не знавший и не признававший никаких моральных сдержек. На службе у этих двух демонов состояли живой, практический ум, сильная, непреклонная воля и необузданный темперамент его. И ум, и воля, и темперамент сами по себе являются чисто формальными душевными свойствами. Содержанием их наполнял обушевающий графа инстинкт властолюбия» (л. 48). Тем не менее Витте симпатизировал либеральным академистам и состоял в числе «тайнобрачных» (так назывались сочувствующие) группы Д.Д. Гримма в Госсовете, поддерживая контакт через М.М. Ковалевского, и использовал их в своей борьбе против проекта строительства Амурской железной дороги (л. 55).

К «тайнобрачным», по словам Гримма, принадлежал и известный русский юрист А. Ф. Кони. Мемуарист пишет: «Его издавна окружал ореол прогрессивного, высоко принципиального и бесстрашного общественного деятеля. Этот ореол с годами все крепнул и превратился в своего рода догмат. Мне кажется такая оценка его личности несколько преувеличен-

ной». Далее, признавая безусловную одаренность Кони как судебного деятеля, оратора, стилиста и мемуариста, Grimm считает, что «едва ли можно считать отличительными чертами его духовного склада стойкость характера и бесстрашие в выявлении определенного политического миросозерцания. По крайней мере, он в Государственном совете ни того, ни другого качества не обнаружил». Он аргументирует свою характеристику анализом деятельности Кони в этом единственном конституционном учреждении России (лл. 57–61).

Вторая часть воспоминаний Grimma посвящена периоду с 1910 г. по 1 января 1917 г. и имеет необычное название «Эволюция и психология Государственного совета». Это едва ли не первая попытка в русской мемуаристке описать коллективную психологию не на уровне толпы, а на примере конституционного учреждения в решающий исторический период Российского государства. Grimm пытается объяснить себе происшедшие трагические события *post factum* не социологическими догмами, но исходя из общей психологической атмосферы. Во вступлении он говорит: «Самым любопытным и поучительным процессом, который мне пришлось наблюдать в жизни преобразованного Государственного совета, я считаю постепенную внутреннюю метаморфозу этого учреждения, постепенное изменение психологии его. <...> В настоящем очерке я попытаюсь представить более связную картину этого процесса, отметить общие предпосылки, главные этапы развития и общий внутренний смысл его. <...> Упомянутый процесс отнюдь не был чем-то случайным, мимолетным, лишенным сколько-нибудь серьезного интереса и значения. Для историка и социолога внутренние перемены в

общественной среде играют не меньшую роль, чем внешние результаты, к которым он привел. Трагическое сцепление обстоятельств, доведших Россию до нынешнего состояния анабиоза, оборвало этот процесс» (л. 78). Grimm подробно останавливается на внешнем и внутреннем взаимодействии новых и старых государственных систем, им созданных структур и учреждений, используя для анализа весь свой богатейший опыт знатока государственного права, начиная с классического римского образца до попыток его реального воплощения в Российском государстве. Для этого он вводит понятие «психология гражданственности», которая, по его мнению, является производной от «старой бюрократической психологии» (л. 79). Суть новой психологии заключается в том, что, используя дихотомию «прогрессивный» (либеральный) – «реакционный» (бюрократический), Grimm в то же время выводит некий промежуточный, переходный тип государственного мышления, в котором, кроме пиетета перед буквой закона, присутствует разумный критицизм и чувство политической ответственности, в ущерб бюрократической психологии «комфортности» и «политической безответственности» (л. 81). Далее он пишет: «Психология правящих верхов и отношение их к Государственному совету вполне соответствовали действительной, а не показной роли его в составе государственного механизма. Дореформенный Государственный совет фактически до самого конца оставался в глазах этих верхов *quantité négligeable*: никакого собственного политического лица и веса за ним не признавали» (л. 82). Grimm тщательно анализирует линии поведения постоянных и выборных членов Совета, деятельность отдельных групп, которые постепенно приобретают отчетливые политические очертания в ходе работы над различными законопроектами,

не упуская при этом взаимоотношений Государственного совета с Сенатом (лл. 124–148). Естественно, более всего при этом внимание автора обращено на хорошо ему знакомую работу левой группы «конституционалистов», которой он руководил.

Следуя принципу историзма, Grimm свои воспоминания строит хронологически, лишь изредка отступая от него. Так, характеризуя участие членов Государственного совета в Прогрессивном блоке, он начинает свой рассказ с летней сессии 1915 г., когда началось сотрудничество между двумя законодательными палатами: Госсоветом и Думой. В блоке от Государственного совета участвовали правый В. И. Гурко, от группы центра барон В. В. Меллер-Закомельский, беспартийный М.А. Стахович и от академистов А. В. Васильев, М. М. Ковалевский и Д. Д. Grimm (л. 149). Через членов этой группы поступали сведения о политических изменениях в высших эшелонах власти, столь частых в то время в России. Grimm особо отмечает заслуги П. Н. Милюкова в создании и деятельности этого блока (л. 152). Значение его, по мнению Д.Д. Гримма, заключалось в следующем: «Один тот факт, что все национально и государственно мыслящие элементы обеих законодательных палат почувствовали потребность объединиться перед лицом все стремительнее надвигающейся грозы, и в конце концов, как-никак, нашли общий язык, был достаточно показателен. Этот факт уже сам по себе свидетельствовал о назревавшем серьезном сдвиге в психологии русской интеллигенции, из рядов которой вышли если не все, то подавляющее большинство как левых, так и правых активных участников прогрессивного блока» (лл. 152–153).

Драматические события ноября 1916 г. описаны скупыми, но очень живыми красками, передающими тревожную атмосферу петербургских сходов либеральной интеллигенции. Автор замечает: «Патриотическое беспокойство и невольный страх за общий ход событий на войне и внутри страны и вырисовывающиеся все ярче на политическом горизонте гипократические черты разлагающейся на глазах у всех государственной машины стали брать верх над соображениями бюрократической осторожности и вытекавшей из подобных стремлений тенденции воздерживаться от всего, что могло бы оказаться *mal vu* (фр.: на плохом счету – Т. Ш.) при дворе» (л. 157). Из мемуаров возникает ясная картина способа ведения разного рода собраний и совещаний, вырисовывается и сама фигура Д. Д. Гримма с его умеренно-конституционными взглядами, его администраторский склад, особенно проявившийся в сцене описания общего собрания Государственного совета по принятию резолюции о создавшемся положении в стране (лл. 161–163). Любопытна и глава, описывающая деятельность Гримма и Вернадского в комиссии по обсуждению проекта закона о кооперативных товариществах и союза. Поскольку проект, поступивший из Думы, был явно сырой, что очень наглядно доказал граф В. Н. Коковцов, не было возможности принять его в представленном виде. Однако в случае провала его в Госсовете ставилось под угрозу с большим трудом налаженное сотрудничество в общем блоке думцев и Государственного совета. Срочно пригласили видных кооператоров (участвовал, например, Н. В. Чайковский) на экстренное заседание группы левых, проинформировали их о положении дел. Разгорелись прения, но убедительных доводов против решения комиссии Госсовета в пользу думского проекта высказано не было. Как

пишет Д. Д. Grimm, «получился один безответственный лепет безответственных людей. Таково было общее впечатление всех членов нашей группы, принявших участие в упомянутом совещании. Если до этого среди нас были еще колеблющиеся по данному вопросу, то после совещания все единогласно признали, что позиция Комиссии, занятая ею в этом отношении, ничем не поколеблена, и что другого реального выхода, кроме предлагаемого ею (т. е. исключение из проекта неразработанной части об учреждениях мелкого кредита, оставив в проекте положения с соответствующими поправками о других формах кооперативных товариществ – Г. Ш.), при данных условиях не может быть придумано» (л. 168). Когда проект закона о кооперативах после долгих мытарств и поправок от всех групп Совета необходимо было представить общему собранию, то докладчиком, против всяких правил, предложили сделать Гримма, который в течение всего обсуждения был в меньшинстве и постоянно подавал записки с особым мнением. Он оговорил себе право открыто высказывать свою позицию по всем пунктам, с которыми был не согласен. Однако выступить с докладом ему не пришлось, так как в день, назначенный для доклада, 27 февраля 1917 г. был издан высочайший указ о перерыве занятий законодательных учреждений (л. 171, 175). Grimm вскользь замечает, что позже Госдума, используя ситуацию, опубликовала закон о кооперативных товариществах в своей редакции без учета поправок Государственного совета.

Живо описано последнее стихийно собранное в роковой день 27 февраля общее заседание членов Госсовета в Мариинском дворце, где Е. Н. Трубецким и А. И. Гучковым была составлена верноподданническая телеграмма царю. В ней от имени собравшихся членов они советовали отставить

неспособное к управлению правительство. Конец этого трагического дня запечатлелся в памяти Гримма так: «Возвращаясь ночью домой по опустевшим улицам города, мы все время слышали одиночные выстрелы, раздававшиеся то тут, то там в ночной тишине. В ту же ночь Мариинский дворец подвергся нападению и разгрому со стороны хулиганствующей толпы. Три министра, не успевшие оставить дворец ко времени прихода толпы, в том числе Н. Н. Покровский, избегли ареста лишь благодаря тому, что им удалось укрыться в подвалах дворца» (л. 177).

В третьей части мемуаров Д.Д. Гримма, озаглавленной «Агония Государственного совета», в трех главах подробно описаны последние дни и процесс ликвидации этого первого в России конституционного учреждения. Первым шагом Думы сразу же после ночных налетов 27 и 28 февраля 1917 г. на Мариинский дворец, где заседал Государственный совет, было оперативное создание временного Комитета, который *de facto* являлся единственным представительным органом рушащегося государства. Квартира барона В. В. Меллер-Закомельского стала временным пристанищем для оставшихся членов Государственного совета, а Гримм был связующим звеном между остатками Госсовета и вновь образованным комитетом Госдумы. Решением последнего он был назначен Комиссаром по Мариинскому дворцу. Об этом Гримм не без юмора пишет: «Весьма бесформенный по внешнему виду клочок бумаги, гласивший о сем, был доставлен мне через тех же лиц на квартиру барона Меллер-Закомельского во время нашего совещания. Я немедленно отправился в Мариинский дворец, где и застал товарища государственного секретаря Н. Ф. Дерюжинского и статс-секретаря Государственного совета Г. Э. Блоссфельда,

заведовавшего отделением Свода Законов. Я осведомил их о своем назначении и попросил их незамедлительно созвать всех имевшихся налицо старших чинов Государственной канцелярии на предмет взаимной информации и выяснения мер, которые в первую очередь надлежало бы принять для охраны здания Государственного совета. Мой призыв встретил живой отклик. В этом опять сказалась характерная черта бюрократической психологии. Как только исчезло прежнее начальство, сразу появилась тоска по новому начальству» (лл. 179–180). Как выяснилось, особого ущерба ни зданию, ни бумагам нанесено не было, следовало только предупредить возможность повторения подобного инцидента. Grimm организовал постоянную охрану дворца с выделением пособия и довольствия из сумм, предназначенных на содержание органов власти, что заставило охрану нести службу весьма исправно. Должность комиссара Д. Д. Grimm должен был вскоре совместить со званием товарища министра народного просвещения по личной просьбе своего близкого друга А. А. Мануйлова, бывшего в то время министром, причем никакой платы за исправление этих обязанностей Grimm не получал. Мемуарист описывает свои действия в конфликтах с «левыми элементами», а также городским головой Петрограда Ю. Н. Глебовым, потребовавшим отдать зал заседаний Мариинского дворца в распоряжение городских властей.

Целая глава посвящена реорганизации Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и Отделения свода законов Государственной канцелярии (лл. 187–201). Делами этих учреждений Grimm занимался в составе Совещания товарищей министров. Последнему давали к производству так называемые

«вермишельные дела», но реорганизация двух вышеназванных присутствий к этому разряду не относилась, и поэтому они описаны Гриммом со всем тщанием. По роду своей деятельности Д.Д. Гримм был связан с председателем Временного правительства первого созыва князем Г. Е. Львовым и с управляющим делами Временного правительства В. Д. Набоковым. Общими усилиями удалось отстоять Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ как структурную единицу при Временном правительстве, а Отделение свода законов Государственной канцелярии преобразовать и ввести в состав Особого присутствия Сената и Управления кодификационной частью.

В июле с уходом Мануйлова с поста министра Гримм освободился от обязанностей товарища министра и лишь после некоторого перерыва снова посетил заседание Временного правительства нового состава уже под председательством А. Ф. Керенского. «Должен сказать, – пишет по этому поводу автор, – что с внешней стороны нельзя было не заметить большого прогресса. Того непередаваемого беспорядка, того чисто домашнего ведения дел, которые имели место при кн[язе] Львове, не было даже и в помине. Скорее бросалась в глаза известная повышенная торжественность, чтобы не сказать театральность, как будто излишняя в обстановке закрытого заседания» (л. 201).

Последняя глава сочинения Гримма повествует о ликвидации личного состава Государственного совета с окончанием двоевластия и приходом к власти большевиков, для которых, по словам Д.Д. Гримма, «самая идея, положенная в основание закона, была абсолютно чужда» (л. 201). Самым отрицательным образом характеризует Советы

рабочих и солдатских депутатов, как «крикливое, невежественное, лишенное элементарного здравого смысла, сплошь состоявшее по душевному складу своему из скрытых и явных дезертиров и пораженцев» «жалкое скопище», как «охлократию», ставшую «сильным орудием в руках беззастенчивых демагогов» (лл. 202–203), Grimm также критически оценивает и Временное правительство, которое он называет «коллегией олигархов» «с архидемократической душой и парализованной волей» (л. 203).

Формально как учреждения ни Госсовет, ни Дума не были уничтожены, поэтому вопрос об их судьбе должен был решаться на Учредительном собрании. По словам Д.Д. Гримма, ликвидация обеих законодательных палат формально коснулась лишь личного состава. Самыми первыми еще в феврале это ощутили назначенные члены Совета, когда им прекратили выдавать ежемесячное жалование. В марте перестали выдавать суточное довольствие выборным членам и посадили под арест постоянных членов. Поскольку в апреле они еще оставались под арестом, Grimm сделал запрос на имя министра юстиции Керенского, в чем, собственно, обвиняются члены Госсовета и как быть с их жалованием. Ответ был такой, что жалование не платить, а с арестованными впредь поступать «по усмотрению» – формулировка, которую, по словам Гримма, с легкой руки министра юстиции, быстро усвоили Советы.

На заседании нового кабинета Временного правительства под председательством того же Керенского было предложено отправить всех назначенных членов Госсовета в отставку без содержания. Д.Д. Grimm выступил против подобного решения и предложил компромисс: оставить их «за штатом», что давало возможность в какой-то мере

обеспечить членов Совета, а в дальнейшем исправить положение и спасти Совет. Решился вопрос курьезно. Помощник управляющего делами Временного правительства А. М. Ону решил облегчить делопроизводство и объединил в журнале заседаний оба предложения (Керенского и Гримма) в одной общей формуле, указав, что «все лица, занимавшие эту должность (назначенные члены Госсовета – *Т.Ш.*), оставляются за штатом на общем основании, с сохранением полного содержания». Далее Д.Д. Grimm пишет: «Я от всей души поохотал над этим продуктом канцелярской изворотливости и с любопытством и волнением стал ждать, обратит ли хоть кто-нибудь из членов верховного синклита внимание на своеобразную формулировку указанного пункта. Все они подмахнули свои фамилии под журналом, не читая его» (л. 212). Октябрьские события перечеркнули надежды на восстановление прежней деятельности Совета. Был назначен новый комиссар по Госсовету, и Grimm остался не у дел.

Так заканчиваются интереснейшие мемуары профессора римского права Тартуского университета Д.Д. Гримма, в которых отразилось не только время, но и внутренний мир этого истинного осколка старой уходящей России, в эмиграции вновь пережившего все перипетии самого плодотворного периода своей жизни. Стиль и манера повествования записок Гримма окунают нас в университетскую жизнь и атмосферу высшей власти предреволюционного Петербурга. Из текста, писанного тонким бисерным почерком, возникают имена, незнакомые и знакомые, уже вошедшие в историю России. Академическая подготовка автора сказывается в изящном стиле, отработанном русском языке, в логике повествования. Но, кроме логики, есть в этих

воспоминаниях нечто большее: есть ощущение соприкосновения времен, и, пожалуй, именно в этом и состоит их несомненная ценность.

Рукопись мемуаров Д. Д. Гримма хранится в Национальном архиве Эстонии в Тарту в фонде Тартуского университета (Rahvusarhiiv Tartus. ЕАА. 2100.2.150а). Как уже было сказано, она представляет собой набор несшитых двойных листов без обложки. Текст написан черными чернилами. В нем имеются поправки и исправления. Основной корпус мемуаров предваряют три варианта предисловия – один чистовой и два черновых. Они отличаются друг от друга авторской эмоциональностью. Потому при публикации авторский коллектив счел необходимым поместить все три варианта. К сожалению, во втором варианте предисловия некоторые фрагменты текста не удалось расшифровать: они написаны небрежным почерком, с использованием сокращений. Кроме того, в нескольких местах чернила расплылись, что делает совершенно невозможной реконструкцию текста. Нерасшифрованные места специально оговорены в тексте.

При публикации явные авторские описки исправлены без оговорок. Лишь в случае фактических ошибок, например в инициалах, были сделаны специальные уточнения. Публикуется полный корпус мемуаров без купюр и сокращений за исключением утерянной части, о чем сделана специальная оговорка в месте обрыва текста. При подготовке текста были максимально сохранены особенности стилистики автора. Так, например, Д. Д. Гримм одновременно использовал два написания названия российской столицы – «Санкт-Петербург» и «Петроград». Также у него нередко встречаются различные написания

одной и той же фамилии, бытовавшие в ту пору – «Мануйлов» и «Мануйлов», «Блоссфельд» и «Блоссфельдт». Подобные примеры специально оговариваются в сносках. Сохранены авторские названия частей и глав мемуаров. Также оставлены неизменными немногочисленные авторские текстуальные выделения – подчеркивания. Они специально не оговариваются. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Вставки и конъектуры даны в квадратных скобках.

Постраничные комментарии призваны помочь сориентироваться в реалиях описываемых Д. Д. Гриммом событий. Именной указатель приведен в конце текста. Комментаторы сочли возможным давать развернутые ремарки в первую очередь о малоизвестных персонах. В отношении крупных исторических фигур, таких как Александр III, П. А. Столыпин, П. Н. Милюков и др., даны краткие сведения.

Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.

Д.Д. Гримм

ОГЛАВЛЕНИЕ¹⁷⁹

Часть первая

ОБЩАЯ КОНСТРУКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. ОТДЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ЛИЦА

I. Состав Государственного совета. Первые и вторые выборы в Государственный совет от Академии наук и русских университетов.

II. Первые впечатления.

III. Работа в комитетах и в общем собрании в течение весенней сессии Г[осударственного] с[овета] 1907 г. Общая психология Г[осударственного] с[овета] того времени.

IV. Отношения между нашей группой и остальными группами Г[осударственного] с[овета].

V. Внутренняя жизнь нашей группы. М. М. Ковалевский.

¹⁷⁹ Утеряны IV–X главы первой части, страницы 15-102 оригинала.

VI. Участие нашей группы в совещаниях представителей групп Г[осударственного] с[овета].

VII. Председатели Государственного совета: Э.В. Фриш, М.Г. Акимов, А. Н. Куломзин, И. Г. Щегловитов.

VIII. Вице-председатель Государственного совета И. Я. Голубев.

IX. Силуэты: С. С. Манухин, Н.С. Таганцев, кн[язь] Е.Н. Трубецкой, М.А. Стахович, В. И. Гурко, барон В. В. Меллер-Закомельский, А.А. Мануйлов¹⁸⁰, М.А. Дьяконов.

X. Профессиональные и национальные объединения в Государственном совете.

XI. Академическая курия в Государственном совете.

XII. Гр[аф] С.Ю. Витте. А.Ф. Кони.

XIII. Мои встречи с П. А. Столыпиным и гр[афом] В. Н. Коковцовым.

Часть вторая

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

XIV. Общие предпосылки.

XV. Иллюстрации законопослушности Государственного совета. Законопроекты о порядке издания законов

¹⁸⁰ В своих мемуарах Д.Д. Grimm одновременно употребляет два распространенных написания этой фамилии – «Мануйлов» и «Мануилов». При публикации во всех случаях сохранено авторское написание.

общегосударственного значения для Финляндии. Закон о включении церковно-приходских школ в сеть земских школ.

XVI. Первые проявления оппозиционных течений. Запрос, обращенный к П. А. Столыпину по поводу издания закона о западном земстве в порядке ст[атьи] 87 Осн[овных] зак[онов].

XVII. Дальнейшие примеры, относящиеся к довоенному времени. Влияние событий мировой войны. Законопроект о реформе Сената.

XVIII. Участие Государственного совета в прогрессивном блоке. Ноябрьская революция 1916 г.

XIX. Новый напор правых. Чистка состава Государственного совета на 1 января 1917 г. Начало конца.

Часть третья

АГОНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА

XX. Ночной налет 27 февраля 1917 г. на Мариинский дворец. Мое назначение комиссаром Временного правительства над Мариинским дворцом и первые шаги в этом звании.

XXI. Реорганизация Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении и отделения свода Государственной канцелярии.

XXII. Ликвидация состава Государственного совета.

■ Предисловие (1-й вариант)

«Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово».

Д.Д. Гримм

Настоящие воспоминания намеренно озаглавлены мной «Из жизни преобразованного Государственного совета 1907–1917 гг.». Воспоминания не претендуют ни на полноту, ни на протокольную точность. Последняя исключается уже тем, что я никогда не вел никаких дневников и не располагал при писании своих воспоминаний никакими материалами. Все материалы, которые в свое время в изобилии находились в моих руках, не исключая стенографических отчетов заседаний Государственного совета, при бегстве моем из Петрограда в Финляндию в феврале 1920 г. поневоле были брошены на произвол судьбы. Пришлось полагаться исключительно на свою память. В общем и целом она мне, смею думать, не изменила. Но, конечно, отдельные мелкие фактические погрешности почти наверное проникли в изложение. За всякие указания на них я буду премного благодарен.

По условиям эмигрантской жизни я имел возможность приняться за свои воспоминания далеко не сразу. Они написаны мной в течение 1929–1930 гг. Принимаясь за них, я исходил из того, что ряды современников, ближайших свидетелей внутренней жизни преобразованного Государственного совета и активных участников в ходе

работы его за период нашей кратковременной конституционной эры, быстро рedeют. Голоса их не слышно. Между тем для будущего историка правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный совет в строю наших конституционных учреждений, несомненно, будет иметь значение. Государственным советом вообще мало интересовались, а внутренняя жизнь его составляет до сих пор для широких кругов русской общественности в полном смысле слова *terra incognita*¹⁸¹.

Я поставил себе задачей в меру моих сил восполнить этот пробел. Насколько мне это удалось и насколько в моем повествовании соблюдено должное беспристрастие, судить не мне.

¹⁸¹ *Terra incognita* (лат.) – букв.: неизвестная земля, иносказательно: нечто неизведанное (в любой сфере).

Предисловие (2-й вариант)

Настоящие воспоминания намеренно озаглавлены мной «Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.». Воспоминания не претендуют ни на полноту, ни на абсолютную протокольную точность. Последняя исключается уже тем, что я никогда не вел никаких дневников и не располагал при писании своих воспоминаний никакими материалами. Все материалы, которые в свое время в изобилии находились в моих руках, не исключая стенографических отчетов заседаний Государственного совета, при бегстве моем из Петрограда в Финляндию в феврале 1920 г. поневоле были брошены на произвол судьбы. Пришлось полагаться исключительно на свою память. В общем и целом она мне, смею думать, не изменила. Но, конечно, отдельные мелкие фактические погрешности этим не устраняются. За всякие указания на них я буду премного благодарен.

По условиям эмигрантской жизни я имел возможность приняться за свои воспоминания далеко не сразу. Они написаны мной в течение 1929/30 гг. Принимаясь за них, я исходил из того, что ряды современников, ближайших свидетелей внутренней жизни преобразованного Государственного совета и активных участников в ходе работы его за период нашей кратковременной конституционной эры, быстро редуют. Голоса их не слышно. Между тем для будущего историка правдивое сказание о том, чем был и какую роль в действительности играл преобразованный Государственный совет в строю наших конституционных учреждений несомненно будет иметь значение. Государственным советом вообще мало интересовались, а

внутренняя жизнь его составляет до сих пор для широких кругов русской общественности в полном смысле слова *terra incognita*¹⁸². Я поставил себе задачей в меру своих сил восполнить этот пробел. Насколько мне это удалось и насколько в моем повествовании соблюдено должное беспристрастие, судить не мне. Могу сказать только одно¹⁸³, я всемерно старался не забывать о мудром старом изречении: *Homo sum, humani nihil a me alienum puto*¹⁸⁴.

Сложное было время, сложная обстановка, сложная психология всех нас, современников, причудливо перемешались события и лица, которых мне приходится касаться в моих воспоминаниях. Слишком глубокие эмоциональные следы оставили в нас, современниках, события недавнего прошлого русской жизни.

Могу сказать одно: я старался быть объективным. Беспристрастность предполагает безразличность. Еще можно добавить от современников недавнего прошлого, кровью сердца переживающих без цели. Скажу лишь одно: важно ли оно в полной мере современникам, р[усским] патриотам, без различия политической окраски. Но не могу

¹⁸² См. сноску 179.

¹⁸³ В тексте зачеркнута фраза: «Я старался соблюдать в своем повествовании должное беспристрастие, не скрывать ни должностных, ни официальных сторон виденного и слышанного мною».

¹⁸⁴ *Homo sum, humani nihil a me alienum puto* (лат.) – «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» – фраза из комедии римского писателя Теренция «Самоистязатель» (1, 1, 25).

не сознаться, эмоциональные элементы в оценке политических] событий и уч[аствую]щих в них лиц, вообще играют заметную фактическую роль, то тем более, это д[олжно] иметь место в такие напряженные и катастрофические моменты, какие нам – современникам недавнего прошлого беспримерной катастрофы русской государственности, пришлось пережить и перестрадать.

Эмоц[иональные] моменты в политической жизни неизменно овладевают нами. Они способны даже оказать влияние и на нашу оценку политических] событий и участвовавших в них лиц. Время для спокойного, беспристрастного суждения *sub specie aeternitatis*¹⁸⁵ о всем, что предшествовало беспримерной катастрофе русской государственности, еще не настало. В уме современников недавнего прошлого на каждом шагу встает скорбный вопрос: что могло быть, и что случилось.

Бесстрастное суждение о всем, что предшествовало беспримерной катастрофе р[усской] государственности и подготовило ее, требует от современников недавнего прошлого либо недостижимой резиденции, либо недопустимого безразличия.

185 *Sub specie aeternitatis* (лат.) – крылатое латинское выражение, которое означает «с точки зрения вечности», «под взглядом вечности».

Вся душа всколыхнется, когда вспоминаешь минувшего дни, и битвы, где вместе сражались они¹⁸⁶. Потому борьба сия [нрзб.], ее психологические данные [предполагает] сближение с реальной борьбой на бранном поле, [нрзб.] И тогда невольно всколыхнется вся душа, когда вспоминаешь минувшие дни и битвы, где вместе рубились они.

¹⁸⁶ Д.Д. Grimm в вольной форме передает пушкинские строфы из «Песни о Вещем Олеге» (1822): «Бойцы поминают минувшего дни, // И битвы, где вместе рубились они».

Предисловие (3-й вариант)

Настоящие воспоминания намеренно озаглавлены мной «Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг.» Воспоминания не претендуют ни на полноту, ни на абсолютную протокольную точность. Последняя исключается уже тем, что я никогда не вел никаких дневников и к тому же не располагал при написании своих воспоминаний никакими материалами. Все материалы, которые в свое время в изобилии находились в моих руках, не исключая стенографических отчетов заседаний Государственного совета, при бегстве моем из Петрограда в Финляндию в феврале 1920 г. поневоле были брошены на произвол судьбы. Пришлось полагаться исключительно на свою память. В общем и целом она мне, смею думать, не изменила. Но, конечно, отдельные мелкие фактические погрешности этим не исключаются¹⁸⁷. За всякие указания на них я буду премного благодарен.

По условиям эмигрантской жизни я имел возможность приняться за свои воспоминания далеко не сразу. Они написаны мной в течение 1929 и 1930 гг. Представляют ли они объективную ценность, судит не мне. Могу сказать только одно: я старался писать их *sine ira et studio*¹⁸⁸, не

¹⁸⁷ В тексте зачеркнута фраза: «Надеюсь, что их немного и фон общей картины, и во всяком случае общей картины, они не меняют».

¹⁸⁸ *Sine ira et studio* (лат.) – крылатое латинское выражение, которое означает «без гнева и пристрастия».

скрывая вместе с тем своего личного отношения к событиям и лицам, кот[оры]х приходится касаться. Другой вопрос, насколько мне это удалось. Но мои оценки событий и лиц, которых приходилось мне касаться, немудрено найти субъективную окраску. История Государственного] совета за период нашей кратковременной конституционной эры, несомненно, представляет много интересного и поучительного¹⁸⁹. Мне приходится говорить о том минувшем, предшествовавшем беспримерной катастрофе русской государственности от лица русских патриотов, переживших крушение сей крепости, всего того, что нам было бесконечно дорого, всего того, что составляло смысл нашей жизни.

Изображение и оценка политический событий недавнего прошлого или принимавших участие в них со стороны общественных деятелей, вовлеченных в орбиту этих событий, неизбежно отличается известной односторонностью.

Политическая] оценка современниками событий недавнего прошлого и лиц, принимавших участие в них, вообще вещь трудная. Она сугубо трудна, когда приходится кас[аться] так[их] событий эпохи, какую б[ыла] эпоха, непосредственно предшествовавшая беспримерной катастрофе русской государственности. У всех русских патриотов, без различия полит[ической] окраски, переживших... Душа изранена вконец.

¹⁸⁹ В тексте зачеркнута фраза: «Трудная основная [нрзб.] задача моя состояла в том, чтобы дать [нрзб.] освещение событий и лиц. Показания современников и тем более активных участников...».

Я сам сознаю, что тон моего изложения не отличается олимпийским спокойствием. Но возможно ли требовать такого от человека, которому пришлось пережить все то, что выпало на долю¹⁹⁰ нашей несчастной родины.

¹⁹⁰ В тексте зачеркнуто: «на долю нашего несчастного поколения».

Часть первая

Общая конструкция Государственного совета. Отдельные группы и лица

I. Состав Государственного совета

Первые и вторые выборы в Государственный совет от Академии наук и русских университетов

Государственный совет на основании высочайшего указа от 20 февраля 1906 г.¹⁹¹ был преобразован из чисто

¹⁹¹ 20 февраля 1906 г. был опубликован указ «О переустройстве Учреждения Государственного совета». Совет должен был состоять из назначенных царем лиц и выборных членов в равном количестве. В выборах имели право участвовать дворянство, земство, православное духовенство, представители науки и торгово-промышленных организаций. От земства и дворянства неземских губерний избирались 74 члена из 98 выборных членов Совета, от остальных корпораций – по 6 членов. Члены Совета избирались на 9 лет, но каждые 3 года треть состава подлежала переизбранию. Царь имел право досрочно распустить членов по выборам и назначить новые выборы. Заседания Совета считались действительными при наличии трети его членов. Председатель и вице-председатель назначались ежегодно царем из назначаемых

законосовещательного учреждения в законодательное собрание, действовавшее на правах верхней палаты.

Половина его членов назначалась верховной властью. Эти назначенные члены ежегодно к 1-му января переназначались. Они именовались присутствующими членами. Не

им членов Государственного совета. Одобренные Государственной думой законопроекты подлежали предварительному рассмотрению в комиссии Совета. При признании Советом необходимости внесения изменений в законопроект он или сразу возвращался в Думу, или передавался в комиссию из представителей Совета и Думы, а затем с ее заключением поступал в Думу. Одобренные законодательными палатами, но отклоненные царем законопроекты могли повторно рассматриваться лишь в новой сессии. (Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. 27425. СПб., 1909. С. 154–160). Одновременно был опубликован манифест о преобразовании Совета в верхнюю законодательную палату. Совет наделялся равными с Думой правами. С момента созыва Совета и Думы законы воспринимали силу лишь с их одобрения. Царь имел право утверждать законодательные акты во время прекращения занятий Думы при условии, что эти акты не должны были «вносить изменения ни в Основные государственные законы, ни в учреждение Государственного Совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу». Если правительство после возобновления деятельности Думы не вносило данные законопроекты на ее рассмотрение в течение 2 месяцев или вносило, но они отвергались одной из палат, то они утрачивали силу. Совет и Дума ежегодно созывались и распускались царскими указами. Они наделялись правом почина пересмотра действующих законов, за исключением Основных законов, инициатива пересмотра которых сохранялась за царем.

попавшие вновь в список переходили в разряд т[ак] наз[ываемых] не присутствующих членов Совета, и на освободившееся вакансии назначались новые члены. Из состава присутствующих членов по назначению на текущий год назначались председатель и вице-председатель Совета.

Вторая половина состояла из выбранных членов, разбитых на шесть курий: курию дворянства, курию черного и белого православного духовенства, курию торгово-промышленную, обнимавшую представителей от торговли и промышленности, курию ученую, обнимавшую представителей от Академии наук и российских университетов, и две курии земские: одна из них состояла из представителей т[ак] наз[ываемых] земских губерний, т. е. губерний, в которых было введено положение о земских учреждениях, другая обнимала представителей от остальных, неземских губерний Европейской России с включением Царства Польского и трех прибалтийских губерний.

Для первых четырех курий был установлен порядок двойных выборов: на местах избирались выборщики. Члены Государственного совета от дворянской, торгово-промышленной и ученой курий избирались съездами выборщиков от подлежащих курий, созываемых в Петрограде¹⁹², из своей среды. Члены Совета от курии

¹⁹² Правильно на тот момент – Санкт-Петербург (Петербург). Переименован в Петроград в 1914 г., после начала Первой мировой войны. Д. Д. Grimm в своих мемуарах использует оба названия города. При публикации во всех случаях сохранено авторское написание.

черного и белого духовенства номинально избирались, фактически же назначались Св[ященным] правительствующим] синодом из числа выборщиков, намеченных на местах. Члены Государственного совета от названных четырех курий избирались на девять лет; треть их выбывала через каждые три года, с заменой их новыми членами, избранными тем же порядком.

Обе земских курии непосредственно избирали по одному члену Государственного совета. Избирательными органами являлись: для земских губерний – губернские земские собрания, для неземских губерний – ad hoc¹⁹³ созываемые съезды местных землевладельцев, обладающих определенным земельным цензом. Состав этих двух курий весь подлежал переизбранию через каждые три года.

Первые выборы от Академии наук и университетов были произведены весной 1906 г. параллельно с выборами в Государственную Думу первого созыва¹⁹⁴. Выборщиками от

¹⁹³ Ad hoc (лат.) – означает «для этого, применительно к этому, для данного (этого) случая, для этой цели».

¹⁹⁴ Государственная дума – законодательная представительная нижняя палата в Российской империи в 1906–1917 гг. Ее члены избирались на 5 лет. Она была наделена правом обсуждения законопроектов, в том числе и бюджетных, которые потом рассматривались в Государственном совете и утверждались царем. При отклонении Думой нового бюджета расходы сохранялись на уровне прошедшего года. Дума не имела права пересмотра Основных законов страны. Царь мог досрочно распустить ее. Первая Государственная дума была созвана 27 апреля 1906 г. В ее составе преобладала оппозиция, потребовавшая упразднения

Петроградского¹⁹⁵ университета были избраны заслуженные профессора В. И. Сергеевич, А. А. Иностранцев и первый после т[ак] называемого] указа об университетской автономии 1905 г.¹⁹⁶ выборный ректор университета И. И. Боргман. Из них В. И. Сергеевич и А. А. Иностранцев не носили определенной политической окраски, скорее всего их можно было причислить к правым октябристам¹⁹⁷, И. И.

Государственного совета, расширения законодательных прав Думы, установления ответственности министров перед народными избранниками, амнистии политическим заключенным, признания принципа отчуждения частновладельческих земель для решения аграрного вопроса. Дума была распущена 8 июля того же года из-за несогласия с внутренней политикой царского правительства.

¹⁹⁵ Правильно на тот момент – Петербургского университета. Д. Д. Grimm в своих мемуарах в равной степени использует названия «Петербургский» и «Петроградский».

¹⁹⁶ 27 августа 1905 г. был издан указ «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Указом вводилась выборность ректора и деканов с последующим их утверждением «в установленном порядке». Советам университетов поручались «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни». Был восстановлен университетский суд (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отделение I. № 26692. СПб, 1908. С. 658–659).

¹⁹⁷ Октябристами назывались члены Союза 17 октября. Это праволиберальная партия, названная так в честь манифеста 17 октября 1905 г. Она выступала за наследственную конституционную монархию, двухпалатное народное представительство с цензовыми выборами в него, гражданские права (неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, слова, союзов,

Боргман состоял членом Конституционно-демократической] партии¹⁹⁸. Впрочем, политические взгляды этих лиц при избрании их Советом университета

собраний), за централизованное государство, против национальных автономий, в поддержку столыпинской аграрной политики и правительственного курса по борьбе с революционным движением, за свободное развитие торговли и промышленности. Получила от политических противников название партии «с утерянной грамотой» из-за отсутствия в своей программе некоторых ранее выдвинутых лозунгов (например, о всеобщем избирательном праве). Насчитывала до 70 тыс. чел. Это преимущественно промышленники, торговцы, банкиры, помещики, домовладельцы, цензовая интеллигенция, чиновники. Правительственный запрет чиновникам на принадлежность к политическим партиям не распространялся на черносотенные организации и партию октябристов. Партия имела незначительное представительство в I и II Думах и самую крупную фракцию в III Думе. Лидером партии был А. И. Гучков.

¹⁹⁸ Конституционно-демократическая партия была образована на учредительном съезде 12–18 октября 1905 г. В партии состояли преимущественно лица интеллигентных профессий: адвокаты, инженеры, врачи, учителя, а также либерально настроенные помещики и чиновники. Программа предусматривала введение демократических свобод, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего избирательного права, политическую автономию Польши, законодательное народное представительство, ответственность перед ним правительства, принудительное отчуждение за выкуп помещичьей земли, восьмичасовой рабочий день. Численность партии составляла до 70 тыс. чел. Имела самую крупную фракцию в Первой Думе. Лидером партии был П. Н. Милюков. Запрещена советским правительством в 1918 г.

вообще не играли сколько-нибудь заметной роли. В первое время большинство членов университетского Совета имело довольно неясное представление о политическом значении выборов в Государственный совет. Избранием названных лиц Совет в первую очередь хотел почтить двух из видных старейших членов нашей коллегии и недавно лишь избранного нового ректора университета. Мало того, и роль выборщиков, единственная функция которых состояла в однократном участии в общем съезде выборщиков для избрания шести членов Государственного совета от ученой курии, рисовалась многим в весьма смутном виде. Ярким показателем этого служит заявление, сделанное никем иным, как самим маститым В. И. Сергеевичем после оглашения результатов выборов. В благодарственной речи, обращенной к членам Совета, почтившим его избранием в коллегию выборщиков, он обещал всегда неотступно отстаивать в Государственном совете интересы родного университета. Это заявление оказалось преждевременным: на съезде выборщиков в члены Государственного совета от Петроградского университета прошел только один ректор университета И. И. Боргман. Наряду с ним были избраны три академика: А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов и В. И. Вернадский, состоявший одновременно профессором Московского университета, далее профессор Московского университета В. О. Ключевский и профессор Харьковского университета Д. И. Багaley. Все названные лица, за исключением В. О. Ключевского, состояли членами кадетской партии. Из более правых никто не был избран. Немедленно после оглашения результатов выборов В. О. Ключевский почему-то сложил с себя звание члена Государственного совета. Заместителя ему (подбального) не оказалось, и таким образом академическая курия во время

первой сессии преобразованного Государственного совета состояла лишь из пяти членов.

Первая сессия Государственного совета в новом его составе закончилась одновременно с роспуском Первой Государственной думы. За это время Государственный совет успел рассмотреть и принять проект собственного Наказа¹⁹⁹, выработанный избранной общим собранием особой комиссией. Наказ, согласно закону, был внесен в Правительствующий] Сенат для опубликования, но судьба его оставалась открытой и выяснилась лишь после закрытия сессии. Единственным серьезным законопроектом, поступившим из Государственной думы, являлся законопроект о полной отмене смертной казни²⁰⁰. Этот законопроект, внесенный в Думу в порядке законодательной инициативы, встретил в Думе решительный отпор со

¹⁹⁹ Наказ Государственного совета регламентировал порядок работы верхней законодательной палаты. В частности, рабочим аппаратом Государственного совета являлась Государственная канцелярия. Для предварительного рассмотрения дел Совет имел право создавать постоянные и временные или особые комиссии. Последние создавались для изучения отдельных проектов. Председатель назначался императором на 1 год из числа членов по назначению. Право личного доклада председателю императору позволяло ему оказывать влияние на взгляды и решения царя.

²⁰⁰ Законопроект об отмене смертной казни был принят единогласно депутатами I Государственной думы 16 мая 1906 г. 19 июня 1906 г., после негативной реакции на него правительства, Дума вновь проголосовала за проект и затем направила его в Государственный совет.

стороны министерства И. Л. Горемыкина, которое опиралось в этом отношении между прочим на новые Основные законы от 23 апреля 1906 г.²⁰¹ Законопроект в той общей форме, которая была ему придана Думою, вторгался в сферу военного законодательства, изъятого из ведения общих законодательных учреждений. В Государственном совете проект в течение первой сессии не вышел из стадии комиссионного обсуждения. Окончательное отклонение его подавляющим большинством общего собрания имело место уже во время второй сессии.

Немедленно после роспуска Первой Государственной думы четыре члена академической группы, академики

²⁰¹ Опасаясь пересмотра Основных законов России I Думой, царь предпочел опередить ее и созвал совещание в Царском Селе в апреле 1906 г. В итоге откорректированные «Основные государственные законы Российской империи» были опубликованы 23 апреля 1906 г., за три дня до открытия I Государственной думы. Из них было исключено определение власти императора как неограниченной. Законодательная власть осуществлялась царем, Государственным советом и Государственной думой. При отклонении законопроектов законодательными палатами они признавались отклоненными (ст. 7). Царь имел право утверждения внесенных правительством законопроектов во время парламентских каникул, за исключением мер, изменяющих Основные законы, акты о законодательных палатах и о выборах в них (ст. 87). В случае невнесения их на рассмотрение Думы в течение 2 мес. после возобновления ее деятельности они теряли юридическую силу. Кадеты сочли пересмотр Основных законов без участия законодательных палат прямым нарушением манифеста 17 октября 1905 г.

Лаппо-Данилевский, Шахматов, Вернадский и профессор Багaley, в виде протеста против роспуска Думы²⁰² сложили с себя звания членов Государственного совета. И. И. Боргман не последовал их примеру и лишь незадолго до назначения новых выборов по ученой курии (перед созывом Второй Государственной думы) отказался от звания члена Государственного совета.

Таким образом, ученая курия Государственного совета перед выборами во Вторую Государственную думу подлежала переизбранию в полном составе. Политическое значение выборов на этот раз стало ясным для всех. От Петроградского университета выборщиками были избраны ректор и бывший член Государственного совета И. И. Боргман, М. М. Ковалевский, бывший член Первой Государственной думы, избранный весной 1906 г. сверхштатным ординарным профессором Петроградского университета, и Д.Д. Grimm. Из них И.И. Боргман и Д.Д. Grimm состояли членами кадетской партии, а М. М. Ковалевский – членом Партии демократических реформ²⁰³.

²⁰² Указ о роспуске Думы был подписан 8 июля 1906 г.

²⁰³ Партия демократических реформ – либерально-буржуазная партия. Основана в январе 1906 г. группой бывших членов конституционно-демократической партии. В марте 1906 г. объединилась с умеренно прогрессивной партией и стала называться также «Союзом народного благоденствия». Программа отстаивала путь «мирного обновления России» с «наследственной конституционной монархией», единство России (с автономией только для Польши и Финляндии), сохранение «мелкого и крупного землевладения» и допускала отчуждение земли за выкуп.

От Московского университета выборщиками состояли ректор университета А. А. Мануйлов, бывший член Государственного совета В. И. Вернадский, оба кадеты, и кн[язь] Е. Н. Трубецкой, мирнообновленец²⁰⁴. Определенно прогрессивный состав выборщиков дали также Академия

Насчитывала до 2 тысяч членов. В конце 1907 г. вошла в Партию мирного обновления.

²⁰⁴ Партия мирного обновления создана в июле 1906 г. левыми октябристами (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Д.Н. Шипов и др.) и правыми кадетами (Н.Н. Львов, Е.Н. Трубецкой и др.) на основе фракции «мирного обновления», образовавшейся в I Государственной думе. Занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами, выступая против насилия со стороны как правительства, так и революционеров. Мирнообновленцы участвовали в совещании в Выборге, но не стали подписать Выборгское воззвание. Программа предусматривала введение конституционной монархии, проведение реформ, двухстепенные выборы, отмену смертной казни и проведение политической амнистии, свободу стачек, сокращение рабочего дня, охрану труда, государственное страхование рабочих, наделение земель малоземельных и безземельных крестьян за счет государства, а также выкупа части помещичьих земель, переселение безземельных крестьян на окраинные земли, организацию дешевого кредита, урегулирование арендных отношений и цен, поднятие культуры земледелия. Партия не играла серьезной политической роли и в III Думе вместе с Партией демократических реформ создала фракцию «прогрессистов». В 1912 г. Партия мирного обновления вошла в Партию прогрессистов. Официальные органы партии – газета «Слово» и журнал «Московский еженедельник».

наук, в составе выборщиков которой входили бывшие члены Государственного совета Лаппо-Данилевский и Шахматов и, если не ошибаюсь, академик С. Ф. Ольденбург, также

Казанский, Харьковский и Одесский университеты, смешанный состав – Юрьевский и Томский университет, определенно правый – университеты Св[итого] Владимира в Киеве и Варшавский университет. Саратовского университета в это время еще не существовало. Он был учрежден только в 1909 г.

Накануне выборов состоялось совещание прогрессивной части выборщиков. В нем, как и на самом съезде выборщиков, абсолютное большинство состояло из членов кадетской партии. Ввиду этого кн[язь] Е. Н. Трубецкий поставил прямой вопрос, не пожелают ли кадеты выставить и поддерживать одни чисто кадетские кандидатуры. На поставленный вопрос всеми кадетами сразу был дан твердый ответ, что партийные оттенки среди прогрессивных выборщиков не могут играть решающие роли, дабы не лишиться таких ценных прогрессивных кандидатов, как сам кн[язь] Трубецкой и М. М. Ковалевский. Из прежних членов Государственного совета академики Лаппо-Данилевский и Шахматов определенно заявили, что они от выставления своих кандидатур отказываются. О том же вслед за ними заявил также И. И. Боргман; он, благодаря колеблющейся позиции, занятой им после роспуска Первой Государственной думы, не имел шансов быть вновь избранным.

После того, на основании предварительной баллотировки, кандидатами в члены Государственного совета единодушно были выдвинуты М.М. Ковалевский, кн[язь] Е. Н. Трубецкой, А. А. Мануйлов, В. И. Вернадский, А. В. Васильев и Д. Д. Grimm. На следующий день, совпавший с

днем годовщины основания Петроградского университета, 8 февраля 1907 г., съезд выборщиков, под председательством министра народного просвещения, П.М. ф[он] Кауфмана-Туркестанского, произвел новые выборы членов Государственного совета. Избранными оказались все шесть кандидатов, назначенные накануне совещанием прогрессивной части выборщиков. Ни один из кандидатов правого крыла не попал даже в подбальные.

Первое заседание второй сессии Государственного совета в обновленном составе состоялось 20 февраля 1907 г. Утром собралась новая Дума, вечером – Государственный совет. Думу открыл маститый вице-председатель Государственного совета И. Я. Голубев. В числе вновь избранных членов Думы появился, между прочим, избранный голосами кадетских выборщиков Петрограда (на основании соглашения с представителями рабочей курии), тогдашний социал-демократ большевик²⁰⁵, а ныне ярый враг большевиков

²⁰⁵ Член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Эта социалистическая партия создана на I съезде в Минске в 1898 г. Программа и устав приняты на II съезде в 1903 г. Программа-минимум предусматривала свержение самодержавия, ведение демократической республики, демократических свобод, 8-часового рабочего дня, возвращение крестьянам отрезков земли, выплаченных ими выкупных сумм, отмену выкупов, признание права на национальное самоопределение всем нациям в составе России. Под влиянием крестьянских требований в 1906 г. выступила за национализацию всей земли. Программа-максимум предусматривала введение социализма в стране. РСДРП была расколота на большевиков и меньшевиков. Общая численность партии к 1907 г. свыше 100 тыс. чел.

Г. А. Алексинский. С ним случился характерный инцидент. Желая подчеркнуть свою крайнюю левизну, он по ошибке уселся среди крайних правых; он упустил из вида, что счет секторов на правый или левый ведется от трибуны председателя, а не от главных входных дверей в зал общего собрания, расположенных как раз напротив этой трибуны. Так он в окружении целого ряда правых батюшек и отсидел все заседание.

Во время чтения высочайшего указа об открытии занятий новой Государственной думы произошел известный политический скандал. Когда председательствующий И. Я. Голубев предложил членам Думы и присутствующей на хорах публике подняться с мест, не только крайние левые, но и все кадетские депутаты, за исключением П. Б. Струве, остались сидеть.

Он один из всех кадетов проявил достаточно гражданского мужества и политической зрелости, чтобы не присоединиться к этой явно антиконституционной, глубоко раздражающей и политически совершенно недопустимой для ответственных политических деятелей демонстрации неуважения к верховной власти.

На членов Государственного совета, в большом числе присутствовавших на открытии Думы в отведенной для них ложе, весь инцидент произвел очень тягостное впечатление. О нем, конечно, было доложено председателю Совета, статс-секретарю Э. В. Фришу.

Как мы узнали уже много позднее, у президиума Государственного совета явилось опасение, что кадеты – члены Государственного совета, в частности вновь избранные от ученой курии четыре кадета, сочтут своим долгом поддержать своих политических единомышленников

в Думе аналогичной демонстрацией при открытии сессии Государственного совета. Председатель решил на сей случай принять какие-то решительные меры против демонстрантов. Однако повода для этого никем из нас не было дано. Никому из нас и в голову не приходило повторить недопустимый и политически крайне вредный жест большинства Государственной думы, в предварительном обсуждении которого мы не принимали никакого участия, и к которому мы все одинаково относились совершенно отрицательно. Дело ограничилось тем, что престарелый Э. В. Фриш, когда перед чтением высочайшего указа было предложено подняться с мест, в тревоге метнул свой взор в нашу сторону. Убедившись, что все мы как один человек встали, он облегченно отвернул его и успокоено продолжал слушать государственного секретаря²⁰⁶, барона Ю.А. Икскуль фон Гильденбанта, читавшего указ.

II. Первые впечатления

Государственный совет в то время еще не имел своего собственного помещения, так как перестройка Мариинского дворца еще не была закончена. Заседания Совета происходили в здании С[анкт]-П[етер] б[ургского]

²⁰⁶ Государственный секретарь Российской империи – глава Государственной канцелярии, то есть канцелярии Государственного совета. Докладывал дела в общем собрании Совета.

дворянского собрания²⁰⁷ на Михайловской площади, обыкновенно два раза в неделю.

В составе Совета к этому времени уже совершенно определено сложились три группы. Наиболее многочисленной из них была группа центра²⁰⁸, возглавлявшаяся кн[язем]

²⁰⁷ Орган дворянского сословного самоуправления в Российской империи в 1785–1917 гг.

²⁰⁸ Группа центра образована в мае 1906 г. из умеренно-либеральных членов октябристского толка Государственного совета на базе следующих принципов: дальнейшее развитие конституционно-монархических начал, самоуправления, народного образования, нравственности и патриотизма, целостность и неделимость государства при условии признания равноправия и культурного своеобразия населявших Россию народов и народностей, проведение экономических реформ для подъема благосостояния населения, свобода совести и вероисповеданий. Насчитывала 93 члена в 1907 г. (33 члена по назначению и 60 – выборные от земства, съездов землевладельцев, дворянских обществ, торговли и т. д.), 83 члена в 1910 г., 63 члена в 1913 г., 51 член в 1917 г. Члены группы были весьма разнородны по своим политическим воззрениям. Внутри группы возникли несколько подгрупп, голосовавших отдельно от основной группы по ряду проблем: «нейдгартцы» или «правый центр», польское «коло» и немецкая «прибалтийская». Наиболее дисциплинированной и самостоятельной была подгруппа правого центра (15–20 членов) во главе с шурином П.А. Столыпина А. Б. Нейдгартом, занимавшая правые позиции по национальным и религиозным вопросам, в марте 1911 г. вышла из группы центра. Польское «коло» составили поляки, избранные преимущественно от польских, литовских, западных и юго-западных губерний (14–17 членов). Это крупные, консервативно настроенные землевладель-

П.Н. Трубецким. Следующей по численности была правая группа²⁰⁹, во главе которой стоял бывший министр

цы, расходившиеся с правыми в национальной и вероисповедной политике. Немецкую «прибалтийскую» подгруппу составили четыре немца от землевладельцев и дворянства прибалтийских губерний. Основная группа допускала возможность изменений при условии их постепенности, но была чужда оппозиционности. Треть основной группы составили члены по назначению. В 1909–1912 гг. из основной подгруппы выделялась еще торгово-промышленная подгруппа, объединявшая промышленников и финансистов, голосовавших исходя из собственных и корпоративных интересов. В 1915–1917 гг. примкнула и возглавила в Госсовете Прогрессивный блок, тем самым превратившись в фактическую оппозицию. Именно их позиция определяла исход голосования в тот период. Главы группы: А. С. Ермолаев (1906–1907), князь П.Н. Трубецкой (1907–1911), А. А. Сабуров (1912–1913), В. В. Меллер-Закомельский (1913–1917). В 1910 г. численность группы центра сократилась до 83 чел., в 1913 г. – до 63, в 1917 г. – до 51.

²⁰⁹ Правая группа была создана преимущественно из членов по назначению в мае 1906 г. с целью защиты неограниченной монархической власти. Правые выступали за авторитарные методы государственного управления, сохранение господствующего положения православной церкви, сословного и национального неравенства. Численность группы постоянно возрастала: 1906 г. – 56 членов, 1910-й – 77 членов, 1915-й – 70 членов, в феврале 1917 г. – 71 член. Участники делились на крайнее и умеренное течения. Крайне правые были в принципе против реформ. Умеренные допускали либерализацию власти в определенных рамках и требовали ограничения бюрократии, поддержали реформу крестьянского землевладения, проекты о расширении начального образования. Крайне правые выступили против расширения веротерпимости, против проектов об охране

внутренних дел П. Н. Дурново. Совсем малочисленной была левая группа²¹⁰, куда в это время входили, наряду с представителями ученой курии, некоторые представители земств²¹¹, один из представителей дворянства (кн[язь] И. Г.

енаемного труда, против реформы местного суда, добились отклонения думских проектов об установлении министерского контроля над церковноприходскими школами. В большинстве случаев правые выступали против введения земского самоуправления на окраинах. В годы мировой войны правая группа оказалась единственной фракцией, поддержавшей правительство. Ее возглавляли: С. С. Гончаров (крайний; 1906–1908), П.Н. Дурново (крайний; 1908–1911 и 1911–1915), П.П. Кобылинский (крайний; 1911), А. А. Бобринский (умеренный; 1915–1916), И. Г. Щегловитов (умеренный; 1916), А. Ф. Трепов (умеренный; 1917).

²¹⁰ Академическая, или левая, группа возникла в Государственном совете в апреле-мае 1906 г. по инициативе членов кадетской партии, попавших в состав Государственного совета. Группа состояла из выборных членов, в основном от науки и земского самоуправления. Ее численность колебалась в пределах 10–20 членов. Группа выступала за либеральные реформы: расширение прав законодательных палат, равноправие национальностей и сословий, расширение веротерпимости и прав местного самоуправления, развитие народного образования, сохранение автономии Финляндии, реформу местного суда и т. п. В 1915 г. вошла в Прогрессивный блок.

²¹¹ Земство – обобщенное название выборных органов местного самоуправления, введенных земской реформой 1864 г. Земские учреждения делились на распорядительные органы – губернские или уездные земские собрания из земских гласных и исполнительные органы – губернские и уездные управы. Собрания состояли из

Чавчавадзе) и один представитель от торгово-промышленной курии (П. О. Гукасов). Всего нас было 18 человек, считая в том числе и М.А. Стаховича, примыкавшего к нашей группе, но формально не вступившего в нее. При общем числе членов Государственного совета в 196 человек мы составляли, таким образом, не более 9 %, или, если считать одних выборных членов, 18 % выборного состава Совета.

Нельзя не отметить в связи со сказанным одной характерной особенности нашей группы. За все время существования преобразованного Государственного совета ни разу ни один из членов Совета по назначению не рискнул не только открыто вступить в нашу группу, но даже

земских гласных, избираемых на три года по трем куриям: уездных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и представителей сельских обществ. Управы включали председателя и несколько членов, которые руководили земской практической деятельностью. Земства занимались народным образованием, здравоохранением, строительством дорог, ветеринарией и др., содействовали развитию крестьянского хозяйства, кустарных промыслов и т. д. Они строили и содержали земские школы, больницы, фельдшерские пункты, аптеки, развивали и агрономическую службу, продавали со скидкой сельскохозяйственные машины и т. д. Для осуществления деятельности нанимали служащих: учителей, врачей, фельдшеров, агрономов, статистиков и др. (т. н. «третий элемент»). Министерство внутренних дел и губернаторы имели право отменять решения земства. К 1914 г. были введены в 43 губерниях. Ликвидированы в 1918 г.

принимать по личному приглашению участие в совещаниях ее. Это вовсе не означало, чтобы среди членов по назначению не было лиц, определенно сочувствовавших нам. Назову хотя бы покойного директора Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, который как-то в частном разговоре с покойным профессором, бароном А. Э. Нольде пустил даже крылатое слово, что «единственные порядочные люди в Государственном совете – это 18 левых». Думается, он этим хотел подчеркнуть, что мы не грешили тем необузданным оппортунизмом, который был широко распространен в остальных группах. Но эта мысль была выражена достаточно неосторожно. Со временем она просочилась и сыграла свою роль при переводе его в роль неприсутствующих членов Совета²¹². Внутренне близко к нашей группе стоял и А. Ф. Кони. Бывали и другие «тайнобрачные», как мы их шутя называли, которые иногда оказывали нам существенную поддержку как при выборах в комиссии, так и при тайных голосованиях по поводу отдельных законопроектов и наших поправок к ним. Самым видным из них был никто иной, как гр[аф] С. Ю. Витте. Открыто он всегда весьма решительно отмежевывался от нас. Это не мешало ему под сурдинку довольно-таки часто подавать наш список кандидатов при выборах в разные постоянные и особые комиссии.

Со временем число групп, как официально назвались отдельные фракции Государственного совета, возросло. С самого начала в составе центра в качестве самостоятельной,

²¹² Для неприсутствующих членов Совета участие в его деятельности было не обязательным.

по существу, подгруппы объединилось польское коло²¹³. Несколько позднее из группы центра формально выделился в качестве самостоятельной группы, к которой присоединились и несколько членов группы правых, т[ак] наз[ываемый] правый центр во главе с членом Государственного совета А. Б. Нейдгартом²¹⁴, собственником премьер-министра П.А. Столыпина. Наименование группы правым центром как-то не пришло к ней. Членов этой группы просто называли нейдгартовцами²¹⁵.

По идеологии своей эта группа, пожалуй, ближе всего подходила к фракции националистов Государственной

²¹³ Польское коло (kolo польск. – круг) – название подгруппы польских депутатов в группе центра в Государственном совете. Насчитывала 17 членов консервативных взглядов, избранных от землевладельцев польских, литовских, западных и юго-западных губерний, а также от промышленности и торговли. От правых отличались всего лишь иными взглядами в национальной и вероисповедной политике.

²¹⁴ В мемуарах Д.Д. Grimm использует два распространенных написания этой фамилии – «Нейдгарт» и «Нейдгардт».

²¹⁵ Нейдгартовцы – кружок правых (15–20 членов) во главе с шурином П.А. Столыпина А.Б. Нейдгартом в группе центра Государственного совета. В 1911 г. вышли из группы центра, образовав группу правого центра. Костяк группы состоял из выборных членов Совета. Блокируясь попеременно с группой центра и с группой правых до 1915 г., правый центр оказывал влияние на исход голосования.

думы²¹⁶. Значительно позднее сформировалась еще одна группа – группа беспартийных²¹⁷. Главную роль в ней играли А. Ф. Кони и бывший государственный секретарь барон Ю. А. Иксуль фон Гильденбант. Эта группа, будучи лишена какой-либо определенной политической окраски, объединяла самые разнообразные элементы и не имела никакого самостоятельного политического лица. Единственная реальная ее функция заключалась в том, чтобы обеспечить ее членам возможность попадать в комиссии.

Первой задачей нашей левой группы в ее обновленном составе являлось конституирование группы. На место председателя ее, по общему молчаливому уговору, естественно, выдвигалась фигура долголетнего, испытанного общественного деятеля, кристально чистого, обладавшего огромным опытом в ведении общественных дел и непререкаемым авторитетом Д. Н. Шипова, избранника

²¹⁶ Вероятно, речь идет о группе правых в Государственном совете.

²¹⁷ В декабре 1910 г. беспартийные члены Государственного совета (в основном члены по назначению) создали кружок внепартийного объединения для прохождения в комиссии. В него вошли также некоторые правые и центристы. До войны был аморфным объединением. В годы войны произошло усиление умеренно-либеральных элементов, благодаря которым кружок фактически примкнул к Прогрессивному блоку. Председатели кружка – барон Ю. А. Иксуль фон Гильденбант (Гильденбант) (1910–1911), князь Б. А. Васильчиков (1911–1917) и граф В. Н. Коковцов (1917).

Московского земства. Однако сам Дмитрий Николаевич самым решительным и бесповоротным образом снял свою кандидатуру, ссылаясь на свои годы и на необходимость постоянного пребывания в Москве; это лишало его возможности регулярно посещать заседания Государственного совета, на который он приезжал лишь изредка, в случаях особой необходимости, по специальному вызову. С сокрушением пришлось уступить ему. В результатах дальнейших переговоров председателем группы был избран я, занимавший в то время должность декана юридического факультета Петроградского университета.

Далее предстояла задача наметить кандидатов в члены трех постоянных комиссий Государственного совета, установленных его Наказом, – в комиссию законодательных предложений, финансовую, и личного состава, и внутреннего распорядка. Выборы в эти комиссии происходили на начале пропорционального представительства групп. Комиссия законодательных предложений подвергала предварительному рассмотрению все поступающие из Государственной думы законопроекты, для которых не считалось необходимым избрание особой комиссии. В нее были избраны М.М. Ковалевский и, кажется, М.А. Стахович. Финансовая комиссия ведала бюджетные вопросы и все вообще финансовые законы. В нее же передавались на заключение и всякие другие законы, поскольку они имели отношение к финансовой части, по предварительном рассмотрении их комиссией законодательных предположений или подлежащей особой комиссией. В эту комиссию от нашей группы были избраны А. В.

Васильев, П. О. Гукасов, Каменский и В. Н. Юмашев²¹⁸. Ведению комиссии личного состава и внутреннего распорядка подлежали вопросы о проверке мандатов выборных членов Государственного совета, вопросы о временном устранении и о признании выбывшими выборных членов, равно как т[ак] называемые] вопросы внутреннего распорядка, в частности вопросы, связанные с Наказом, выработанным Государственным советом. В эту комиссию как юрист был избран я. Сверх того, довольно неожиданно для нас, не ожидавших, что в эту малочисленную комиссию (всего 10 человек) нам удастся провести двух членов, попал и представитель от Пермского земства Каменский.

III. Работа в комитетах и в общем собрании в течение весенней сессии Г[осударственного] с[овета] 1907 г. Общая психология Г[осударственного] с[овета] того времени

Работы в комиссии законодательных предложений и финансовой комиссии в течение второй сессии Государственного совета, ввиду кратковременного существования и Второй Государственной думы, оказалось немного. Но зато

²¹⁸ Правильно Л. В. Юмашев.

комиссия личного состава, против ожидания, на первых же порах заработала полным ходом. При этом сразу обнаружилось, что участие в этой комиссии для нашей левой группы имеет очень важное практическое значение. Правда, проверка мандатов выборных членов произошла без всяких трений. Эта проверка и в последующие сессии редко вызвала споры, хотя совсем без них не обходилось. Так, помнится, в одной из последующих сессий имел место случай кассации мандата одного члена Государственного совета, избранного съездом землевладельцем Астраханской губернии. Землевладельцев, которые удовлетворяли высокому земельному цензу, установленному для выборов в неземских губерниях, в этой губернии всего было что-то около десяти. Но и они не все были оповещены о дне съезда. На съезд явились только 3 или 4 избирателя, по особому приглашению самого кандидата, который и был ими избран. Выборы комиссией единогласно были признаны недействительными, и общее собрание, согласно заключению комиссии, подавляющим большинством голосов кассировало их. Другой случай имел место несколько позднее. В Донской области съездом землевладельцев было избрано, вопреки закону (ст. 20, п. 4 Учреждения] Государственного] сов[ета]), лицо, занимавшее чисто полицейскую должность окружного²¹⁹.

²¹⁹ Здесь текст обрывается. Следующие страницы рукописи, как было сказано во вступительной статье Т. К. Шор, потеряны.

XI. Академическая курия в Государственном совете

Состав нашей прогрессивной группы менялся каждые три года, в связи с выбытием всех членов от земства и выбытием по жребию одной трети остальных двух курий, академической и торгово-промышленной. Выбывающие по жребию члены Совета переизбирались или заменялись новыми. Те и другие уже не подлежали жеребьевке, предусмотренной законом лишь на время первого десятилетия существования преобразованного Государственного совета, а избирались в общем порядке на 9 лет. Колебания в общем численном составе группы происходили главным образом за счет земского представительства: число членов от земства, вступавших в нашу группу, то уменьшалось, то опять увеличивалось, не превышая, в общем, скромной нормы в 7–8 человек. Академическая курия, за одним, весьма кратковременным (всего несколько месяцев) исключением, оставалась стационарной, сохраняя до самого конца свой определенно прогрессивный состав. Ко времени февральского переворота 1917 г. она состояла из трех академиков: В. И. Вернадского, М. А. Дьяконова и С.Ф. Ольденбурга и трех профессоров: А. В. Васильева, Д.Д. Гримма и кн[язя] Е. Н. Трубецкого. Число членов от торгово-промышленной группы даже несколько увеличилось, дойдя до четырех (П. О. Гукасов, Е.Л. Зубашев, Лаптев и Вейнштейн). Общее число членов группы к этому времени составляло опять 18 человек. Сверх вышеназванных шести членов академической группы и четырех членов торгово-промышленной курии в нее входили восемь представителей от земства: Н. Н. Глебов, И. Г. Каменский, С.

С. Крым, Н. Н. Марин, гр[аф] А. П. Толстой, В.П. Энгельгардт, Л. В. Юмашев и примыкающий к группе М. А. Стахович.

Наиболее бурной за все время существования преобразованного Государственного совета была история академического представительства. Оно представляло собою наиболее активную часть всей нашей группы и в значительной мере определяло общий дух и тактику ее. Естественно, что мы не могли пользоваться особым расположением Министерства народного просвещения, в ведении которого находились Академия наук и университеты. Мало того, министерство как бы ощущало некоторую долю собственной вины в том, что представительство названных ученых коллегий сплошь оказалось в столь неблагонадежных с точки зрения высшего правительства руках.

Попытка создать противовес против академической группы путем назначения членами Государственного совета ряда лиц из среды т[ак] называемой] правой профессуры не дала ожидаемых результатов. Правда, большинство из них держалось строго в стороне от нас. Но никакой контргруппы под определенным «правым» знаменем этим путем все же не удалось создать. Мало того, даже такой определенно правый член, как Д. И. Пихно, временами, как, напр[имер], в вопросе о сооружении Амурской железной дороги²²⁰, проявлял несвойственную членам Совета по назначению самостоя-

²²⁰ Амурская железная дорога – казенная железная дорога, участок Транссибирской магистрали от Куэнги до Хабаровска, построенный в 1906–1916 гг. Проходила по территории Забайкальской и Амурской областей. Общая протяженность железной дороги составила более 2 тыс. км.

тельность и явную оппозиционность. А В. И. Сергеевич даже в таком боевом вопросе, каким стал финляндский вопрос, во время прохождения закона об общегосударственном законодательстве для Финляндии выступил, хотя и в очень осторожной и завуалированной форме, против этого злосчастного закона.

Не повлияло в желательном смысле и то, что Министерство народного просвещения, которое в первое время 1905–1906 гг. совершенно растерялось и предоставило университетам самим справляться, как могли, с разбушевавшейся студенческой стихией, – начиная с 1907 г. изменило курс и вновь стало прибирать университеты к своим рукам.

Новый курс проявился в трех главных направлениях. Еще при благожелательном по существу, но совершенно чуждом университетской жизни министре П. М. ф[он] Кауфман-Туркестанском начали бороться со студенческими представительством в университетах. Университеты тщетно указывали, что профессура, которая весьма неосновательно считалась виновницей всех студенческих беспорядков, сможет бороться с ними с определенными шансами на успех только благодаря наличию организованного, легального студенческого представительства, в составе которого отражаются не одни только крайне радикальные и революционные, но и более уравновешенные течения; что немислимо сколько-нибудь плодотворное влияние и воздействие на неорганизованную и в силу этого одного совершенно безответственную общую массу студенчества как таковую; что упразднение легального студенческого представительства непременно должно повлечь за собою крайнюю радикализацию и переход студенческих

организаций в подполье; что бороться с эти подпольем окажется не под силу ни профессуре, ни более уравновешенным элементам в среде самого студенчества. Всем этим указаниям не верили, и все легальные студенческие организации, кроме научных кружков, были упразднены при министре А. Н. Шварце, человеке лично честном, но бездушном формалисте, лишенном всякого общественного кругозора.

Параллельно с этим министерство, вопреки духу высочайшего указа об автономии 27 августа 1905 г.²²¹, изданного в бытность министром народного просвещения бывшего начальника академии Генерального штаба ген[ерал]-лейт[енанта] Глазова, – с 1907 г. стало прибегать к ограниченному толкованию прав университетских советов в деле избрания профессоров и к замещению профессорских вакансий в возрастающем числе случаев в порядке непосредственного назначения профессоров правого направления.

Не довольствуясь этим, Министерство народного просвещения при министрах П.М. ф[он] Кауфман-Туркестанском и А. Н. Шварце открыло поход против

²²¹ 27 августа 1905 г. был издан указ «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Указом вводилась выборность ректора и деканов с последующим их утверждением «в установленном порядке». Советам университетов поручались «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни». Был восстановлен университетский суд (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отделение I. № 26692. СПб, 1908. С. 658–659).

выборных ректоров, занимавших эту должность в 1905–1906 гг.; их стали обвинять в бездействии власти, проявленном ими в бурное время. При министре ф[он] Кауфмане начато было дело против ректора Новороссийского университета Занчевского; он был предан суду особого присутствия при Правительствующем] сенате по делам о должностных преступлениях и отрешен от должности. При министре Шварце та же участь постигла ректора Юрьевского университета Е. В. Пассека. С таким же основанием можно было бы предать суду всех выборных ректоров и директоров высших учебных заведений, занимавших эту должность в течение указанного времени, независимо от их левизны или правизны. И не только их, но и глав всех ведомств, в ведении которых находились в то время те или иные высшие учебные заведения: все министры тогда умывали руки и проснулись только после того, как революционная волна схлынула.

Все это ухудшало и затрудняло положение дел в университетах, вызывало протест и раздражение, но не меняло в сколько-нибудь существенных чертах течения жизни в высших учебных заведениях: последнее обуславливалось причинами общего характера, с последствиями которых профессура была бессильна бороться. С другой стороны, все эти меры не оказывали влияния на состав академического представительства в Государственном совете: он неизменно оставался прогрессивным.

Тогда было решено прибегнуть к более решительным мерам и отказаться от флера формальной законности, которым прикрывались при министрах ф[он] Кауфмане и Шварце. Эта задача выпала на долю недоброй памяти министра Л. А. Кассо и товарища его, барона М. А. Таубе. Наступила эра бессмысленного, преступного разрушения

русских университетов. Она отозвалась и на нашем академическом представительстве в Государственном совете.

Первый удар был нанесен ему в 1911 г. В составе академической курии числились в то время два члена, избранных из числа выборщиков по Московскому университету, – ректор университета А. А. Мануйлов и ординарный профессор, академик В. И. Вернадский.

Как известно, в конце 1910-го и в начале 1911 г. в ряде русских университетов, в особенности же в Московском и Петроградском, происходили очень крупные студенческие беспорядки. Студенческие сходки объявляли учебные забастовки, которые проводились насильственным образом при помощи использования забастовщиками самых отвратительных форм химической обструкции на лекциях и в коридорах университетских зданий. Ходатайства университетских советов о закрытии университетов на целый семестр – мера, которая была применена в весеннем семестре 1906 г. и в то время вполне себя оправдала, – были решительно отклонены. Реальное значение этой меры состояло не только в том, что она давала учащейся молодежи время опомниться; она вместе с тем влекла за собою потерю учебного года со всеми связанными с этим последствиями: срок окончания университета отодвигался на целый год, выдача стипендий приостанавливалась, льготы по отбыванию воинской повинности утрачивались; огромное большинство студенчества, не сочувствовавшее студенческим беспорядкам, но вместе с тем лишенное всякой организации, чисто пассивно воспринимавшее их как какое-то стихийное зло, пробуждалось от своей спячки; революционные элементы в студенчестве утрачивали почву

для агитации, и неопределенные симпатии к ним в инертной общей массе, падкой до громких слов, пока это не грозило никакими личными неприятностями, быстро улетучивались; крайние элементы теряли кредит не только в глазах массы студенчества, но и в собственной среде, и поневоле угомонялись, дабы не обнаружить воочию собственное численное ничтожество: сознательный идеализм и жертвенность всегда и везде удел немногих, у массы в таких случаях преобладает инстинкт самосохранения и расчет на безнаказанность. Недаром вожаки во время студенческих беспорядков обычно умели осторожно прятаться за спины своих жертв, в минуты эмоционального экстаза ставивших на карту все свое будущее. Предлагавшаяся университетами мера имела за себя и то еще, что таким путем открывалась возможность ликвидировать студенческие беспорядки не только без массовых случайных жертв, но и без внесения новой тревоги в широкие общественные круги, плохо разбиравшиеся в истинном положении дел в университетах. Нормальная учебная жизнь в университетах, конечно, прервалась. Но университетам в этом отношении нечего было терять: нормального течения занятий при создавшейся атмосфере все равно нельзя было ожидать: огромная масса студенчества, как только начинались серьезные беспорядки, бесследно исчезала из университета из опасения попасть по недоразумению в руки полиции, призываемой для прекращения беспорядков; читать в пустующих аудиториях минимальному числу студентов, подвергавшихся к тому же нападкам и опасности отравления вредными для здоровья газами со стороны забастовщиков-обструкционистов и одновременно опасности случайного ареста со стороны полиции, даже в лучшем случае сводило преподавание к фикции и не имело внутреннего смысла. Кстати сказать, для

профессуры, которая в глазах правительства являлась чуть ли не единственной виновницей беспорядков, перерыв занятий отнюдь не являлся удобным или тем более желанным выходом: не говоря уже об идеалистических мотивах, такой перерыв занятий на целый семестр при существовавшей в то время гонорарной системе для нее был связан с серьезными материальными жертвами. Профессура, однако, не колеблясь, шла на них; она не желала *propter vitam vivendi perdere causas*²²², не хотела из-за материальных соображений пожертвовать внутренним смыслом университетского преподавания.

Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово. Мне, как тогдашнему ректору Петроградского университета, истинное положение в университете и общее настроение профессуры было совершенно ясно. Я не стану утверждать, что среди профессоров и, в частности, среди т[ак] называемых] младших университетских преподавателей, не было вовсе безответственных элементов, горячих голов, не отдающих себе отчета в серьезности положения. Мне самому приходилось некоторых из них удерживать от необдуманных шагов. Но я определенно утверждаю, что подавляющее большинство профессуры и младших преподавателей, независимо от политической окраски, было абсолютно лояльно и ставило жизненные интересы университета вне всяких политических симпатий и антипатий. Этого, между

²²² «*Propter vitam vivendi perdere causas*» (лат.) – «Ради жизни утратить смысл жизни»; строчка из стихотворения Ювенала (Сатиры, VIII, 83–84).

прочим, не мог не знать барон М. А. Таубе, который в то время состоял еще профессором Петроградского университета. (Он был назначен товарищем министра лишь в марте или апреле, точно не помню, того же 1911 г.)

Правительство, которое в то время возглавлялось П. А. Столыпиным, до крайности обострило положение изданием Правил от 11 января 1911 г.²²³ Вся борьба со студенческими беспорядками возлагалась им на местные органы Министерства внутренних дел в лице губернаторов, градоначальников²²⁴ и подчиненной им полиции; они

²²³ Постановлением Совета министров от 11 января 1911 г. было введено совместное управление университетами ректором и градоначальником, что было воспринято либерально настроенной общественностью как фактическую ликвидацию автономии высших учебных заведений. Тогда же был издан циркуляр Министерства народного просвещения «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений».

²²⁴ Градоначальник – в дореволюционной России должностное лицо, управлявшее градоначальством (городом с прилегающими землями), выделенным из губернского подчинения в отдельную административную единицу вследствие его особого значения или географического положения (Петербург, Москва, Одесса и др.). Градоначальник назначался императором лично или по представлению Министерства внутренних дел и непосредственно подчинялся министру внутренних дел. Он имел права губернатора по надзору за городским самоуправлением (руководство городской полицией, обеспечение надзора за торговлей, почтой, судоходством, состоянием публичных, крепостных и портовых зданий). В просторечии – глава дореволюционного города вообще.

уполномочивались принимать все признаваемые ими необходимыми меры, не сносясь с университетским начальством; мнения ректоров и университетских советов никто не спрашивал, и с ними совершенно не считались; вместе с тем, однако, ректоры и университетские советы продолжали считаться ответственными за тишину и спокойствие в университетах.

Начавшиеся в декабре 1910 г. беспорядки, как это нужно было предвидеть, возобновлялись с удвоенной силой в январе 1911 г. и скоро приняли самые острые формы. Нормальная жизнь в университетах замерла, аудитории опустели. Мысль о временном закрытии университетов была решительно отклонена министерством как проявление слабости и неумения или, вернее, нежелания университетов бороться с беспорядками. Вместо этого для подавления беспорядков в университетские здания была введена полиция. Произошли массовые аресты. Общество заволновалось.

Вот та почва, на которой весь президиум Московского университета в составе ректора Мануйлова, помощника ректора Мензбира и проректора Минакова, с одобрения Совета университета, подал в отставку. Министерство реагировало на это увольнением от службы всех трех названных профессоров в дисциплинарном порядке, без прошения, как будто прошений об отставке и не было подано. В ответ на такой образ действия министерства целый ряд профессоров и преподавателей университета, в

том числе и В. И. Вернадский, ушел из университета²²⁵. Ряды ушедших были заменены непосредственным назначением со стороны министерства новых профессоров, получивших в обществе малопочетное наименование «кассовцев».

Здесь не место разбирать, насколько целесообразным был шаг президиума Московского университета. Им, между прочим, был нарушен сговор начальников столичных высших учебных заведений, встретившихся недели за две до этого, еще перед началом нового семестра, в Петрограде. Согласно нашему сговору, мы, ввиду крайне напряженного общего положения и великой ответственности, лежавшей на нас, условились во всех серьезных случаях действовать сообща и воздерживаться от всяких индивидуальных

²²⁵ Правительство потребовало от администрации университетов принятия строгих мер к участникам демонстраций, а от профессоров – помощи в их подавлении. В ответ прокатилась новая волна забастовок, в Петербурге городской коалиционный комитет призвал студентов бастовать весь семестр. В здания университетов была введена полиция, были арестованы и высланы сотни студентов. В связи с этими мерами ректор и оба проректора Московского университета подали в отставку, а Л. А. Кассо уволил их из университета. В знак солидарности с ректором покинули университет 130 профессоров и преподавателей. Министр лично увольнял неблагонадежных профессоров в различных университетах, назначая на их место своих ставленников, но их не хватало. В результате к концу 1911 г. из 443 университетских кафедр 146 были вакантны, для 60 из них не было кандидатур и среди приват-доцентов.

выступлений и ответственных решений, без предварительного совместного обсуждения их.

Как бы там ни было, дело было сделано. Оставалось ждать последствий. Одним из них явилось возбуждение в Государственном совете вопроса о признании бывших профессоров Московского университета Мануйлова и Вернадского выбывшими из состава членов Совета за утрату ими профессорского ценза. Соответствующее предложение министерства было передано в комиссию личного состава. Вопрос с формальной стороны представлялся весьма запутанным. В Учреждении Государственной думы, в ст. 18-й, на которую содержалась ссылка в ст. 27-й Учреждения] Государственного] сов[ета], пункт 2-й гласил, что «член Государственной думы выбывает из ее состава в случае... 2) утраты ценза, дающего право на участие в выборах». Буквальный смысл статьи был совершенно ясен. Однако буквальный смысл данного закона, как это известно всякому образованному юристу, сам по себе, вне связи с другими постановлениями закона, является только возможным смыслом его. Весь вопрос состоял в том, являлся ли буквальный смысл статьи в данном случае истинным смыслом ее. Какой ценз имелся в виду в ст. 27 Учреждения] Государственной] думы, которая сама по себе ведь не была рассчитана на выборных членов Государственного совета, а имела в виду одних членов Государственной думы? Один ли имущественный ценз или также ценз служебный? Чтобы дать ответ на этот вопрос, достаточно было вспомнить одно: лица, состоявшие на государственной службе, в случае избрания их членами Государственной думы, по закону (ст. 351 Положения] о выб[орах] в Государственную] думу) обязаны были либо отказаться от депутатского мандата,

либо уйти со службы. С другой стороны, если данное лицо, в бытность свою членом Государственной думы, получало назначение по государственной службе на должность, соединенную с определенным окладом жалованья (за исключением случая назначения такого лица министром), оно, по силе ст. 18, п. 5 Учреждения] Государственной] думы, тем самым выбывало из состава Думы. Было ясно, что ст. 18 п. 2 Учреждения] Государственной] думы ни с какой точки зрения не могла иметь в виду служебного ценза.

Независимо от этого, в отношении бывшего ректора и профессора Московского университета Мануйлова возникал еще и второй вариант: он был уволен от службы не по прошению, а в дисциплинарном порядке. Можно ли было даже при самом широком толковании понятия ценза подводить под понятие утраты ценза случай лишения профессора его служебного ценза в порядке простого начальственного усмотрения? Мог ли, в частности, закон иметь в виду предоставить одному министру народного просвещения, в отличие от всех остальных министров, подобную власть, сводившуюся к праву его устранять из состава Государственного совета любого неугодного ему выборного члена Совета из числа профессоров университета? Было опять-таки ясно, что ст. 18 п. 2 Учреждения] Государственной] думы, касавшаяся одних только членов Государственной думы, просто не могла даже предвидеть таких случаев, так как их в Думе не могло и быть.

Иначе говоря, ст. 18 п. 2 Учреждения] Государственной] думы по прямому смыслу своему никоим образом не могла служить законным основанием для признания А. А. Мануйлова выбывшим из состава Государственного совета до истечения срока его полномочий.

Мог бы еще возникнуть вопрос о допустимости распространительного толкования означенной статьи, во внимание к тому, что понятие ценза в отношении членов Государственной думы и выборных членов Государственного совета было неодинаковое. Фактически он не был выдвинут, так как большинство комиссии никакого другого, кроме буквального, толкования статьи не признавало.

Надо сказать, что и с указанной такой точки зрения распространительное толкование статьи на основании бесспорных правил юридического толкования представлялось недопустимым. Нормальными способами прекращения депутатских полномочий могли считаться, сверх истечения срока, на который избирались члены верхней и нижней палат, только два способа: добровольное сложение данным членом Думы или Совета его полномочий или смерть его. Выбытие членов из состава Думы или Совета по каким-либо иным основаниям являлось изъятием из этого общего порядка. Изъятия же из общего закона не подлежат распространительному толкованию: они требуют специальной опоры в законе.

Комиссия личного состава посмотрела на дело иначе. Она, в данном случае, как и в вопросе о временном устранении выборных членов Государственного совета, убоясь «обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований», о котором упоминали наши старые Основные законы времен неограниченного самодержавия. Основываясь на буквальном смысле п. 2-го ст. 18 Учреждения] Государственной] думы, комиссия большинством голосов предложила общему собранию признать члена Государственного совета А. А. Мануйлова выбывшим из состава Совета. Приложенное мною к докладу комиссии подробно

мотивированное особое мнение, разумеется, никакого эффекта не произвело, и предложение Комиссии было одобрено огромным большинством общего собрания. Аналогичное постановление было вынесено и по отношению к профессору В. И. Вернадскому, положение которого, впрочем, существенно отличалось от положения А. А. Мануйлова: он был уволен от должности профессора согласно поданному им о том прошению, а не в дисциплинарном порядке, как А. А. Мануйлов.

Министр Кассо одержал полную победу. С одной стороны, он отделался от целого ряда строптивых профессоров Московского университета. С другой стороны, так сказать попутно, был установлен важный прецедент по вопросу об удалении неугодных представителей академической курии в Государственном совете путем простого увольнения их без прошения в отставку от занимаемой ими должности ординарного профессора.

Покончив с Москвой, министр принялся за чистку Петроградского университета, в первую голову юридического факультета его, состав которого был признан особенно злобедным. Более осторожная тактика названного университета, встретившая поддержку и одобрение со стороны всех без исключения начальников и профессуры многочисленным остальных высших учебных заведений, сосредоточенных в Петрограде, побудила министра избрать иные меры, нежели те, которые оказались возможными в Москве.

Наскок на Петроградский университет проявился в двух формах. С одной стороны, началась вакханалия переводов отдельных неугодных профессоров Петроградского университета в провинциальные университеты, с заменю

их в порядке непосредственного назначения «кассовцами». С другой стороны, порядок замещения вакантных кафедр путем объявления конкурсов на освободившиеся кафедры и избрания профессоров факультетами и Советом университета фактически был совершенно упразднен: все вакантные кафедры стали замещаться исключительно в порядке непосредственного назначения профессоров министром.

Если вторая из указанных мер шла вразрез с духом высочайшего указа об автономии от 27 августа 1905 г., то первая, сверх того, не находила почвы даже в университетском Уставе 1884 г.; и этот чисто реакционный Устав не знал института перевода профессора из одного университета в другой помимо собственного желания и согласия переводимого профессора. К тому же эта неслыханная по дикости и безобразию мера, даже с точки зрения на нее как на меру дисциплинарного взыскания, в применении к университетским преподавателям являла собою полную бессмыслицу: если профессор не годился в качестве университетского преподавателя в одном университете, то почему он мог годиться в качестве такового в другом? С другой стороны, провинциальные университеты при такой системе переводов превращались в своего рода дисциплинарные батальоны по отношению к столичным университетам. Воистину, нужен был совершенно исключительный цинизм и чисто большевистское презрение к науке и к русским университетам, чтобы додуматься до такой меры, и чтобы решиться провести ее в жизнь.

Летом 1911 г. Петроградский университет в указанном порядке лишился профессора гражданского права М. Я. Пергамента, который был переведен в Юрьевский университет. В 1912 г. та же участь постигла профессора

истории римского права, незабвенного И. А. Покровского, он был переведен в университет Св[ятого] Владимира в Киеве. В 1913 г. меня перевели в Харьковский университет.

Тяжкие для университетов последствия такой политики министра усугублялись тем, что профессора Пергамент и Покровский предпочли скорее выйти в отставку, нежели подчиняться невыносимому произволу министра.

Параллельно с переводами ученых стал практиковаться систематический отказ в утверждении профессоров, избранных университетскими советами на вакантные кафедры. Ход давался только тем лицам, которые соглашались на прямое назначение их. Об одном прямо-таки предельном случае разнузданности, проявленной министром в этом отношении, я расскажу ниже.

Заботы Л. А. Кассо о надлежащей постановке высшего образования в России сказанным не ограничились. Они проявились в новом направлении по следующему поводу. Ряд московских профессоров, частью добровольно ушедших, частью уволенных министром, пожелали вновь вернуться в университет в звании приват-доцентов.

В качестве таковых они объявили, что будут читать общие курсы по ранее занимавшимся ими кафедрам, замещенным «кассовцами», параллельно с новыми профессорами. На чтение таких параллельных курсов приват-доценты по духу и по букве университетского] Устава 1884 г. имели полное право. Однако при существовании гонорарной системы, введенной тем же Уставом, подобные параллельные курсы грозили причинить крупные материальные убытки вновь назначенным на их место профессорами, ставленникам министра: значительная часть вносимой студентами платы за слушание лекций могла

уплыть из рук этих профессоров. Недолго думая, министр со свойственным ему пренебрежением к закону, разослал по всем университетам циркуляр. В нем он, в прямое нарушение соответствующих постановлений Устава, предписал университетским коллегиям не допускать приват-доцентов до чтения общих, т. е. обязательных для студентов, параллельных курсов: приват-доценты, согласно решению министра, могли читать только факультативные специальные курсы.

В это время я уже не состоял ректором университета: я покинул эту должность еще осенью 1911 г. ввиду коренного разногласия моего с университетской политикой министерства. Однако как член юридического факультета, которому, наряду с остальными факультетами, было предписано провести в жизнь явно незаконные распоряжения министра, я не считал себя вправе молча подчиниться ему. В архиве Государственного совета мне нетрудно было добыть все нужные материалы по истории выработки университетского Устава 1884 г. На основании их мною была составлена докладная записка, которую я внес в юридический факультет Петроградского университета. В этой записке я, на основании изложенных в ней данных, предлагал факультету войти в Совет университета с представлением нижеследующего содержания. В Своде законов (ст. 178 Общ [его] учреждения] губ[ерний] по прод[олжению] 1912 г. и ст. 191 Учр[еждения] Министерств] по прод[олжению] 1912 г.) сохранилось введенное еще Петром Великим право ремонстрации подчиненных лиц и учреждений против начальственных распоряжений, признаваемых ими несогласными с законом. Ст. 191 Учр[еждения] Министерств] (по прод[олжению] 1912 г.) формулировала это право

следующим образом: «Если бы в предписании, непосредственно от власти министра исходящем, начальство, ему подчиненное, усмотрело отмену закона, учреждения или объявленного прежде высочайшего повеления, тогда оно обязано представить о сем министру. Если же и засим предписание будет подтверждено от лица министра в той же силе, тогда начальство обязано случай сей представить Правительствующему] сенату на окончательное разрешение». Мое предложение сводилось к тому, чтобы использовать в данном случае упомянутое право ремонстрации, которое одновременно являлось и возложенной на нас законом обязанностью.

Юридический факультет, а вслед за ним и Совет университета согласились с моими доводами, и Совет вошел с предусмотренным цитированной статьей представлением к министру народного просвещения. Последний, разумеется, остался при своем. Дело перешло в Правительствующий] сенат по первому департаменту. Это был едва ли не единственный со времени учреждения министерств случай в практике Сената, когда подчиненный орган решился поднять столь щекотливый вопрос. Сенат довольно долго тянул дело и в конце концов вынес определение в порядке умывания рук. С одной стороны, он не решился признать распоряжение министра законным. С другой стороны, он не пожелал вынести и обратного решения. Взамен этого он нашел возможным оставить представление Петроградского университета без рассмотрения. Сенат ссылался на то, что подчиненным местам предоставлено обращаться в Сенат только в таких случаях, когда подчиненное место усмотрело в распоряжении министра отмену закона, а не тогда, когда спор идет о том, соответствует ли распоряжение министра

смыслу закона. Как будто общее распоряжение министра, противоречащее смыслу закона, не содержит в себе отмены закона, и как будто возможно установить наличие отмены закона распоряжением министра без выяснения смысла закона!

Формально инцидент этим был исчерпан, но толки о нем не прекратились. По просьбе тогдашнего редактора «Вестника Европы»²²⁶ М. М. Ковалевского мною была напечатана в этом журнале статья под заглавием «Видимая законность и скрытое усмотрение»: в ней я подробно изложил суть дела и общий ход его по инстанции. Напечатание этой статьи переполнило чашу терпения Л. А. Кассо.

Упомянутая статья моя появилась в февральской книжке «В[естника] Е[вропы]» за 1913 г. Летом этого же года, находясь за границей, я получил извещение за подписью товарища министра, барона М.А. Таубе, о том, что я буду переведен ординарным профессором в Демидовский

²²⁶ «Вестник Европы» – историко-политический и литературный журнал либерального направления, издававшийся в Петербурге с марта 1866-го по март 1918 г., с 1868 г. – ежемесячный. Основателем и редактором-издателем был М. М. Стасюлевич. В журнале публиковались крупные писатели, ученые и политики: Н.И. Костомаров, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, А. Н. Пыпин, Вл. Соловьев, К. К. Арсеньев, Н. И. Кареев, А. А. Мануйлов, П. Н. Милюков, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, А. Ф. Кони, И. С. Тургенев и др.

юридический лицей²²⁷ в Ярославль. Я немедленно отправил в министерство протест против предполагаемого

²²⁷ Демидовский юридический лицей – высшее учебное заведение для детей дворян и разночинцев в 1803–1918 гг. Основано 18 июня 1803 г. Александром I по предложению и на средства предпринимателя Павла Григорьевича Демидова. Открыто в 1805 г. под названием Высших наук училище, с 1811 г. приравнено к университету. В училище преподавались: словесность древних языков и российское красноречие, философия, естественное и народное право, математика, химия и технология, естественная история, политическая история, политическая экономия и наука финансов. С 1819 г. введено преподавание французского и немецкого языков, рисования, музыки, танцев, фехтования. С 1833 г. преобразовано в Демидовский лицей (3 года обучения), в 1833–1845 гг. находился в ведении Московского университета. В лицее преподавались Закон Божий, математика, физика, химия и технология, российская и латинская словесность, философия, естественная история, русское публичное гражданское и уголовное право, финансы и политическая экономия, всеобщая и российская история и статистика, немецкий язык, французский язык и словесность. Все предметы, кроме юридических и камеральных наук, считались второстепенными. В 1846–1849 гг. в лицее преподавал законоведение, государственное право и финансы К. Д. Ушинский. В 1868 г. Демидовский лицей был преобразован в Демидовский юридический лицей с 4-летним обучением. Были созданы кафедры энциклопедии права, римского права, истории русского права, государственного права, гражданского права и гражданского судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства, полицейского права, финансового права, политической экономии и статистики, всеобщей истории права. В 1918 г. преобразован в университет, просуществовал до 1924 г.

перемещения моего. В нем я, в частности, указывал на то, что Демидовский лицей не пользуется правом участвовать в выборах в Государственный совет, что таким образом я лишаясь ценза профессора университета, и что министр не имеет права на такую меру. Через некоторое время я получил новое извещение из министерства о том, что я переведен ординарным профессором в Харьковский университет.

Передо мной стал вопрос, как мне реагировать на мой перевод в Харьков; в частности, подавать ли мне в отставку, как это сделали передо мною профессора Пергамент и Покровский, чего многие ждали и от меня. Если бы я не состоял выборным членом Государственного совета, вопрос решился бы просто. Но указанное обстоятельство чрезвычайно осложняло его в моих глазах. Я отнюдь не желал доставить министру слишком легкое торжество: раз я сам подал бы в отставку, вопрос о моем выбытии из Государственного совета автоматически был бы разрешен в самом желаемом для Кассо смысле. Это представлялось мне принципиально недопустимым: нельзя было самому облегчать Кассо несомненно поставленную им себе цель удалить меня из Государственного совета. Я избрал поэтому другой путь. Я решил, оставаясь профессором, в Харьков не ехать и продолжать свою работу в Государственном совете. Более чем достаточным в моих глазах основанием служило то, что совмещать такую работу в таком объеме, в каком мне приходилось участвовать в ней, с добросовестным исполнением профессорских обязанностей в отдаленном от центра провинциальном университете даже при нормальных условиях представлялось фактически невозможным: приходилось жертвовать или тем, или другим. Ректору

Харьковского университета, в ответ на несомненно продиктованное министром предложение его незамедлительно явиться на новое место службы, я послал извещение, что ввиду коллизии долга общественного с долгом служебным, коллизии, созданной помимо и против моей воли, я считаю своим нравственным и политическим долгом продолжать возложенную на меня доверием моих избирателей работу в Государственном совете в полном объеме этой работы; это лишает меня возможности одновременно исполнять мои профессорские обязанности в Харьковском университете. Вместе с тем я довел до сведения ректора, что при создавшемся положении я не желаю ни обременять университетского бюджета, ни лишать университет возможности заменить меня другим лицом. Пользуясь представленным мне по закону правом, я отказываюсь от своего профессорского содержания, взамен которого я имею право получать суточные по Государственному совету; одновременно я заранее проявляю согласие на перечисление меня из штатных в сверхштатные ординарные профессора без содержания, дабы на освобождающуюся таким путем профессию мог быть избран другой кандидат. Этим, как мне казалось, я исполнил долг лояльности по отношению к университету, и вместе с тем максимально затруднил положение Кассо, который при такой постановке вопроса, оставаясь в пределах законности, с формальной стороны ни к чему придаться не мог.

Однако для министра Кассо никаких законов не было писано. Прошло полгода, и я получил официальное письмо за подписью министра. В нем он извещал меня, что ввиду упорного уклонения моего от исполнения служебных обязанностей я увольняюсь от должности ординарного

профессора Харьковского университета, с причислением к министерству.

Вскоре после этого в Государственный совет поступило сообщение министра о моем увольнении от профессоры, и вместе с тем стал вопрос о признании меня выбывшим из состава Совета за утратою ценза. Вопрос на общем основании был передан в комиссию личного состава.

Лично мне, ввиду ранее установленных прецедентов, дело мое представлялось в довольно безнадежном свете. На проверку, однако, оказалось, что предел терпения был достигнут. В отдельных группах Государственного совета началось настоящее волнение по поводу образа действий министра, никаким неосторожным поступком с моей стороны не вызванного. Группа центра и группа нейдгардтцев собрались на частные совещания, на которых было решено голосовать против предложения о признании меня выбывшим из состава Государственного совета. Представителям обеих групп в комиссии личного состава были даны соответствующие директивы. Разумеется, что такую же позицию заняла и наша группа. Даже в группе правых, как оказалось, стали раздаваться протестующие голоса. Вспоминаю, как ко мне подошел один из представителей духовной курии, архиепископ Варшавский Николай. Никаких отношений, кроме случайных встреч в кулуарах, у нас с ним раньше не было. Тем не менее он счел нужным выразить мне свое возмущение по поводу образа действий министра Кассо. «Что же это такое, – сказал он мне. – Если стать на такой путь, то таким же порядком можно будет убрать и представителей духовенства из Государственного совета». Тут же он заявил мне, что будет голосовать против предложения о признании меня выбывшим из Совета.

Председатель М. Г. Акимов не на шутку заволновался. Ему, вероятно, весьма улыбалась возможность отделаться от меня. Но центр тяжести дела в его глазах заключался не в этом. С одной стороны, отклонение предложения о признании меня выбывшими грозило создать очень опасный новый прецедент, которым опровергалась вся прежняя, столь удобная для правительства, практика Совета в вопросах подобного рода. С другой стороны, такое отклонение в нашем случае было равносильно выражению открытого порицания образу действия министра народного просвещения. То и другое представлялось ему одинаково недопустимым. И вот он стал усиленно утверждать колеблющихся членов Государственного совета никаким образом не отступать в данном случае от прежних прецедентов. Он соблазнял их тем, что никто не мешает им, если они признают подобный порядок изъятия выборных членов Совета нежелательным, внести в порядке законодательной инициативы соответствующее законодательное предположение, которое сделало бы повторение таких случаев невозможным на будущее время.

Одновременно были приняты некоторые меры к тому, чтобы обеспечить проведение предложения о признании меня выбывшим в комиссии личного состава. Председатель комиссии Н. Э. Шмеман в то время болел. Председательствование в том заседании комиссии, в котором данное дело должно было слушаться, автоматически перешло к заместителю его, каковым состоял ярый правый, гр[аф] Толь, бывший петроградский губернатор. Членом комиссии от нашей группы состоял как раз я. По Наказу, я не мог участвовать в ней на правах члена по делу, лично меня касающемуся. Ввиду этого наша группа делегировала в

заседание комиссии М. А. Стаховича. Однако он не был допущен представляющим на заседание, как лицо, не являющееся членом комиссии. Равным образом не был допущен никто из остальных членов Совета, не состоявших членами комиссии личного состава. Это тоже шло вразрез с установившейся практикой: никогда, ни до, ни после, ни одною комиссией (если не считать закрытых заседаний, к числу которых по Наказу данное заседание не могло быть отнесено), не чинились препятствия к допущению членов Совета, интересовавшихся тем или иным делом, подлежавшим рассмотрению в данной комиссии.

Я был приглашен в заседание комиссии для представления, будь я того пожелаю, своих объяснений по делу. Я воспользовался своим правом и ознакомил комиссию с составленным мною подробным письменным объяснением. В нем я изложил всю историю дела и дал анализ юридической стороны его: для полноты картины к объяснению были приложены копии переписки с министерством и с начальством Харьковского университета. Объяснение я просил отпечатать вместе с докладом комиссии и разослать его членам Государственного совета. Председательствующий попытался отказать в напечатании и рассылке моего объяснения, но комиссия не согласилась с ним и настояла на напечатании и рассылке его с приложениями к нему. После этого я удалился из заседания, и комиссия приступила к обсуждению дела. Большинством всех голосов против одного она высказалась за признание меня выбывшим из состава Государственного совета. Не только представители правых в комиссии, но и оба представителя ценза, П.М. ф[он] Кауфман-Туркестанский и А. А. Ильин, подали свои голоса за это. Против голосовал один только представитель

нейдгардтовцев, член Государственного совета Ребиндер. Он же сообщил мне об исходе голосования, подчеркнув при этом, что только он один в точности исполнил директиву, полученную от своей группы. После этого П.М. ф[он] Кауфман в частном разговоре со мною, вызванном не мною, сказал мне следующее. Он с Ильиным не сочли возможным возражать против юридической обоснованности аргументов большинства, приведенных в пользу признания меня выбывшим, но в общем собрании оба будут подавать записки против этого предложения, как это было решено группой центра. Мысленно я позволил себе тогда не поверить этому обещанию, в чем я, однако, ошибся.

Тайный порядок голосования записками, установленный для таких случаев Наказом, дал возможность выявить настоящее настроение большинства Совета. Докладчиком комиссии, поддерживавшим предложение ее, был бывший министр внутренних дел А. А. Макаров. Ему возражали члены нашей группы М. М. Ковалевский и академик С. Ф. Ольденбург. В ложе министров присутствовал товарищ министра народного просвещения барон М. А. Таубе. Он был, как мне передавали потом, настолько уверенным в принятии предложения комиссии, что в разговоре с одним из присутствовавших членов Совета заявил: «Мы его уволили, а они должны признать его выбывшим». Закрытая баллотировка дала такие результаты: 56 записок за принятие предложения комиссии и 98 записок за отклонение предложения ее. Такого внушительного большинства, недалекого от большинства двух третей присутствовавших в заседании общего собрания членов Совета, никто не ожидал. Оно свидетельствовало о том, что и часть правых членов Совета возроптала против новой совершенно неприятной

попытки нажима на закон в форме явного *détournement de pouvoir*²²⁸, проявленного министром Кассо, и нарушения элементарных прав одного из выборных членов верхней палаты.

Это был серьезный симптом и серьезное предостережение. В Государственном совете стало просыпаться чувство гражданственности, идущее на смену психологии угодничества.

Дальнейших попыток к изъятию выборных членов Совета более не было сделано.

В текущей работе Государственного совета члены академической курии, наряду с остальными членами нашей группы, принимали самое живое участие. Между нами очень скоро и как-то само собою установилось совершенно определенное разделение труда. Так, вопросы государственно-правовые и вопросы конституционного права составляли естественную домену М. М. Ковалевского. Вопросы финансового и бюджетного права особенно интересовали неутомимого А. В. Васильева, который в качестве неизменного члена финансовой комиссии всею душою отдался работе над ними; одновременно он уделял много времени и внимания вопросам народного образования. Ко мне отошли, кроме общего руководства деятельностью группы, вопросы гражданского и торгового права и соприкасающиеся с ними вопросы из сферы социаль-

²²⁸ *Détournement de pouvoir* (франц.) – злоупотребление властью (служебным положением), превышение власти (полномочий).

но-политической, как то участие в рассмотрении законов по страхованию рабочих, по найму торговых служащих и т. п., а позднее, в особенности после кончины М. М. Ковалевского, и вопросы государственно-правовые, в том числе и чисто юридико-догматические вопросы по толкованию Учреждения Государственного совета и связанных с ним законоположений, по толкованию наших бюджетных законов, и т. д.

К А. В. Васильеву впоследствии по вопросам финансовым и бюджетным присоединился И. Х. Озеров, а по вопросам народного образования В. И. Вернадский (после вторичного его избрания уже не от Московского университета, а от Академии наук) и С. Ф. Ольденбург.

Трудно приходилось московским профессорам (А. А. Мануйлову, В. И. Вернадскому до его ухода из Московского университета, и кн[язю] Е. Н. Трубецкому). Они, естественно, были лишены возможности столь же интенсивно участвовать в работах Государственного совета, как это было доступно их коллегам, проживавшим в Петрограде; они приезжали обычно на заседания Государственного совета только по особому моему вызову, когда присутствие их представлялось почему-либо особенно необходимым. В аналогичном положении находился профессор Харьковского университета Д. И. Багaley, который тоже частенько уезжал из Петрограда.

Тяжкий удар постиг нашу группу в 1916 г. Скончался М.М. Ковалевский. Начало войны застало его в Карлсбаде, куда он ежегодно ездил лечиться. Австрийские власти задержали его в качестве гражданского пленного. Мытарства, связанные с двухлетним пленением его в Австрии, подорвали его силы. С большим трудом, в результате бесконечных хлопот, завершившихся

обращением целого ряда членов Государственного совета и друзей его к королю Испанскому, Альфонсу XIII, удалось наконец добиться освобождения М.М. [Ковалевского] из плена.

Уже в то время, когда он вернулся, он был неузнаваем. Несмотря на серьезное недомогание, он с обычной своей энергией вновь принялся за многосложную работу, которую он раньше вел. Этим, в соединении с невозможностью продолжать в условиях военного времени необходимый ежегодный курс лечения в заграничном курорте, М.М. [Ковалевский] окончательно себя погубил. Весною 1916 г. его не стало.

К счастью своему, он не дожил до несказанного несчастья нашей родины, которой он верой и правдой служил всю свою жизнь.

ХII. Гр[аф] С. Ю. Витте. А. Ф. Кони

Среди беспартийных членов Государственного совета два члена выделялись своим громким именем и своей широкой узнаваемостью – гр[аф] С. Ю. Витте и А. Ф. Кони.

Граф Витте, несомненно, принадлежал к числу самых ярких фигур в длинном ряду выдающихся русских государственных деятелей. Как министр финансов, как главноуполномоченный по заключению Портсмутского мира²²⁹, как главный вдохновитель по изданию конститу-

²²⁹ Речь идет о мирном договоре, которым завершилась Русско-японская война 1904–1905 гг. После ряда поражений

ционного манифеста 17 октября 1905 г.²³⁰ он оказал русской государственности неоценимые услуги и добился впечатляющих достижений. Одна крайняя политическая близорукость и узкое, чисто партийное пристрастие могут отрицать это и считать его просто на-просто злым гением России, ниспосланным ей в один из самых решающих моментов ее истории. Но и то сказать: сам С. Ю. Витте первый был виноват в том, что отрицательная оценка его личности и его государственной работы стала получать все большее и больше распространение.

Внутренний трагизм этого человека заключался в том, что он органически не был в состоянии оставаться верным себе. Это была в полном смысле слова демоническая натура, одновременно и созидательная, и разрушительная. Два демона за раз владели душою С. Ю. Витте: всепожирающий инстинкт властолюбия и крайний, чисто ницшеанский

русской армии на суше, под Ляояном и Мукденом, и на море, в Цусимском проливе, Николай II был вынужден пойти на невыгодные условия мирного договора, подписанного С. Ю. Витте в г. Портсмуте (США) 23 августа 1905 г. Россия уступила Японии аренду Ляодунского полуострова, отдала часть острова Сахалина к югу от 50-й параллели, предоставила японцам право рыболовства в русских прибрежных водах в Японском, Охотском и Беринговом морях.

²³⁰ Манифест 17 октября 1905 г. – законодательный акт, ставший главной уступкой Николая II участникам Всероссийской октябрьской политической стачки. Он разделял законодательную инициативу между императором и представительным органом власти, тем самым положив начало российскому парламентаризму.

эгоцентризм, не знавший и не признававший никаких моральных сдержек. На службе у этих двух демонов состояли живой, практический ум, сильная, непреклонная воля и необузданный темперамент его.

И ум, и воля, и темперамент сами по себе являются чисто формальными душевными свойствами. Содержанием их наполнял обуревавший графа инстинкт властолюбия. Ради утоления этого инстинкта он готов был принести в жертву все, до потери не только собственного лица, но и собственного достоинства. Ибо лишиться власти значило для него лишиться смысла жизни.

На этой почве вырос и расцвел не знающий никакой меры и никаких границ оппортунизм графа. Этот оппортунизм позволял ему с величайшей легкостью отказываться от всего, что он только что исповедовал, раз это казалось ему необходимым для сохранения власти или для создания благоприятной почвы, чтобы вернуть ее себе. Вот почему гр[аф] Витте политически всегда являлся настоящим хамелеоном. Когда это входило в его расчеты, он инспирировал известную докладную записку, направленную против самой идеи земства; земство в этой записке изображалось как чужеродный и опасный для самодержавного режима элемент. Когда времена изменились, он же добился перехода от реформы к «реформе», переходя от неограниченного самодержавия к конституционным обещаниям манифеста 1905 г. В этот момент он, казалось, окончательно достиг вершины власти, став председателем Совета министров в первом кабинете конституционной эры.

Но когда нужно было превратить декларированные обещания манифеста в конкретные правовые нормы и когда граф на этом пути стал встречать все возрастающее

противодействие со стороны приверженцев старого порядка, он вновь переметнулся: чтобы удержаться у власти, он стал прилагать все силы к тому, чтобы новый представительный строй возможно меньше напоминал конституционный строй западного типа и возможно больше походил на прежний самодержавный строй с примесью некоторых чисто внешних атрибутов, заимствованных из конституционной практики других стран: к этим внешним атрибутам принадлежало создание двух палат, сконструированных так, чтобы они по возможности парализовали одна действия другой, и тем сами лишили себя всякого реального значения.

Если ему не удалось полностью достигнуть этой цели; если жизнь как-никак взяла свое; если даже крайне несовершенные по структуре новые законодательные учреждения нашли общий язык и внесли совершенно новую струю в русскую жизнь, – то это только лишний раз доказывает, что объективные результаты человеческих действий заранее неучтими и далеко не всегда соответствуют нашим субъективным намерениям и ожиданиям.

Себя граф Витте, как известно, проявленным им беспардонным оппортунизмом не спас, власти не удержал, но зато он окончательно добился утраты всякого к себе доверия со стороны всех без исключения политических кругов. Понятно, что конституционалисты всех толков, от радикальных до самых умеренных, совершенно разуверились в нем: для них он являлся простым политическим перевертнем, на которого ни в чем нельзя было полагаться. Но и «друзья справа», которых он хотел умилостивить новым поворотом фронта, отнеслись к нему так же. И надо сказать, тоже с полным основанием. Никто не верил и не мог верить тому, что гр[аф] Витте в душе отдает предпочтение

самодержавному строю как таковому перед строем конституционно-представительным. Его отношение к монархическому принципу, в сущности, было таким, каким его рисует известный немецкий *bon mot*²³¹, в свое время вложенный в уста прусских юнкеров по адресу прусских монархов: *und der Konig absolut, wenn er unser'n Willen tut*²³².

О таком его отношении к монархии красноречиво свидетельствуют отзывы его о двух императорах, которым он служил, – об Александре III и Николае II, – точнее, различие в тоне его отзывов о них.

Это различие в более или менее прикровенной форме проглядывало уже при жизни графа в речах его в Государственном совете. Оно совершенно открыто выступит наружу в его мемуарах. Именно не то, что он говорил об обоих государях, а то, как он говорил о них, изобличает сокровенную сущность его политической физиономии. Графа Витте по-настоящему удовлетворил бы только такой строй, при котором он лично мог бы разыгрывать роль фактического диктатора при номинальном, безвластном и беспомощном без него носителе верховной власти. Наименование и внешние декоративные атрибуты строя никакого значения в его глазах не имели. Это были для него

²³¹ *Bon mot* (фр.) – остроумное выражение, изречение.

²³² *Und der Konig absolut, wenn er unseren Willen tut*» (нем.) – «А власть короля абсолютна, пока он во всем нам послушен». Так сказал о взаимоотношениях прусского короля и землевладельцев поэт Адельберт фон Шамиссо (*Adelbert von Chamisso*; 1781–1838).

вещи из мира политических бирюлек: *mundus, heu, vult decipi, ergo decipiatur*²³³: толпа желает быть обманутой, пусть же она и будет обманута. Важно одно: чтобы во главе управления государством стоял сильный, властный человек, знающий и способный неуклонно проводить то, что в данный момент нужно государству для поддержания его внутренней мощи и внешнего престижа, и чтобы этим человеком был он сам. Таково было его понимание теории относительности формы правления.

Это роднило его со всеми диктаторами старого и нового времени, великими и малыми душою, с Цезарем и Августом, с франкскими Пиппинидами²³⁴ и с Ришелье, и Наполеоном и Бисмарком, Пилсудским и Муссолини и их эпигонами. Ведь они являются примерами неразрывного сочетания сознательного служения началу мощной, крепкой государственности с инстинктом необузданного личного властолюбия.

Но, конечно, как у каждого из них, так и графа Витте, были собственные индивидуальные черты. Одной из самых типичных для гр[афа] Витте и крайне отталкивающих черт его характера являлось отсутствие в нем настоящего чувства

²³³ *Mundus vult decipi, ergo decipiatur* (лат.) – «Мир желает обманываться, пусть же обманывается», «Мир желает быть обманутым, пусть же его обманывают». Выражение, приписывается папскому легату Караффе (впоследствии римский папа Павел IV (*Paulus PP. IV; Giovanni Pietro Caraffa; 1476–1559*)).

²³⁴ Пиппиниды (фр. *Perinides, Pippinides*) – франкская династия в VII–VIII вв. С Карла Великого, сына короля Пипина Короткого, династию стали называть Каролингами (VIII–X).

собственного достоинства. Ему чужд был великий смысл формулы философа Geulinx'a²³⁵: *ubi non vales, ibi non velis*²³⁶; в вольном переводе: где тебя не ценят, там отойди в сторону, – насильно мил не будешь, себя только потеряешь. Он готов был унижаться перед кем угодно, лишь бы добиться своего, не отдавая себе отчета в том, что таким путем можно достигнуть только обратного.

Вместе с тем буйный, несдержанный, крайне импульсивный темперамент в сочетании с огромной самоуверенностью и презрением к людям на каждом шагу мешали ему в превратностях судьбы держаться в общении с людьми какой-нибудь определенной, заранее намеченной и последовательно проводимой линии поведения.

Указанные черты характера с особой разностью и неприглядностью стали проявляться в поведении графа Витте в Государственном совете после его вторичного, и окончательного, падения.

Положение графа в Государственном совете было исключительно тягостное. К нему все относились с нескрываемым недоверием. Он со своей стороны делал все, чтобы укрепить это чувство к его персоне.

Всем было ясно, что, – не случись какие-нибудь совершенно исключительные и абсолютно непредвиденные

²³⁵ Гейлинкс Арнольд (Arnold Geulinx; 1624–1669) – голландский философ.

²³⁶ *Ubi nil vales, ibi nil velis, ubi nihil vales, ibi nihil veils* (лат.) – «Там, где ты ничего не можешь, там ты не должен ничего хотеть», «где ты не имеешь никакой силы, там ты ничего и не желай».

обстоятельства, – его политическая карьера раз и навсегда закончена. Только сам он никак не мог примириться с этой мыслью. Ему все казалось, что час его опять настанет. Нужно только умело использовать сложившуюся конъюнктуру. Политический маятник с каждым годом явно склонялся все более вправо. Отсюда для графа вытекал вывод, что нужно прежде всего искать примирения с правыми. Этим определялась основная линия поведения его в Совете. Кульминационным пунктом в этом направлении явились его выступления по поводу законопроекта о штатах Морского генерального штаба²³⁷.

²³⁷ Закон о штатах Морского Генерального штаба – 24 мая 1908 г. III Государственная Дума одобрила проект правительства об ассигнованиях на содержание Морского Генерального штаба и приложенный к нему для сведения штат. Финансовая комиссия Государственного совета сочла утверждение штата Думой нарушением прерогатив императора. По ее предложению Совет отклонил проект. После повторного внесения в Думу законопроекта об отпуске средств на штаб Дума вновь одобрила и ассигнование и сам штат. Государственный совет передал проект на рассмотрение соединенных комиссий финансовых и законодательных предположений. Большинство членов комиссий, кроме правых, поддержало проект. Под давлением правительства, не желавшего конфликта с Думой, Государственный совет одобрил законопроект 87 голосами против 75. По предложению председателя Совета М.Г. Акимова, угрожавшего в противном случае отставкой, Николай II отклонил проект. 24 августа 1909 г. было утверждено положение, которое, в частности, предписывало военному и морскому ведомствам представлять императору, без внесения в законодательные палаты, проекты штатов всех своих учреждений.

Как известно, ст. 96 и 97 новых Основных законов, изданных 23 апреля 1906 г., за четыре дня до созыва первой Государственной думы, устанавливали весьма серьезные ограничения компетенции законодательных палат в сферы военного законодательства. Большинство законодательных предположений по военной и военно-морской части на основании указанных статей проводились, помимо Государственной думы и Государственного совета, в особом порядке военного законодательства. Органами этого особого военного законодательства служили Военный и Адмиралтейств советы по принадлежности. Эти инстанции сохранили чисто законосовещательный характер. Все же в ст. 96 Осн[овных] зак[онов] были установлены известные границы, в пределах которых только и должен был иметь место этот особый порядок проведения законоположений по военной и военно-морской части. Для этого, между прочим, требовалось, чтобы «постановления, положения и указы» по упомянутым частям не касались «предметов общих законов».

В противном случае они подлежали рассмотрению в общем законодательном порядке. К числу этих предметов, по силе п. 1-го статьи 31-й Учреждения] Государственной] думы, относились «предметы, требующие издания законов и штатов , а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены».

Правительство П. А. Столыпина на этом основании и внесло в Государственную думу, когда возник вопрос об учреждении в составе Морского министерства нового органа – Морского генерального штаба, законопроект о штатах этого нового установления. В Государственной думе законопроект прошел без всяких трений. Никаких

возражений по существу нельзя было ожидать и со стороны Государственного совета. Правые возбудили, однако, формальный отвод о неподведомственности^{TM} этого дела общим законодательным учреждениям. Они доказывали, что компетенция последних ограничивается лишь ассигнованием соответственного кредита, самые же штаты вновь учреждаемого Морского генерального штаба подлежат утверждению в порядке не общего, а особого военного законодательства. Они требовали ввиду этого отклонения законопроекта в том виде, как он был внесен правительством в Государственную думу и ею принят. Таким путем искусственно был создан конституционный вопрос.

В прениях по этому вопросу, между прочим, выступал и я, указывая на всю внутреннюю фальшь и юридическую несостоятельность такой постановки вопроса. После этого в защиту явно тенденциозного и прямо недобросовестного толкования ст. 96 Осн[овных] зак[онов], проводившегося правым крылом Государственного совета, поднялся гр[аф] С.Ю. Витте. В своей речи он исключительно ссылался на то, что он был участником в деле выработки новых основных законов; в качестве такового он должен засвидетельствовать, что одно лишь толкование правых соответствует истинному смыслу ст. 96 Основных] зак[онов]. Закончил он тем, что иного толкования никто, находясь в здравом уме и твердой памяти, поддерживать не может. На этой почве последовала резкая реплика с моей стороны: я заявил, что я не психиатр и не берусь судить, насколько тот, кто прибегает к подобного рода полемическим приемам, сам находится в здравом уме и твердой памяти; во всяком случае, его рассуждения свидетельствуют о том, что он не в состоянии противопоставить оспариваемому им взгляду никакие контраргументы,

поддающиеся логическому разбору и оценке. Моим ответом я доставил искреннее удовольствие многочисленным врагам графа, которые стали острентативно²³⁸ подходить ко мне и выражать свою радость по поводу урока, полученного им. Упоминаю об этом потому, что это характеризует общую атмосферу раздражения и озлобления, которую С. Ю. Витте создал вокруг себя. Между прочим, инцидент закончился тем, что граф во время перерыва в кулуарах подошел ко мне и начал извиняться: я его не так понял, он вовсе не имел в виду меня, и жалеет, что выразился там неосторожно. Я ответил ему довольно сухо. На другой день он нанес мне визит и, не застав меня дома, оставил карточку с новыми словами извинения.

Законопроект был принят Государственным советом весьма слабым большинством, но не был утвержден государем. Правые добились-таки своего.

По существу, вся кампания против законопроекта представляла собою очередной выпад правых против П.А. Столыпина. Он к тому времени (шел 1910 г.) уже окончательно утратил их расположение и стал подвергаться с их стороны усиленному обстрелу. Гр[аф] Витте понял, откуда подул ветер, и сообразовал с этим свое поведение. Он рассчитывал своим выступлением сразу убить двух зайцев: засвидетельствовать перед правыми свою полную готовность равняться по ним и вместе с тем напомнить перед престолом о себе и о своих верноподданнических чувствах: уж кто-кто, а он не потерпит ни малейшего умаления прерогатив верховной власти.

²³⁸ Острентативно – демонстративно.

Наряду с таким ухаживанием за правыми элементами, ухаживанием, унижительным по существу и явно бесцельным, гр[аф] Витте не брезговал и возможностью в подходящий момент причинить им неприятности. Ибо, в конце концов, тоска по власти и злоба против всех, кто в этом отношении стоял ему поперек дороги, начиная с государя и кончая теми же правыми, брала в нем верх над всякого рода иными соображениями.

Этим объясняется тот факт, что гр[аф] Витте состоял в числе «тайнобрачных» нашей группы, с которой он поддерживал контакты главным образом через М. М. Ковалевского. С ним он часто подчеркнуто беседовал в кулуарах, скандализируя этим тех же правых, за которыми усиленно ухаживал. Через М. М. он передавал нам о своей готовности подавать наш список при выборах представителей в разные комиссии. Был даже случай, когда он прямо изъявил желание войти по нашему списку в одну комиссию. Речь шла о сооружении Амурской железной дороги. Граф был противником этого законопроекта. Он считал, что огромные расходы по постройке этой дороги, при наличии Восточно-Китайской железной дороги²³⁹, конкуренцию с которой вновь проектируемая Амурская железная дорога не оказалась бы в состоянии выдержать, чрезмерно обременили бы русскую казну; вместе с тем он относился весьма скептически к стратегическому значению означенной

²³⁹ Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) – часть Транссибирской магистрали, проложенная в 1897–1903 гг. по территории Манчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и арендованным у Китая Порт-Артуром.

дороги. Ни правые, ни центр не пожелали включить опального сановника в списки предлагаемых этими группами членов особой комиссии по рассмотрению означенного законопроекта. Тогда он обратился через М.М. Ковалевского к нашей группе. Мы пошли ему навстречу: пригласили его в заседание нашей группы, выслушали подробный доклад его по этому вопросу и выставили его имя во главе списка нашей группы: законопроект был лишен всякой внутривластной окраски, гр[аф] Витте, несомненно, являлся весьма авторитетным знатоком в делах железнодорожного строительства; устранение его от участия в обсуждении важных технических и финансовых вопросов, возникавших в связи с этим законопроектом, можно было объяснять только личными мотивами, ничего общего с интересами дела не имеющими. Кстати сказать, те же правые нашли нужным включить в число членов Особой комиссии Д. И. Пихно, несмотря на то, что он тоже был определенным противником законопроекта. Так, гр[аф] Витте и прошел в качестве представителя от «левой группы» в комиссию. Можно усомниться в том, чтобы это сослужило ему большую службу в глазах правых.

Бывали и другие, еще более разительные случаи, когда гр[аф] Витте не выдерживал характера и, отдаваясь душащим его чувствам раздражения и гнева, совершал действия, явно шедшие вразрез с общей линией его поведения и бесконечно вредившие ему в глазах тех, расположения коих он добивался. Я имею в виду неоднократные прозрачные выпады его по адресу царствовавшего императора, вперемешку с подчеркнутым восхвалением памяти его отца, покойного государя Александра III. Делались такие выпады не только в частных разговорах, но и в речах, которые граф

произносил в высоты трибуны Государственного совета. Нечего говорить, насколько это вредило ему при дворе.

Вместе с тем, как мне достоверно известно, гр[аф] Витте находил возможным выпрашивать у того же государя весьма крупные суммы на покрытие своих долгов.

Все это доставляло лишнюю радость многочисленным врагам графа и одновременно не могло не отталкивать от него и тех, кто без всякой предвзятости отдавали в полной мере должное его выдающимся государственным талантам и его крупнейшим достижениям в прошлом. Он сам, собственными руками, создал вокруг себя Торричеллиеву пустоту²⁴⁰, в которой он, в конце концов, задохнулся.

Совсем иным было положение А. Ф. Кони. Его издавна окружал ореол прогрессивного, высоко принципиального и бесстрашного общественного деятеля. Этот ореол с годами все крепнул и превратился в своего рода догмат. Мне кажется такая оценка его личности несколько преувеличенной.

А. Ф. Кони был на редкость богато одаренный человек, выдающийся судебный деятель, превосходный оратор, замечательный стилист, первоклассный *essay*'ист²⁴¹, бытописатель и мемуарист. Вместе с тем он был, бесспорно, человек прогрессивного направления на основе широкого,

²⁴⁰ Торричеллиева пустота – безвоздушное пространство над свободной поверхностью жидкости в герметически закрытом сверху сосуде (термометр, барометр).

²⁴¹ *Essay*'ncT – эссеист, автор небольшого по объему прозаического сочинения с вольной композицией.

гуманного миропонимания. Но едва ли можно считать отличительными чертами его духовного склада стойкость характера и бесстрашие в выявлении определенного политического мирозерцания. По крайней мере, он в Государственном совете ни того, ни другого качества не обнаружил.

Начать с того, что А. Ф. Кони с самого начала и до самого конца числился в списке беспартийных членов Государственного совета, в качестве такового принимал деятельное участие в образовании особой группы беспартийных и вступил в нее.

Беспартийность в политической жизни сама по себе может иметь двоякий смысл. Она может покоиться на чисто психологической основе, свидетельствовать о неумении или о нежелании человека подчиняться какой-нибудь определенной партийной или фракционной дисциплине, всегда связывающей в тех или иных границах свободу действий. Такая беспартийность отнюдь не исключает ни определенного политического мирозерцания, ни столь же определенного выявления его. Беспартийным в этом смысле был в Государственном совете М. А. Стахович, который вместе с тем представлял собой совершенно определенную политическую фигуру, не скрывал своих политических взглядов ни перед кем, и, между прочим, оставаясь беспартийным, открыто примыкал к нашей группе.

Наряду с этим бывает и другого рода беспартийность: она свидетельствует в одних случаях об отсутствии у лица вообще какого-либо определенного политического мирозерцания, а в других случаях, – это чаще всего, – о нежелании открыто обнаруживать собственные политические взгляды вовне и делать из них определенные

конкретные выводы, обязывающие лицо держаться определенного поведения в тех или иных принципиальных вопросах.

Таким именно характером абсолютной политической бесформенности отличалась т[ак] наз[ываемая] группа беспартийных в Государственном совете, которая являлась чисто внешним объединением членов этой группы без всякой внутренней спайки их. В нее входили самые разношерстные в политическом смысле элементы. Объединяло их только одно – желание не выявлять или, во всяком случае, не подчеркивать никакой определенной политической позиции – ни правой, ни средней, ни левой.

Такая нейтральная позиция практически несомненно представляла свои удобства. Ее по человечески вполне можно было понять, в особенности, если учесть те своеобразные условия, в которые были поставлены члены Государственного совета по назначению. Это было своего рода политическое мимикри. Но, во всяком случае, подобная позиция менее всего способна была свидетельствовать о политической стойкости и политическом бесстрашии тех, кто занимал ее.

По своим политическим симпатиям А. Ф. Кони, несомненно, ближе всего примыкал к нашей группе, в числе «тайнобрачных» которой он также состоял. В частных разговорах он любил подчеркивать эту свою близость к нам. В случаях, когда происходило тайное голосование, он обычно (а не только по отдельным частным случаям, как гр. Витте) голосовал вместе с нами. Но там, где тайное грозило стать явным, он старался соблюдать должную меру осторожности. Это сказалось весьма характерным образом

во время празднования одного из многочисленных его юбилеев.

Наша группа, по предложению М.М. Ковалевского и М.А. Стаховича, решила отметить юбилейную дату поднесением А. Ф. Кони подарка от имени группы. С юбилеем снеслись на предмет установления места и времени вручения ему означенного подарка. А. Ф. Кони заявил, что он очень тронут нашим вниманием. Ему бы хотелось встретиться с нами в совершенно интимной обстановке. Поэтому он просит нас приехать к нему на квартиру не в самый день юбилея, а днем позже, когда он будет более свободен. Так и сделали. И действительно, с внешней стороны вышло как будто совсем интимно.

Группа наша явилась *in corpore*²⁴². Кроме нас, никого постороннего в назначенное время у него не было. Тем не менее чувствовалась какая-то натянутость, какое-то внутреннее беспокойство, как бы не появился невзначай лишний свидетель тесного общения А. Ф. Кони с нашей группой, лишний слушатель произносившихся речей и свободных суждений. Дружеская беседа не затянулась.

Выступления А. Ф. Кони в общих собраниях Государственного совета тоже не были лишены некоторых любопытных черт. Когда на очереди стояли острые политические вопросы, его голоса не было слышно. Он больше любил выступать по нейтральным вопросам, как то по вопросам народного образования, об авторском праве, о расширении права наследования женщин, о допущении

²⁴² *In corpore* (лат.) – в полном составе, сполна.

женщин в адвокатуру, о борьбе с пьянством и т. п... Все эти выступления обязательно сопровождались появлением в ложах для публики поклонниц его, т[ак] называемых] жен-мироносиц²⁴³.

Вопрос о борьбе с пьянством составляли излюбленный конек А. Ф. Кони. К нему он возвращался постоянно. Нередко он служил ему прикрытием, удобной формой отступления на заранее заготовленные позиции. Особенно памятен остался для меня один случай такого рода. В ноябре 1916 г. происходили исторические заседания Государственного совета, посвященные оценке грозного политического момента, переживавшегося Россией. Целый ряд членов Совета, в том числе и определенно правые, как напр[имер] гр[аф] В. А. Олсуфьев²⁴⁴, чередуясь на трибуне Государственного совета, выражали свою патриотическую тревогу по поводу общего хода внутренних и военных дел: указывали на все нарастающее и широко разлитое общее недовольство ходом внутренней политики, на совершающуюся с калейдоскопической быстротою постоянную смену министров, на утрату правительством всякого кредита в широких массах, на пагубную роль разных проходимцев вроде Распутина при дворе, на надвигающуюся опасность чисто революционных вспышек, на тяжкие последствия,

²⁴³ Жены-мироносицы – последовательницы Иисуса Христа, пришедшие первыми к погребальной пещере, где накануне было положено тело Спасителя.

²⁴⁴ Здесь и далее Д.Д. Grimm допустил ошибку в инициалах. Речь идет о Дмитрие Адамовиче Олсуфьеве.

которые вся эта неурядица грозит оказать на дух армии, и т. д. и т. д...

В числе ораторов выступил от группы беспартийных А. Ф. Кони. Его речь свелась к тому, что корень зла следует искать в народном пьянстве, с которым необходимо всемирно бороться. Об этом он долго и с увлечением говорил. Никаких других моментов он не коснулся. Скажу прямо: эта речь Кони произвела удручающее впечатление на всех, кто явился свидетелем его выступления: лучше бы он уж совсем промолчал, но только не прибегал бы в этот трагический момент к таким неискренним чисто молчалинским приемам, недостойным уважающего себя общественного деятеля.

Нет, А. Ф. Кони как политик и ответственный общественный деятель не стоял на той высоте, на которую его подняли и на которую он сам претендовал. Позднее он это красноречиво подтвердил своим поведением после Октябрьской революции. Он не был бесстрашным политическим борцом, не был тем политическим Bayard'ом, каким он многим и теперь еще представляется. Это не было ему дано...

ХIII. Мои встречи с П. А. Столыпиным и гр[афом] В. Н. Коковцовым

Из председателей Совета министров описываемой эпохи наиболее сильной и красочной фигурой являлся, несомненно, П. А. Столыпин. Лично мне с ним мало приходилось иметь дело. В качестве оппозиционного члена

Государственного совета я, естественно, стоял далеко от правящих верхов и к общению с ними не стремился.

Правда, иногда обстоятельства прямо вынуждали к этому. Я имею в виду случаи обращения за заступничеством со стороны лиц, которым из-за политической неблагонадежности их грозила высылка в административном порядке из столицы или которые хлопотали о возвращении их из ссылки или о смягчении условий ее. Но как раз в таких, впрочем, довольно редких в моей личной практике случаях, как я убедился, не имело смысла обращаться к самому министру внутренних дел, который непосредственно в разбор подобных дел не входил. Гораздо скорее и вернее можно было добиться известных результатов путем обращения к товарищу министра внутренних дел, заведовавшему в данное время делами полиции.

В качестве ректора университета я старался не отступить без крайней необходимости от установленного порядка сношений с попечителем учебного округа и министром народного просвещения и избегал обращений, помимо них, к другим властям, за исключением тех случаев, когда эти власти сами ко мне обращались.

Все же был случай, когда я, именно в бытность свою ректором университета, счел своевременным и необходимым использовать свое положение члена Государственного совета и непосредственно обратиться к П. А. Столыпину по делу, касавшемуся Петроградского университета.

Ближайшим поводом для этого послужили события, разыгравшиеся в Петроградском университете на почве студенческих беспорядков 1911 г.; о которых мне приходилось уже упоминать (гл. XI). Сходки и попытки срыва лекций возобновились на первой же неделе после

начала нового семестра. На третий день была пущена в ход и химическая обструкция²⁴⁵.

Картина выяснилась вполне. Терять времени было нельзя. Признать целесообразной ту единственную меру, на которой настаивало правительство, – именно вызов полиции для подавления беспорядков, – я не мог. Для меня, как и для всей профессуры, было ясно, что таким путем можно было добиться установления тишины кладбища в университете, но никак нельзя было обеспечить спокойное продолжение учебных занятий в нем. С другой стороны, та мера, которую по совести только и мог предложить Совет университета, – временная приостановка учебных занятий, – решительно отвергалась министерством. Оставалось только одно. Надо было ознакомить Совет университета с создавшимся положением, которое далеко не всеми членами Совета рисовалось в его настоящем грозном виде; убедить Совет в необходимости еще раз обратиться к студенчеству с соответствующим воззванием; решительно осудить в нем беспорядки, предупредить студентов о том, что продолжение беспорядков неминуемо повлечет за собою изъятие всего дела по борьбе с беспорядками из рук университетских властей и передачу этого дела в руки властей полицейских. Это воззвание должно было быть вывешено в университете и опубликовано в газетах, дабы студенты были своевременно осведомлены о том, с чем нужно считаться и чего можно ожидать.

²⁴⁵ Химическая обструкция заключалась в том, что для прекращения занятий в данном помещении разливалась зловонная жидкость или выпускались зловонные газы.

Для всего этого требовалось время. В тот же день я созвал состоявшую при ректоре советскую комиссию и заявил ей, что намерен собственным распоряжением приостановить на оставшиеся последние три дня недели занятия в университете, с тем, чтобы созвать Совет университета и вместе с тем дать студентам время одуматься. Формальным основанием для подобного распоряжения, выходявшего за пределы моей нормальной власти, служила ст. 16 Университетского] устава, которая гласила: «в чрезвычайных и не терпящих отлагательства случаях ректору предоставляется принимать все необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть. О всех, сделанных на этом основании распоряжениях и побудительных к ним причинах ректор немедленно доносит попечителю, равно как и сообщает Совету и правлению университета». Советская комиссия всецело одобрила мое предположение. Немедленно было составлено и вывешено за моей подписью объявление о приостановке со следующего дня до конца недели всех учебных занятий в университете, и одновременно было отправлено донесение попечителю учебного округа, гр[афу] Мусину-Пушкину. Попечитель до этого несколько раз бывал в университете, ознакомился с действительным положением вещей и сам сочувствовал принятой мною мере, о которой я счел возможным предупредить его в частном разговоре с ним еще до созыва советской комиссии. На другое утро министр, узнав о моем шаге, по телефону выразил мне крайнее неодобрение по поводу моего «самовольного» образа действий и заявил, что немедленно пришлет мне приказание отменить мое распоряжение. Я попросил его повременить с этим до моего приезда к нему. Разговор мой с ним на его квартире вышел не из особенно

приятных. Он начал с того, что я не имел права отдать распоряжение о приостановке учебных занятий без его ведома. Я ответил ему, что это право мне предоставлено законом. Не известил же я его заблаговременно о предпринятом мною шаге нарочно, дабы не связывать себя и не поставить его в неловкое положение. Он сам слишком был связан прежними своими заявлениями о недопустимости временного закрытия университета и не мог бы согласиться на мое предложение, если бы даже мои доводы внутренне убедили его в необходимости предпринятой мною меры. Затем я обрисовал ему положение дел в университете и объяснил ему внутренний смысл моего распоряжения. Он продолжал гарцевать на своем коне. Было совершенно очевидно, что этим человеком владела одна только мысль и одно чувство: кровная обида, что его обошли, и неудержимое желание отличиться, показать верхам, что кто-кто, а он справится с университетом и раздавит гидру, чего бы это ни стоило. Вся безответственность его натуры, весь глубокий внутренний цинизм ее ярко выступали наружу. Как тетерев, он повторял все одни и те же слова: я не имел права отдавать такое распоряжение, и он немедленно отменит его.

Я встал и на прощание сказал ему: «Я Вам изложил свои мотивы. Прошу Вас об одном: устройте так, чтобы Ваше отменительное распоряжение попало в мои руки не на следующий день, в пятницу, а только утром в субботу. Тогда я фактически не окажусь в состоянии выполнить Ваше распоряжение раньше начала следующей недели (т. е. раньше того срока, на который я сам приостановил занятия)».

Он на это ничего не ответил, и я ушел. Но просьбу мою исполнил. Я получил письменное распоряжение министра о

незамедлительном возобновлении занятий только в субботу утром и тут же приказал вывесить соответствующее объявление.

Характерная подробность. Через каких-нибудь полчаса после этого ко мне явился местный полицеймейстер и по поручению градоначальника спросил меня, почему университет не открыт. Я ответил ему, что только что получил соответствующее распоряжение от министра, но, естественно, не успел еще оповестить учебный персонал о возобновлении занятий, вследствие чего занятия в тот же день не могут быть начаты. Пускать же одних студентов в университет я бы считал рискованным. Полицеймейстер был крайне озадачен моим ответом и попросил разрешения тут же по телефону снести со своим начальством. Было ясно, что Министерство внутренних дел не было предупреждено и что полиция в этот день была зря мобилизована. Узнав от полицеймейстера о том, как обстоят дела, градоначальник сам позвонил ко мне по телефону. Я повторил ему то, что сказал его подчиненному. Полицию увели.

В тот же день вечером состоялось заседание университетского Совета. Совет выслушал подробную мою информацию, засим было принято и вывешено воззвание к студентам. В понедельник занятия возобновились.

Студенты собрались сравнительно в небольшом числе. Часть отправилась слушать лекции, большинство сделало попытку помешать им в этом. Немедленно появилась полиция, и начались аресты. Свыше 400 человек было арестовано, в числе их и некоторые из тех, кто после окончания лекций собирались уходить домой. Не будь предупредительного воззвания Совета университета, число таких случайных жертв, несомненно, оказалось бы

неизмеримо большим: надо иметь в виду, что в то время общее число студентов в Петроградском университете составляло около 12.000 человек, из них примерно около 6.000 юристов.

Полиция оставалась в здании университета и в последующие недели. С утра всюду в коридорах и около аудиторий стояли чины наружной полиции. Жизнь в университете замерла: число студентов, являющихся на лекции, стало минимальным. Положение профессуры, вынужденной читать в пустующих аудиториях, становилось все более тягостным. Личные мои сношения с министром Кассо после описанного мною разговора с ним как-то само собою прекратились, и я продолжил сноситься с ним только письменно.

Никаких резонов он выслушивать не желал: сказал, что сам все лучше знает. От письменных донесений оставался, по крайней мере, внешний след. В своих донесениях я неоднократно указывал министру, что непрерывные полицейские дежурства цели не достигают и, в конечном счете, только превращают университет в пустыню; что поэтому следует вывести полицию из университета и лишь держать наготове, на случай, если бы крупные беспорядки возобновились вновь и университетское начальство оказалось бы не в состоянии собственными силами справиться с ними. Эти указания оставлялись без внимания. На мое приглашение приехать самому в университет и взглянуть на то, что там творится, он гордо отмалчивался. Обращаться мне в качестве ректора университета к П. А. Столыпину с формальной просьбой об аудиенции, помимо министра народного просвещения, я, при создавшемся

положении вещей, считал бесцельным. В такой аудиенции мне бы почти, наверное, отказали.

Но вот представился случай, когда можно было добиться свидания с П.А. Столыпиным на нейтральной почве, во время заседания Государственного совета. Вообще, ловить его там было нелегко. Обычно министры не являлись на заседания Совета; даже по делам, касавшимся их ведомств, они обыкновенно ограничивались тем, что командировали вместо себя кого-нибудь из чинов ведомства в качестве своих представителей. Бывали, однако, случаи, когда данному законопроекту в глазах правительства придавалось особое значение, а шансы на принятие его в Совете были колеблющиеся. Тогда министры, состоявшие одновременно членами Государственного совета, *in corpore* являлись на заседание Совета для участия в голосовании. Так было и в данном случае. Не помню, о каком законопроекте шла речь; помню только, что наша группа восстала против принятия его. Лично мне выступать во время прений не приходилось. Прения затянулись. Они П. А. Столыпина не интересовали, и он вышел из зала заседаний в соседний зал, отведенный для министров и других представителей ведомств, приехавших на заседание Совета.

Я попросил доложить о себе, и он принял меня. Я обрисовал ему невыносимое положение дел в университете и прибавил к этому, что имеются только два выхода. Или правительство не доверяет мне – тогда необходимо удалить меня с ответственного поста ректора университета: положение в университете слишком серьезное, чтобы миндальничать. Или же оно находит нужным оставлять меня на этом посту: тогда оно не может считаться с моим взглядом на вещи и не имеет права просто игнорировать

приводимые мною факты, мою оценку их и выводы, которые отсюда вытекают. Эти выводы сводились к тому, чтобы полиция была удалена из помещений университета, отведенных для учебных целей, и явилась бы туда только по моему вызову. Я же, со своей стороны, брал на себя обязательство не уклоняться от подобного вызова, если бы вновь повторились прежние безобразия – насильственный срыв лекций, химическая обструкция и т. п., – и выяснилась бы невозможность собственными средствами восстановить порядок.

П.А. Столыпин, видимо, не ожидал такой постановки вопроса, но вместе с тем признал ее принципиально правильной. Он сказал мне, что переговорит об этом деле с министром Кассо. Прибавил к этому, что, со своей стороны, как министр внутренних дел, он не может сразу обещать мне исполнить мои пожелания об уходе полиции, но что он об этом подумает и переговорит с кем нужно из чинов своего ведомства. Большого я, конечно, и не мог ожидать, и откланялся. Ближайшая моя цель – точная информация главы правительства обо всем, что происходило в университете, об отношении главы ведомства, о моей личной оценке положения и о моих пожеланиях – была достигнута. Остальное уже не зависело от меня.

Кстати сказать: насколько внимательно и серьезно Столыпин отнесся к нашему с ним разговору, явствует из следующего. Когда один из чинов Государственной канцелярии подошел к нему и предупредил его, что сейчас начнется голосование, ради участия в котором он, собственно, и приехал на заседание, Столыпин заколебался и не знал, как ему поступить. С одной стороны, ему, видимо, не хотелось оборвать разговор, не дослушав меня до конца;

с другой стороны, он не хотел пропустить момент голосования. Для меня, конечно, представлялось очень важным довести разговор до конца. В полшутливой форме я обратил его внимание на то, что наши с ним голоса при голосовании обязательно разойдутся, так что участие нас обоих в голосовании окончательного результата не изменит; поэтому безразлично, примем ли мы в нем участие или нет. Он усмехнулся, и голосование произошло без нашего участия.

К сказанному я должен прибавить, что на следующее утро полиция исчезла из коридоров университета: ее упрятали куда-то поблизости от университета, кажется, в подвалах соседнего с университетом здания Академии наук. К сожалению, я ошибся в том, что после всего происшедшего благоразумие у студентов возьмет верх и что возможно будет вернуться к нормальному течению университетской жизни. В тот же день вновь имел место возмутительный случай химической обструкции. Во внутреннем коридоре, отделявшем одну из небольших аудиторий от главного университетского коридора, во время лекции одного из профессоров была брошена какая-то ядовитая масса в таком огромном количестве, что она угрожала жизни и здоровью всех находившихся в аудитории. Вдобавок обструкционисты плотно закрыли дверь во внутренний коридор, сами оставаясь в главном коридоре в ожидании, что дальше будет. Мне об этом доложили, и я бросился вместе с некоторыми другими профессорами к указанному месту. Открыли дверь и извлекли из аудитории профессора с его слушателями. Тем временем появилась и полиция, увидев которую, обструкционисты поспешно разбежались. После этого полиция вновь вступила в свои права и разместилась по

коридорам. Мне осталось только доложить Совету университета, что я при сложившихся обстоятельствах не могу протестовать против нового появления ее, так как чувствую себя ответственным за жизнь и здоровье учащихся и учащихся в университете. Совет университета с этим согласился.

Для характеристики личности П. А. Столыпина и отношения его к обязанностям и к лицам, обращавшимся к нему, приведенный эпизод, как мне кажется, не лишен серьезного значения. Меня он совершенно не знал – это была наша первая и последняя личная встреча с ним. Дело, по поводу которого я беседовал с ним, было такое, что он имел полную возможность отнестись к нему чисто формально и уклониться от разговора по существу. Но живое чувство долга и ответственности, которое, несомненно, отличало его, взяло верх. Он учуял правду в том, что я ему говорил, постарался вникнуть в существо дела, принял его к сердцу и пошел мне навстречу не только словом, но и делом. Не его, как и не моя вина, что поставленная цель не была достигнута.

По университетским же делам я имел случай беседовать и с непосредственным преемником П. А. Столыпина на посту председателя Совета министров, гр[афом] В. Н. Коковцовым. Из всех премьер-министров, с которыми мне приходилось сталкиваться, граф отличался наибольшей доступностью и предупредительной любезностью. К тому времени, когда он был назначен председателем Совета министров, я уже успел оставить пост ректора университета. Это развязывало мне руки. Все же, зная крайнюю щепетильность и осторожность графа, я избегал без крайней необходимости обращаться к нему по делам чужого для него ведомства.

Дела в Петроградском университете тем временем принимали все более печальный оборот. Разнузданность и произвол министра Кассо, доставшегося гр[афу] Коковцову по наследству после П.А. Столыпина, росли не по дням, а по часам. Верным помощником министра во всем, что он делал для разложения Петроградского университета, служил его товарищ, барон М.А. Таубе, сам бывший профессор

Петроградского университета, избранный на эту должность тем же юридическим факультетом, которому он впоследствии тщательно помогал наносить удар за ударом. По внешности он представлял прямую противоположность Л. А. Кассо. Сам министр был весьма внушительного роста, барон Таубе – ниже среднего. Это поддало неунывающим россиянам повод говорить: «Министр у нас Кассос, а товарищ его – Малокассос». Умственно он был много ниже его. В нравственном отношении он являлся достойным партнером своего шефа.

Случай, который заставил меня обратиться к гр[афу] Коковцову, был во всех отношениях из ряда вон выходящим. Нельзя было бы, при всем желании, найти более яркого подтверждения того, что не интерес дела, как ни ложно понимать их, а исключительно злобное желание покуражиться над университетом и над профессурой, соединенные с сознанием полной безнаказанности, что бы он ни вздумал натворить, руководили циником, поставленным во главе русского просвещения.

Вопрос шел о замещении двух кафедр на юридическом факультете Петроградского университета – кафедры энциклопедии и истории философии права и кафедры торгового права. Первую из названных кафедр занимал профессор] Л. И. Петражицкий. После избрания его членом

Первой Государственной думы он выбыл из состава штатных профессоров и сохранил лишь звание сверхштатного ординарного профессора без содержания. Кафедра с тех пор формально считалась вакантной. Неоднократные попытки университета вернуть его после роспуска Первой думы в штат не увенчались успехом: препятствием в глазах министерства служило то, что он в числе других кадетов – членов Думы, подписал Выборгское воззвание²⁴⁶ и

²⁴⁶ Выборгское воззвание – воззвание, принятое 10 июля 1906 г. депутатами распущенной I Государственной думы в г. Выборге. В нем говорилось: «Граждане всей России! Указом 8-го июля Государственная дума распущена. Когда вы избирали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составляли законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землю трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым, а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через семь месяцев. Целых семь месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнением и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых семь месяцев правительство будет действовать по своему

подвергся за это судебной каре. Вторая кафедра освободилась за смертью профессора П. П. Цитовича. С тех пор лекции по торговому праву читал по поручению факультета приват-доцент А. И. Каминка.

Министр Кассо решил заместить обе кафедры в порядке назначения и предложил кафедру энциклопедии и истории философии права профессору Юрьевского университета Ф. В. Тарановскому, а кафедру торгового права – профессору Харьковского университета В. М. Гордону. Оба ученых

произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодливую Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы.

Граждане! Стойте крепко за погранные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого; правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свои права все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая воля устоять не может. Граждане! В этой вынужденной, но неизбежной борьбе ваши выборные люди будут с вами» (См.: Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 6–7).

ответили министру в том смысле, что они сочли бы возможным занять предложенные им кафедры в том только случае, если бы Петроградский университет почтил их своим избранием. Тогда министр прервал дальнейшие переговоры с ними.

Узнав об этом, юридический факультет Петроградского университета, естественно, до крайности встревожился. В состав его к тому времени входили уже четыре назначенных министром Кассо профессора: Н.Н. Розин, А. А. Пиленко, В.Ф. фон Зелер и В.М. Удинцов.

Особенно одиозный характер носило назначение последних двух лиц: В. М. Удинцов занял место устраненного министром из состава петроградской профессуры М.Я. Пергамента, В. Ф. ф[он] Зелер заменил устраненного тем же министром И. А. Покровского. Уже самый факт, что эти лица согласились занять кафедры устраненных из университета профессоров, бросал густую тень на них. Поведение их в факультете только усилило отрицательное к ним отношение: на каждом шагу сказывалось, что на первом месте для них стоит не интерес науки и учебного дела, не охрана достоинства университета, а личная воля министра, клеветами которого они являлись.

Было ясно, что министр собирался вновь усилить кадры своих ставленников, послушных исполнителей его велений, и вместе с тем ущемить профессора Петражицкого, низведя его на вторые, так сказать, роли, а приват-доцента Каминку и вовсе лишить возможности читать общий курс по торговому праву. Полный достоинства ответ, данный ему профессорами Тарановским и Гордоном, не менял дела. Не могло быть никакого сомнения, что министр не откажется от своего плана, что он просто начнет искать новых

кандидатов, менее щепетильных в вопросах академической этики, более способных оценить, откуда ветер дует и чего от них требуется. Колебаний не могло быть: факультет должен был сделать все, что было в его силах, чтобы противодействовать новому наскоку на университет. Он должен был взять дело в свои руки и, не дожидаясь назначения новых профессоров, сделать новую попытку заместить формально вакантные кафедры в порядке избрания. Естественно, что единственными первоочередными кандидатами факультета, несмотря на отсутствие малейших шансов на утверждение их, могли быть только фактические заместители обеих кафедр: профессор Петражицкий и приват-доцент Каминка. Факультет высоко ценил громкое имя первого и большой опыт и знания второго. Оба были достойнейшими представителями науки, незаменимыми товарищами, прекрасными преподавателями. Обойти их при выборах было совершенно невозможно и по чисто моральным причинам: это значило бы утратить собственное лицо, отказаться от всех академических традиций, дать министру лишнее оружие в руки.

Однако как Л. И. Петражицкий, так и А. И. Каминка, во внимание к создавшемуся положению, решительно отказались от выставления своих кандидатур. С редким благородством они заявили, что снимают свои кандидатуры, дабы не создавать этим лишних затруднений и не сыграть в руку министру. Они же указали в качестве наиболее желательных заместителей своих на профессоров Тарановского и Гордона.

После этого, естественно, выдвинулась кандидатура названных ученых. Оба пользовались заслуженной известностью как ученые, оба проявили чувства товарище-

ской солидарности, оба доказали, что вопросы академической этики не являются для них пустым звуком. В результате оба единственно были избраны факультетом и Советом университета и представлены на утверждение министра.

Казалось бы, что отказ в утверждении их не мог иметь места. Сам министр предшествующим обращением к ним признал их достойными занять кафедры в Петроградском университете. Все пути отступления были окончательно отрезаны у Кассо. Нельзя же было самый факт избрания, совершенный на точном основании закона, считать каким-то криминалом. Тем не менее сразу же после избрания профессоров Тарановского и Гордона поползли слухи, что они не будут утверждены, в наказание за то, что они не пожелали попасть в университет по назначению.

Тогда я решил обратиться к гр[афу] Коковцову, чтобы заблаговременно информировать его об истинном положении дела. Я составил меморандум, в котором подробно изложил всю историю вопроса, и попросил графа, при встрече с ним в Государственном совете, не отказать выслушать меня. Он сейчас же назначил мне день, когда он может принять меня у себя. Явившись к нему, я вручил ему заранее заготовленный меморандум и подробно обрисовал ему все перипетии дела, положение его в данный момент и основания, по которым, несмотря на все, возможность неутверждения избранных кандидатов не представляется мне исключенной.

Граф очень внимательно выслушал меня, поблагодарил за подробную и своевременную информацию и заявил, что он обратит особое внимание на дальнейшее движение дела.

Однако и гр[афу] Коковцову не удалось обуздать Кассо. Кончилось тем, что профессора Тарановский и Гордон не

были утверждены, а вместо них были назначены г.г. Грибовский и Никонов, которые полностью оправдали доверие своего начальства. В этом никто, знавший их, никогда и не мог сомневаться.

Что касается остальных председателей Совета министров, быстро уступавших друг другу место, то ни с кем из них мне лично не пришлось иметь дело.

Часть вторая

Эволюция психологии Государственного совета

XIV. Общие предпосылки

Самым любопытным и поучительным процессом, который мне пришлось наблюдать в жизни преобразованного Государственного совета, я считаю постепенную внутреннюю метаморфозу этого учреждения, постепенное изменение психологии его. Вскользь об этом мне неоднократно приходилось уже упоминать. В настоящем очерке я попытаюсь представить более связную картину этого процесса, отметить общие предпосылки, главные этапы развития и общий внутренний смысл его. Да простит мне читатель, если при этом нельзя будет обойтись без некоторых повторений сказанного раньше.

Упомянутый процесс отнюдь не был чем-то случайным, мимолетным, лишенным сколько-нибудь серьезного интереса и значения. Для историка и социолога внутренние перемены в общественной среде играли не меньшую роль, чем внешние результаты, к которым они привели. Трагическое сцепление обстоятельств, доведших Россию до нынешнего ее состояния анабиоза, оборвало этот процесс, оно пресекло выявление осязаемых для постороннего глаза плодов его. Мало того, оно помешало ему дозреть до логического конца его. Но общая значимость процесса этим не умаляется.

По существу своему настоящий процесс являлся частным отражением более общего процесса, охватившего и втянувшего в свою орбиту как власть, так и всю русскую общественность, которой так или иначе успел коснуться новый представительный строй.

Всякий государственный строй характеризуется известными специфическими отношениями, устанавливающимися между властью и обществом и между отдельными органами власти – законодательными, исполнительными и судебными. Эти отношения воплощаются в определенных координированных системах действий. Благодаря повторности таких действий представление о них соединяется в нашем субъективном сознании с определенными оценочными о них суждениями. Последние в свою очередь ассоциируются с определенными эмоциями и волевыми импульсами: то, что стало для нас привычным, с чем мы успели связать наше поведение, наши интересы, зачастую и нашу политическую идеологию, начинает восприниматься нами не только как простой факт, но и как нечто должное. Этим, в практическом результате, создаются субъективные стимулы к совершению одних и к воздержанию от других действий. Словом, происходит то, что современная социология и теория права характеризуют как нормативную силу факта.

Новый строй ввел целый ряд коренных изменений в существовавшие до этого отношения между обществом и властью и видоизменил вместе с тем структуру и взаимоотношения между отдельными органами власти. Это не могло не отразиться на внутренней стороне соответствующих отношений, на индивидуальной и массовой

психологии затронутых преобразованием государственного строя кругов как властвующих, так и подвластных.

Этот процесс, естественно, захватил и Государственный совет. Изменился личный состав его благодаря привлечению выборного элемента. Изменился и политический вес его благодаря превращению его из чисто законосовещательного органа в один из трех органов законодательной власти. Вместе с тем изменились взаимоотношения между ним и высшими органами исполнительной власти – монархом и Советом министров.

В связи с этим начинает зарождаться новая психология, которую, в противоположность старой бюрократической психологии, можно охарактеризовать как психологию гражданственности. Последняя постепенно, по мере укрепления ее, все чаще начинает прорываться наружу и определять поведение Государственного совета в целом.

В чем заключалась суть этой новой психологии?

Было бы совершенно ошибочно сводить противоположение между нею и прежней психологией Государственного совета к противоположению прогрессивного и реакционного направления, прогрессивных и реакционных политических идеалов. Последнее противоположение не было чуждо Государственному совету и в период неограниченного самодержавия. И в то время в составе Совета встречались, наряду с чисто реакционными элементами, также элементы прогрессивные, точные, умеренно либеральные, которые временами играли довольно видную роль. Однако и либеральные сановники, заседавшие в Государственном совете, оставались бюрократами с чисто бюрократической психологией. Никакой другой психологии и не могло создаться при строго бюрократическом составе и чисто

законосовещательном характере дореформенного Государственного совета. Самая борьба, которую либеральные элементы в составе Совета того времени вели с реакционными элементами его, была не настоящей политической борьбой, а походила скорее на бурю в стакане воды. Ведь решающее значение имело не то или иное политическое течение как таковое, а переменчивая и неучтима, лишь наугад уловляемая воля самодержца.

Нельзя не вспомнить по этому поводу столь характерной для того времени своеобразной практики Государственной канцелярии, которой она держалась при составлении промеморий²⁴⁷, содержащих изложение мнений большинства и меньшинства Государственного совета по вопросам, вызвавшим в Совете разногласие. Эти промемории представлялись на благоусмотрение государя. Техника составления означенных промеморий сводилась к тому, чтобы число доводов pro и contra по данному вопросу, независимо от того, были ли они высказаны большинством или меньшинством, было примерно одинаковое; при этом следили за тем, чтобы те и другие доводы были бы изложены в такой форме, чтобы они с внешней стороны производили равносильное впечатление и в этом смысле не связывали бы государя. Нечего говорить, что составление подобных промеморий требовало особого искусства и особых искусников, которые на этом делали карьеру. Упомянутые хитроумные приемы бюрократической стилизации являлись

²⁴⁷ Промемория – памятная записка о чем-либо.

венцом всей той бюрократической батрахомюомахии²⁴⁸, всей той войны бюрократических лягушек с бюрократическими мышами, которой исчерпывался, по существу, весь круговорот жизни дореформенного Государственного совета.

Вываться из этого заколдованного круга можно было, строго говоря, только одним путем – в порядке подачи в отставку из членов Государственного совета. Бывали ли вообще такие случаи, мне неизвестно. Не надо забывать, что назначение в Государственный совет случалось венцом бюрократической карьеры. Эта карьера сама по себе накладывала неизгладимый отпечаток на психологию. А условия работы в самом Совете довершали дела и укрепляли создавшуюся психологию – психологию покорности и политической безнравственности. Менее, чем где бы то ни было, можно было думать о настоящей политической борьбе и о сохранении чувства собственной политической ответственности в недрах Государственного совета. Ему ведь не было даже предоставлено право законодательной инициативы. Робкая попытка добиться этого права, предпринятая по случаю празднования в 1901 г. столетия со времени учреждения Совета, была пресечена в корне. Мало того: не все даже законодательные предположения проводили через Государственный совет. Многие законы

²⁴⁸ Батрахомюомахия (батрахомиомахия) (древнегреч. βάτραχος, лягушка, μῦς, мышь, μάχη, борьба) – «Война мышей и лягушек», заглавие шуточной поэмы неизвестного автора эллинистического времени. В переносном смысле «батрахомиомахия», или «война мышей и лягушек», означает столкновение по ничтожному поводу (обычно столь же ничтожных соперников).

проводились через Комитет министров и разные *ad hoc*²⁴⁹ образуемые совещания. Все это не могло не оказывать влияния на психологию членов Совета. Никто, в сущности, так ясно, как они сами, не сознавал, что их дело маленькое, что политический центр тяжести заключался не в этом законосовещательном органе, а явился фактической прерогативой центральных органов исполнительной власти – министров, и более или менее случайных временщиков, которые официально могли даже стоять в тени. В сознании если не всех, то подавляющего большинства членов Государственного совета только эти последние являлись ответственными за все то, что предлагалось и делалось, хотя бы и при участии Государственного совета. Формально же все вообще зависело исключительно от верховной самодержавной власти.

Психология правящих верхов и отношение их к Государственному совету вполне соответствовали действительной, а не показной роли его в составе государственного механизма. Дореформенный Государственный совет фактически до самого конца оставался в глазах этих верхов *quantité négligeable*²⁵⁰: никакого собственного политического лица и веса за ним не признавали. Он являлся простым служебным орудием в руках этих верхов, к которому обращались только тогда, когда считали это нужным. Яркой иллюстрацией

²⁴⁹ *Ad hoc* – латинская фраза, означающая «к этому, для данного случая, для этой цели». Как правило, используется для обозначения решения, предназначенного для конкретной проблемы.

²⁵⁰ *Quantité négligeable* (франц.) – безделица, мелочь, пустяк.

такого отношения служил тот факт, что в т[ак] наз[ываемое] переходное время (от 17 октября 1905 г. до момента созыва Первой Государственной думы 27 апреля 1906 г.) Государственный совет был устранен от всякого участия в выработке новых органических законов, начиная с новых Основных законов и кончая новым Учреждением самого Государственного совета. Умиравший строй оставался верным себе до последнего дня.

Свою чисто служебную роль подсобного органа правительства, простого спутника настоящего политического солнца, Государственный совет в идее должен был сохранить и при представительном строе. Провиденциальное назначение Совета в новых условиях жизни русской государственности усматривалось в том, чтобы парализовать всякое проявление нежелательных конституционных претензий со стороны Государственной думы. Для этого нужно было построить его так, чтобы в состав Совета за правительством всегда было обеспечено вполне надежное большинство.

Главной опорой должна была служить назначенная половина Совета. Чтобы держать ее в руках, было признано необходимым, а вместе с тем вполне достаточным закрепить полную зависимость этого элемента от правительства путем установления возможности ежегодной чистки состава его. Нарочито двусмысленная редакция пресловутой ст. II Учреждения] Государственного] сов[ета] открывала в этом отношении самые широкие перспективы²⁵¹.

²⁵¹ В ст. 2 «Учреждения Государственного совета» говорилось: «Государственный совет образуется из членов по высочайшему

Что касается нового выборного элемента в составе Государственного совета, то к нему а priori²⁵² относились с известной опаской и недоверием. Самой надежной гарантией против экивоков с этой стороны было признано предоставление первенствующей по численности роли крупному землевладению. Оно по преобладающему в нем духу и по традициям считалось твердым оплотом консервативных начал. Этому элементу, разбитому на три курии (дворянскую, земскую и землевладельческую), из общего числа 98 выборных членов Совета было представлено не более, не менее, как 74 места. На втором плане стояла крупная торговля и промышленность, которая имела 12 представителей: на них смотрели как на элемент, поддержкой которого можно было бы всегда заручиться взамен удовлетворения их классовых интересов. Остальные две курии, духовная и ученая, имевшие по 6 представителей, уже по малочисленности своей в счет не шли. К тому же духовная курия, благодаря зависимому положению православного духовенства и своеобразному порядку пополнения ее, представлялась вполне надежной. В результате такой конструкции Государственного совета значительное консервативное большинство в пользу правительства казалось раз навсегда обеспеченным.

Первые же шаги Государственного совета в новом его составе и в новой для него роли верхней законодательной

назначению и членов по выбору» (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27808. СПб., 1909. С. 466).

²⁵² А priori (лат.) – знание, предшествующее опыту и независимое от него.

палаты показали, что дело обстоит не так просто, как это а priori казалось правящим верхам. Незаметно для постороннего глаза, но весьма заметно как для верхов, так и для самих членов Совета, в нем завяло новым духом, зачатками какой-то новой, дотоле неслыханной и невиданной психологии. Как-никак, Государственный совет волею судеб стал политическим фактором, чем он никогда до этого не был. Участие в нем нового общественного элемента, не связанного с бюрократическим прошлым Совета, невольно стало сказываться. Этот элемент принес с собой новую, чисто политическую струю, которая захватила и членов по назначению. Первым внешним проявлением новых веяний явилось абсолютно чуждое дореформенному Государственному совету разделение его на группы, образуемые по политическому признаку: появились группа правых, группа центра, группа левых²⁵³, с участием в

²⁵³ Группа левых, или левая (академическая, прогрессивная), группа возникла в апреле-мае 1906 г. Первоначально была фракцией Партии народной свободы и имела своей задачей поддержку I Государственной думы. После вступления в нее членов более умеренных партий (мирного обновления, демократических реформ, прогрессивной) и беспартийных заняла более умеренную позицию. Группа состояла только из выборных членов, в основном от науки, земств, и, отчасти, от торговли и промышленности. Ее численность колебалась от одного до двух десятков членов. Председателями группы были члены от науки Д.И. Багaley (1906) и Д.Д. Grimm (1907–1917). Левая группа выступала за расширение прав законодательных палат, равноправие национальностей и сословий, расширение веротерпимости и прав местного самоуправления, его распространение на окраины, развитие

первых двух группах и членов Совета по назначению. Сразу обнаружилось, что состав Совета политически неоднородный. Мало того, самой многочисленной группой оказалась не группа правых, а группа центра, которая вместе с немногочисленной, но сплоченной группой левых составляла бесспорное большинство. Иначе говоря, оказалось, что не только в Государственной думе, но и в Государственном совете конституционные течения преобладают; что к ним примыкают не только все представительство от окраин, все поляки и немцы, вся торгово-промышленная курия, но и весьма значительная часть представителей от землевладения.

Симптоматическое значение имели также первые осторожные, немедленно придушенные попытки потенциального, если можно так выразиться, большинства Государственного совета занять независимое положение в вопросе о выработке Наказа Государственного совета и в вопросе о реформе Сената, о плачевном исходе которых мне приходилось уже говорить (гл. III).

Было над чем задуматься правительственным верхам. От них, как очевидцев, не могло укрыться, что нарождается какая-то новая психология, источник которой надо было

народного образования, сохранение автономии Финляндии, усиление государственного регулирования экономики, расширение компетенции суда присяжных, либерализацию гражданского и уголовного права. Члены группы, с более правыми, чем у кадетов, взглядами, выступали за сохранение привилегий православной церкви. В 1915 г. группа вошла в Прогрессивный блок.

искать в новых общественных элементах, вступивших в Государственный совет. Для них, так или иначе, независимо от их политической ориентации, первенствующей роли при разрешении восходящих на рассмотрение Совета вопросов не играл и не мог играть момент пассивного послушания и подчинения чужой высшей воле и автоматический учет видов правительства. На первое место, как раньше уже было сказано, выдвигался совсем иной момент: момент самостоятельного и в этом смысле одновременно и свободного и ответственного учета политических сил, момент активной борьбы за определенные материальные и нематериальные интересы, с одной стороны, и за связанные с тем или иным пониманием этих интересов политические идеалы, с другой стороны. В этом, а не в той или иной специфической политической ориентации заключалась основная особенность новой психологии, психологии гражданственности и политической свободы, шедшей на смену старой психологии политического рабства. Эта новая психология являлась неизбежным спутником нового строя, несмотря на все его внутренние недостатки весьма отличного от прежнего.

И вот эта новая психология грозила захватить и членов Совета по назначению, этот *rocher de bronze*²⁵⁴ всей внутренней правительственной политики: бронзовый устой грозил превратиться в глиняный. Даже на правое крыло нельзя было полагаться без всякой оглядки. И оно, в особенности в лице общественных элементов, примкнувших к нему, являлось не всегда надежной опорой. О настроениях

²⁵⁴ *Rocher de bronze* (франц.) – Бронзовый устой.

определившегося настоящего большинства Совета нечего было и говорить: над ним явно реяли конституционные мечтания.

Сказанным определилась ближайшая политика правительственных верхов по отношению к Государственному совету. Надо было, во что бы то ни стало, забрать его в руки и в первую голову дать членам Совета по назначению реально почувствовать их зависимое от власти положение. Забота об укрощении строптивых была возложена [на] М. Г. Акимова. О том, как блестяще он справлялся с ней, мне уже приходилось говорить (гл. VII).

Твердый, непреклонный нажим на членов Совета по назначению, т. е. на целую половину всего состава Совета, применение к ним неприкрытого режима застраживания и морального гнета на первых порах дали ожидаемые результаты. Открытые попытки в направлении стремлений «сметь свое суждение иметь» исчезли. Глухой ропот против такой политики со стороны непосредственно затронутых ею сановных элементов Совета не укрывался от глаз внимательного наблюдателя, но практически в счет не шел. Принцип законопослушности Совета в угодном для правительства смысле торжествовал по всей линии.

Общая внутренняя и внешняя обстановка того времени сыграла в этом отношении очень большую роль, о чем мне вскользь тоже приходилось уже упоминать.

С одной стороны, огромное большинство выборных членов Государственного совета при вступлении своем в Совет имели весьма неясное представление о своей роли в законодательном собрании и инстинктивно ощущали живую потребность в известном авторитетном руководительстве. Такими руководителями в группе правых и группе центра,

естественно, являлись члены Совета по назначению, старые сановные бюрократы с крупным служебным стажем и связанным с ним сознанием своего делового превосходства, своего непревзойдимого знания всех ходов и выходов.

К этому надо прибавить, что очень многие из выборных членов, вступивших в группы правых и центра, не блистали твердо выдержанной линией политического поведения и плохо разбирались в тонкостях конституционных споров. У правых взамен этого преобладало инстинктивное чувство ненависти к новому строю, как детищу революционного брожения 1905 г., у умеренных господствовал беспринципный оппортунизм, у тех и других было страстное желание найти опору в правительстве в деле охраны их специфических помещичьих и промышленных интересов, риторически отождествляемых с интересами общегосударственными. Бывали, конечно, и исключения – высоко принципиальные, идеалистически настроенные натуры, как, напр[имер], барон П.Л. Корф или Донецкий, – но это именно были только исключения, подтверждавшие общее правило.

Особняком стояла наша левая группа, которая вела строго принципиальную, определенно конституционную линию. Но она была настолько малочисленна, и принципиальная позиция ее, особенно первое время, казалась в глазах большинства настолько ирреальной, а в известном смысле и революционной, что с нею и с ее психологией вообще не находили нужным считаться.

Таким образом, внутренне почва для временного торжества бюрократической психологии и поведения, диктуемого ею, была вполне благоприятная. От членов Совета по назначению, после внушительного призыва их к порядку, серьезных колебаний в этом отношении по

человечеству вообще нельзя было ожидать: у старых бюрократов сознание личной опасности, связанной с попытками прать против рожна²⁵⁵, не могло не парализовать все инородные стимулы, порожденные созданной новым строем новой обстановкой. С отпадением их вновь расцвела старая, привычная психология их. Со стороны большинства членов по выборам эта психология не встретила серьезного отпора: они готовы были плыть по течению, указываемому членами по назначению, – одни по неведению, другие по инерции, третьи по прямому расчету.

Помимо этих внутренних, были, однако, и внешние причины, содействовавшие на первых порах упрочению такой психологии.

Сложное и тревожное внутреннее положение страны, медленно оправлявшейся от последствий несчастной [русско]-японской войны и революционных потрясений, объективно требовало сильной и умелой властвующей руки. Этого не сознавало большинство ни Первой, ни тем более Второй Государственной думы. Обе в практическом результате шли по пути не укрепления, а расшатывания власти. Этому немало содействовала умышленная недоговоренность Основных законов 1906 г. по вопросу об истинном характере нового строя. Эта недоговоренность вызывала естественное раздражение и беспокойство среди сторонников подлинного конституционного строя. Она порождала бесконечные теоретические споры о существовании новой власти, о содержании и пределах прав отдельных конституционных факторов и т. д... Означенные споры, в

²⁵⁵ Так в документе. Вероятно: «переть против рожна».

свою очередь, отвлекали внимание прогрессивных общественных элементов, по существу, государственно и национально настроенных и мыслящих, от реальных задач и реальных потребностей данного политического момента: вместо заботы об укреплении нового строя, вместо предъявления насущных, достижимых социальных и политических требований стали выдвигаться объективно недостижимые и неприемлемые для власти максималистские требования. Этим одновременно лили воду на мельницы крайних правых и крайних левых, революционно настроенных общественных элементов. Отсутствие политического воспитания в русском обществе, отсутствие чувства реальной действительности, какой-то политический романтизм, не желавший считаться с необходимостью тактических уступок, тактических компромиссов в великом и ответственном деле нового государственного строительства, давали себя знать на каждом шагу.

Все это не могло не отозваться самым неблагоприятным образом на общем настроении Государственного совета и, в частности, на настроении численно преобладавших в нем общественных элементов. Эти элементы, как раньше было упомянуто, в одной части плохо разбирались в тонкостях конституционных споров, в другой части были прямо враждебно настроены против нового порядка вещей. Вместе с тем это были элементы, особенно сильно пострадавшие от революционного шквала: на первом месте – представители крупного частного землевладения, каковых было немало не только среди выборных, но и среди назначенных членов Совета; на втором месте – представители торгово-промышленных кругов. Эти элементы всеми фибрами души жаждали сильной и твердой власти и готовы были

всячески поддерживать ее в борьбе ее против первых двух «революционных» Государственных дум²⁵⁶. Правительство,

²⁵⁶ Имеется в виду Государственная дума I–II созывов. Из 448 депутатов Думы I созыва октябристов было 13, кадетов – 153, автономистов (поляки, украинцы, мусульмане, латыши, литовцы и др.) – 63, трудовиков – 107, беспартийных – 105 и прочих – 7. Первое заседание Государственной думы состоялось 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце Петербурга. Председателем был избран кадет С. А. Муромцев. Первая Дума проработала 72 дня. В думском адресе на имя царя содержались такие требования, как отмена смертной казни, репрессивных законов («исключительных положений») и законодательных прав Государственного совета, всеобщая политическая амнистия, всеобщее избирательное право, ответственное перед Думой правительство, чистка чиновничества, принудительное изъятие частновладельческих, удельных, церковных и монастырских земель для наделения крестьян. Правительство отвергло все требования Думы и практически применило тактику бойкота, избегая вносить в Думу важные законопроекты. Наиболее значимым Думой был признан аграрный вопрос. Кадеты и трудовики предложили создать земельный фонд из казенных, удельных, монастырских, церковных, частновладельческих земель для наделения землей нуждающегося населения. Кадеты (проект 42-х) были за выкуп за счет государства с учетом доходности земель и за сохранение за владельцами крупных имений в случае признания их общепольного значения. Трудовики (проект 104-х) не исключали безвозмездную национализацию. 20 июня правительство откликнулось сообщением о недопустимости отчуждения частновладельческой земли. Дума решила ответить обращением к народу по аграрному вопросу. Правительство опередило. 8 июля был подписан указ о роспуске Думы. В знак протеста около 200 депутатов подписали т. н. Выборгское воззвание с призывом к населению не платить

возглавляемое яркой фигурой П.А. Столыпина, являлось для них, как несколько позднее и для их политических друзей в Третьей Государственной думе, воплощением этих чаяний.

В общей сложности можно сказать, что страх перед революцией у одних в сочетании со страхом за свое положение у других создал тот психический базис, который определил общее направление деятельности преобразованного Государственного совета в первый период его жизни. Способствующими моментами являлись чисто временное преклонение новых выборных элементов перед авторитетом элементов назначенных и беспринципный оппортунизм, присущий одинаково тем и другим.

налоги и бойкотировать призыв в армию. Государственная дума II созыва работала с 20 февраля по 2 июня 1907 г. По своему составу она оказалась левее первой. Из 518 депутатов правых и октябристов было 54, кадетов – 98, автономистов – 76, народников – 157, социал-демократов – 65, беспартийных – 50. Председателем был избран кадет Ф. А. Головин. В аграрном вопросе думские фракции остались в основном на прежних позициях. В правительстве созрел план по роспуску Думы с одновременным изменением избирательного закона для обеспечения преобладания в Думе умеренных и консервативных элементов. 1 июня 1907 г. председатель Совета министров Столыпин потребовал отстранения от участия в заседаниях Думы 55 депутатов и лишения 16 из них депутатской неприкосновенности по обвинению в подготовке военного заговора. Дума была распущена указом Николая II от 3 июня 1907 г. накануне заслушивания доклада думской комиссии по расследованию обвинений правительства.

Непрочность базиса, построенного в первую голову на чувстве страха, питаемого притом из различных источников, не могла сказаться сразу. Для этого требовалось время. Пока что положение правительства в Государственном совете являлось блестящим. Государственный совет шел у него на поводу как хорошо выезженная лошадь.

XV. Иллюстрации законопослушности Государственного совета. Законопроекты о порядке издания законов общегосудар- ственного значения для Финлян- дии. Закон о включении церков- но-приходских школ в сеть земских школ

Тяжелая атмосфера, воцарившаяся в Государственном совете, начала сказываться на каждом шагу. Выше (гл. III) я привел целый ряд примеров, свидетельствовавших о приниженном его положении, с которым он покорно мирился. Совет не решался отстаивать прав, предоставленных ему законом, даже в области дел, касавшихся внутреннего распорядка и защиты прав собственных его сочленов. Напомню о предупредительном, согласно с видами правительства, разрешении вопросов о временном устранении членов Государственного совета Кудрявого и Марина, о признании выбывшим члена Совета Мануйлова, о судьбе, постигшей неугодные правительству статьи Наказа Совета. Ту же политику беспредельного угодничества Государственный совет усвоил себе в вопросе использования

предоставленного ему права законодательной инициативы. Напомню о бесславном провале инициативного законодательного предположения о проведении в жизнь возвещенной еще в 1904 г. с высоты престола реформы Сената.

Дополню этот каталог еще двумя в высокой степени характерными примерами.

Первый относится к 1910 г. и касается злополучного закона о новом порядке издания законов общегосударственного значения для Великого княжества Финляндского²⁵⁷. Новый закон самым чувствительным образом ограничивал компетенцию финляндского сейма и, по существу, представлял собою неприкрытое посягательство на действовавшую в Великом княжестве общую форму правления и на целый ряд отдельных законов, признанных основными законами Финляндии, так как он мог быть проведен без согласия финляндского сейма. Впредь законы «общегосударственного значения» должны были проходить через общегосударственные законодательные учреждения, т. е. через Государственную думу и Государственный совет.

²⁵⁷ По закону 17 (30) июня 1910 г. «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» из ведения финляндского сейма изымались вопросы о налогах, охране государственного порядка, воинской повинности, денежной системе, таможенных тарифах, государственном языке, печати, собраниях, образовании и пр. Сейм по всем важнейшим вопросам общеимперского и внутреннего законодательства мог участвовать только в качестве совещательного органа. Автономия Великого княжества Финляндского была фактически ликвидирована.

Длинный и притом все же не исчерпывающий перечень их был включен в текст нового закона. Состав Государственного совета пополнялся двумя новыми выборными членами, которые должны были избираться финляндским сеймом. Последний в отношении новой категории законов общегосударственного значения сохранил только право вносить свои заключения по содержанию их: эти заключения должны были препровождаться в Государственную думу и Государственный совет в качестве материалов по делу наравне с объяснительными записками заинтересованных ведомств.

В Финляндии новый закон, естественно, вызвал бурю негодования. В Государственной думе он прошел голосами правых и октябристов. Последние дали перевес в пользу принятия его, хотя среди них, несомненно, было немало лиц, внутренне не сочувствовавших закону и понимавших опасность подобной игры с огнем. Вся оппозиция в Думе голосовала против закона и после перехода к постатейному чтению его демонстративно уклонилась от всякого обсуждения его по существу и от внесения каких-либо поправок к нему.

Тактически такой маневр при тогдашней политической конъюнктуре едва ли представлялся правильным. Внесение поправок даже в случае принятия тех или иных из них не исключало возможности голосовать по чисто принципиальным соображениям против принятия закона в целом. С другой стороны, отказ от внесения поправок лишал оппозицию возможности углубленной критики закона и вместе с тем всяких шансов перетянуть часть колеблющихся элементов на свою сторону и разбить наметившееся большинство. В результате закон, за одним единственным

исключением, был принят Думой в редакции правительства и в этом виде поступил в Государственный совет.

Это исключение настолько характерно, оно проливает такой яркий свет на всю создавшуюся в то время политическую конъюнктуру и на психологию инициаторов, предложивших и проведших его, что на нем стоит остановиться. Именно по настоянию октябристов в закон была включена статья, согласно которой всякий дальнейший закон, подлежащий на основании данного преюдициального закона проведению в порядке общегосударственного законодательства, может быть внесен в законодательные учреждения не иначе, как по инициативе государя: этим создавалось феноменальное новое добровольное самоограничение скромного права законодательной инициативы, предоставленного законодательным учреждениям на основании Основных законов 1906 г. Таков был выход, который должен был убаюкать встревоженную совесть тех, кто внутренне не сочувствовал изданию нового закона, кто ясно понимал, что этим законом роется непроходимая пропасть между империей и Великим княжеством Финляндским, кто открытыми глазами видел, чего добиваются пестуны закона из лагеря националистов и правых.

Воистину жалкая психология: не решаясь отклонить явно антиконституционный и вредный закон, голосуя за него вопреки голосу разума и совести, инициаторы поправки подчеркивали своей поправкой, что они заранее слагают с себя ответственность и одиум за все дальнейшие мероприятия, которые могут воспоследовать на почве этого нового закона: эта ответственность и этот одиум формально всецело возлагались на монарха. Вот до чего доводила смута

в умах этих своеобразных приверженцев конституционной монархии, которой они таким своим образом действий, по существу, только помогали рыть яму.

В Государственном совете число лиц, не сочувствовавших закону, было довольно велико. Наиболее решительную позицию занимали в этом отношении по понятным причинам наша группа и польское коло. Но и среди членов центра и даже в рядах правых находились определенные противники закона. Однако давление сверху делало свое дело. В этом отношении чрезвычайно показательным явился инцидент, происшедший в заседании особой комиссии, образованной для рассмотрения законопроекта. В состав этой комиссии входили от нашей группы М. М. Ковалевский и я, от польского коло И. О. Корвин-Милевский и, если не ошибаюсь, И. А. Шебеко. Председателем комиссии был избран П. Н. Дурново, о котором говорили, что он сам внутренне противник закона или, по крайней мере, считает внесение его крайне несвоевременным. Но, конечно, он этих своих репульсивных²⁵⁸ эмоций по адресу закона, если только они в действительности у него были, ни в чем не проявлял. Как бы там ни было, председательствовал он, во всяком случае, очень корректно.

Защитники закона в комиссии держались, в общем, довольно пассивно. Они представляли противникам его кипятиться, сколько душе их было угодно, сами же довольно вяло защищали свое детище. Они полагались не только на силу доводов, которые приводились ими в пользу закона, сколько на те внешние моменты, которые в полной мере

²⁵⁸ Репульсивный – отвратительный, отталкивающий.

обеспечивали не только благополучное принятие закона в целом, но и принятие его в редакции Государственной думы. Они прекрасно были осведомлены о том, какие пружины были пущены в ход, и знали своих паттенгеймеров.

Насколько они были правы в этом отношении, явствует из следующего красноречивого факта. В первом моем выступлении в особой комиссии, избранной для предварительного рассмотрения этого законодательного предположения, я сгруппировал и осветил все данные, свидетельствовавшие о явном нарушении законом всех основ финляндской конституции, торжественно подтвержденных с высоты престола. После этого слово попросил А. А. Сабуров, слывший за человека либеральных взглядов и строгого законника. И вот что заявил этот член Совета по назначению: да, законом, несомненно, совершается *coup d'état* по отношению к Финляндии. Но раз государь император считает нужным издание его, то приходится покоряться высочайшей воле. Последние слова содержали намек на то, что данный закон, вносящий изменение в ст. 2-ю Осн[овных] зак[онов] империи, формально мог быть внесен, по силе ст. 107-й тех же законов, не иначе, как по инициативе государя, которому одному принадлежал почин в деле пересмотра Основных законов²⁵⁹.

²⁵⁹ В ст. 2 Основных законов Российской империи говорилось: «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». В ст. 107 говорилось: «Государственному совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном,

В этом заявлении все было одинаково характерно: сначала прямое признание антиконституционным закона, как дань собственной принципиальности; одновременно с этим отказ от единственного логического вывода из этой предпосылки – необходимости голосовать против него; вместо этого – заявление о неизбежности голосовать в пользу принятия законопроекта, как дань верноподданнических чувств, раз такова высочайшая воля; вместе с тем косвенное сложение с себя всякой ответственности за участие в принятии закона, каковая ответственность тем самым всецело возлагалась на государя. Трудно придумать более поучительную иллюстрацию бюрократической психологии угодливости, соединенной с мучительной потребностью идеологического оправдания перед собственной совестью и в глазах других поведения, идущего вразрез с собственными принципами.

Рассмотрение законопроекта в комиссии закончилось принятием его со стороны большинства без всяких изменений в редакции Государственной думы. Меньшинство в составе двух членов нашей группы и двух представителей польского кола приложило к постановлению комиссии особое мнение, которое было поручено написать мне. В нем

предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издания новых законов, за исключением Основных государственных законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно государю императору».

меньшинство предлагало отклонить законопроект en bloc²⁶⁰, без перехода к постатейному чтению его.

В общем собрании Государственного совета картина получилась та же, что и в комиссии. Обсуждение началось с краткого общего доклада, который был сделан докладчиком комиссии, В. Ф. Дейтрихом, бывшим помощником финляндского генерала-губернатора. Затем я развил особое мнение меньшинства комиссии. После этого начались прения по общим основаниям законопроекта. Противники закона, в числе которых оказался, между прочим, один из выборочных членов правой группы, гр[аф] Д. А. Олсуфьев, произнесли по этому поводу целый ряд блестящих и ярких речей. Защита законопроекта сторонниками его была столь же слабо и вяло обставлена в общем собрании, как и в комиссии.

К каким доводам сторонники законопроекта находили возможным прибегать, явствует из следующего. В одной из докладных записок, приложенных к законопроекту, фигурировало, между прочим, в качестве примера указание на то, что император Александр I не только не дал Финляндии конституции, но, как самодержец всероссийский, и не мог ее дать²⁶¹. Если по первому вопросу еще мог быть спор, то он, во всяком случае, являлся антиквированным после признания конституционного режима в

²⁶⁰ Не входя в подробности (франц.).

²⁶¹ В действительности после русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндия была присоединена к России, при этом Александр I сохранил в ней ее конституцию.

Финляндии со стороны императора Александра II. Второй же довод уже прямо не стоил той бумаги, на которой он был воспроизведен: не составляло никакого труда показать, что из того, что самодержец мог не дать конституции, никак не вытекало, что он не мог дать ее.

Другой излюбленный довод, на котором сторонники закона с большим усердием настаивали, особенно в кулуарах, был следующий. Настоящий законопроект отнюдь не должен был пугать уже по одному тому, что он имеет чисто декларативное значение: он касается лишь процедуры прохождения законов общегосударственного значения на будущее время; самим законом непосредственно не изменяется и не отменяется ни один конкретный финляндский закон из числа всех тех законов, которые включены в список общегосударственных законов. Всякое изменение по существу действующих в Финляндии законов потребует издания нового Особого закона; в этом отношении будет соблюдена величайшая осторожность, и, в частности, в ближайшее время никаких изменений в финляндском законодательстве не предполагается.

Такими жалкими софистическими рассуждениями старались усыпить совесть колеблющихся членов Государственного совета и убедить тех, кто либо совсем не умел, либо не желал разбираться в юридической стороне дела.

Как бы там ни было, переход к постатейному чтению законопроекта был принят весьма значительным большинством голосов. После этого многие члены, внутренне являвшиеся противниками законопроекта, но голосовавшие за этот переход, в частных разговорах оправдывались тем, что настоящее их голосование было

только жестом, дабы не дразнить гусей; настоящий бой еще впереди, он будет дан на почве постатейного чтения закона.

Кстати сказать, законопроект и технически страдал многими крупными недостатками. Я воспользовался этим и заготовил ряд поправок к отдельным статьям его. Некоторые из этих поправок поддерживались также частью видных членов центра, голосовавших за переход к постатейному чтению, как, напр[имер], С. С. Манухиным и бывшим обер-прокурором Св[ятого] правительствующего] синода, кн[язем] А.Д. Оболенским.

Отмечу одну поправку, имевшую особенно важное принципиальное и практическое значение. Вопрос, возбужденный ею, заключался в следующем: как быть в тех случаях, когда по предмету, отнесенному к числу вопросов, впредь подлежащих рассмотрению в общегосударственном порядке, нового закона в указанном порядке еще не издано, а, между тем, по местным условиям издание соответствующего законоположения представляется насущно необходимым или, во всяком случае, весьма своевременным. В предвидении подобного рода случаев поправка предлагала: впредь до издания в общегосударственном порядке закона по такому предмету сохранить за финляндским Сеймом право законодательства на прежних основаниях. В прениях, происходивших по этому поводу, я указывал, между прочим, на то, что предлагаемый мною порядок не представляет собою какого-то неслыханного новшества: в германской имперской конституции 1870 г. по вопросам, подлежавшим ведению общеимперского законодательства, впредь до издания общеимперского закона, подобное право было сохранено за отдельными немецкими союзными государствами. Для вящего

подтверждения необходимости подобной поправки вместе с тем была сделана ссылка на заявления сторонников законопроекта, сделанные с ведома и согласия правительства: что новый закон имеет только принципиальное значение; что никто не думает о внесении конкретных изменений в действующие финляндские законы в более или менее близком будущем. Откуда вытекало, что при таких условиях возможен нежелательный застой в важных для Финляндии вопросах, раз финляндский Сейм даже при отсутствии общегосударственного закона будет лишен возможности вносить соответствующие, требуемые жизнью изменения в текущее законодательство.

Поправка, попутно имела целью показать тем, кто питал еще какие-нибудь иллюзии на этот счет, какую реальную цену можно было придавать заявлениям протагонистов закона на тему о бережном отношении власти к изменению финляндских законов и об отсутствии намерений использовать новый порядок издания законов общегосударственного значения для возможно быстрой и полной ликвидации финляндской автономии.

Докладчик комиссии в своем кратком ответе ограничился простым указанием на то, что поправка неприемлема: закон необходимо принять возможно скорее без всяких изменений в редакции Думы, дабы не приходилось возвращать закон в Думу на предмет согласования сей редакции с новой редакцией Государственного совета. Смысл ответа был ясен, и поправка была отклонена, правда, несколько меньшим числом голосов, чем другие поправки, вносимые мною.

Прения по законопроекту все же затягивались. Надежды нашего президиума быстро покончить с постатейным

чтением закона в данном заседании рухнули. Пришлось опять назначить новое заседание. К этому заседанию я вновь заготовил целый ряд новых поправок к не рассмотренным еще статьям, которые я успел представить председателю только перед самым началом заседания. Поправки занимали полторы страницы листа большого, т. н. канцелярского формата. М. Г. Акимов пришел в ужас и негодование, и, заняв председательское кресло, развернул поданный ему лист с поправками и помахал им перед глазами несколько удивленных этим своеобразным маневром членов Совета, – очевидно, с целью обратить их внимание на мою неслыханную дерзость.

Все же ему пришлось покориться, распорядиться о напечатании и раздаче их членам, а меня допустить к обоснованию представленных мною поправок. Но зато докладчик, очевидно, решил не утруждать себя вообще оспариванием их. Он просто, по выслушании моего объяснения по каждой отдельной поправке, поднимался и просил об отклонении ее. После того, что это повторилось несколько раз, мне эта комедия надоела. Вместо того, чтобы поддерживать следующую по очереди поправку, я выступил с заявлением такого рода: «Я до сих пор знал, что у нас существуют забронированные от законодательных учреждений кредиты; теперь я убедился, что сверх того существуют такие забронированные от всяких поправок законопроекты»... Тут председатель оборвал меня, заявив, что я не имею никакого права говорить такие вещи. Я ответил, что сейчас кончу, и прибавил, что ввиду таких положений вещей я отказываюсь поддерживать остальные внесенные мною поправки. После этого никто уже не выступал, и законопроект через несколько минут был

принят внушительным большинством против наших голосов и голосов польского коло в редакции Думы.

Нет ни малейшего сомнения в том, что, не будь проявлено совершенно исключительное давление, законопроект либо вовсе не был бы принят, либо был бы принят лишь весьма слабым большинством. Это объясняется очень просто. Идеологически законопроект являлся типичным плодом самой безответственной националистической демагогии, захватившей, к крайнему прискорбию, и П.А. Столыпина. В уравновешенной и умудренной жизненным опытом атмосфере Государственного совета эта демагогия сама по себе не находила сколько-нибудь благодарной почвы. Убежденных представителей этого течения в составе его было сравнительно совсем немного, и собственными силами они ни в коем случае не оказались бы в состоянии протолкнуть закон. Они могли восторжествовать только благодаря из ряда вон выходящему давлению извне на зависимые от правительства элементы, которые в свою очередь тянут за собою чисто оппортунистические элементы. Косвенным подтверждением правильности этого суждения может послужить тот факт, что в открытом бою защитники закона тщательно избегали играть на националистических струнах. Они прекрасно понимали, что этим можно только испортить дело, которое психологически висело на волоске. Этим объясняется и вялость, проявленная ими в деле защиты закона: других сколько-нибудь убедительных аргументов у них просто не было.

Другой, не менее разительный случай проявления молчалинского послушания и уродливости, проявленных большинством Государственного совета, относится к 1912 г. Я имею в виду законопроект о включении церков-

но-приходских школ, подведомственных Святейшему] правительствующему] синоду, в сеть земских школ, находившихся в ведении Министерства народного просвещения²⁶². Согласно законопроекту в том виде, в каком он поступил из Государственной думы, для включения церковно-приходских школ в общую сеть земских школ и для отпуска на них соответствующих дополнительных кредитов были поставлены следующие два условия: известное расширение учебных программ этих школ и предоставление контроля над выполнением означенных программ, наряду с духовным ведомством, также и

²⁶² Начальные школы при церковных приходах находились в ведении Святейшего синода. С 1907 г. в Думе стал обсуждаться вопрос о введении всеобщего образования путем расширения сети начальных школ. В марте 1910 г. комиссия по народному образованию высказалась за передачу церковно-приходских школ, включенных в школьную сеть, в ведение Министерства народного просвещения. 9 февраля 1911 г. Дума приняла окончательно министерский законопроект об образовании, причем раздел о церковно-приходских школах был принят в редакции комиссии. Государственный совет из 128 статей законопроекта только 8 оставил без изменения. Из-за разногласий между Думой и Советом была создана согласительная комиссия, в которую вошли от Совета: А. В. Васильев, Н. А. Зверев, П. П. Извольский, П. М. фон Кауфман, А. С. Стишинский, граф Ф. А. Уваров, А. Н. Шварц; от Думы: В. К. фон Анреп, М.С. Воронков, Е.П. Ковалевский, Д.А. Леонов, Н.Н. Львов, о. А. М. Станиславский, Д. Н. Чихачев. Станиславский и 6 членов Государственного совета поддержали проект в редакции Совета. Госсовет согласился с мнением большинства комиссии. В итоге проект был отложен в сторону.

подлежащим органам Министерства народного просвещения.

Законопроект этот был внесен в Государственную думу еще в бытность министром народного просвещения А. Н. Шварца, впоследствии уступившего свое место Л. А. Кассо.

В Государственном совете в пользу принятия законопроекта имелось вполне обеспеченное большинство. Председателем комиссии, которая была образована для рассмотрения его, был избран бывший товарищ министра народного просвещения и бывший обер-прокурор Св[ятейшего] правительствующего] синода П.П. Извольский, докладчиком комиссии состоял бывший министр народного просвещения А. Н. Шварц.

Правые, которые к тому времени окончательно приобрели силу при дворе, повели в комиссии отчаянную атаку против закона. В комиссии их возглавлял другой бывший обер-прокурор Синода,

В. К. Саблер, впоследствии, во время мировой войны, принявший, с высочайшего соизволения, фамилию Десятовский. Правые желали сохранить за церковно-приходскими школами предусмотренные новым законом дополнительные кредиты и добивались вообще полного уравнения их в правах с земскими школами; вместе с тем они решительно восставали против всякого вмешательства в учебную часть и, в частности, против всякого контроля со стороны Министерства народного просвещения.

Комиссия, однако, большинством голосов отклонила эти домогательства и провела закон, с некоторыми второстепенными изменениями, в духе, приданном ему Государственной думой. Правые подали особое мнение, которое по существу представляло собою подробно разработанный

самостоятельный контрпроект. Последний был построен на совершенно иных началах, нежели первоначальный проект, внесенный в свое время в Думу министром А. Н. Шварцем и принятый с некоторыми поправками как Думою, так и большинством комиссии Государственного совета. Докладчиком этого своеобразного особого мнения в общем собрании Совета выступил В. К. Саблер.

В пользу принятия законопроекта в редакции большинства особой комиссии высказались на предварительных совещаниях отдельных советских групп как группа центра, так и группа беспартийных и наша группа. В принятии закона большинством Государственного совета при таких условиях не могло быть никаких сомнений.

И тем не менее это оказалось миражем. Вот что произошло. Перед самым началом заседания общего собрания, в котором должен был быть заслушан настоящий законопроект, ко мне как председателю нашей группы подошел один из членов президиума группы центра, Н. Э. Шмеман, с которым у меня установились очень добрые отношения. Взволнованным голосом он довел до моего сведения, что из Царского Села, т. е. от государя, передан запрет голосовать за предложение большинства комиссии и указание на необходимость принять закон в редакции меньшинства ее. Об этом неожиданном повороте дела он просил меня уведомить остальных членов нашей группы. Видимо, он чувствовал и исповедовал: *Roma locuta, causa finite est* (раз

Рим высказался, дело кончено)²⁶³. Остается только проявить послушание *perinde ac cadaver* (подобно мертвому телу)²⁶⁴. С этой точки зрения ему как бы хотелось товарищески предупредить нас о случившемся, дабы мы не попали в ложное положение и могли бы согласовать наше поведение с поведением остальных групп. Но, конечно, в глубине тут крылось нечто другое: достаточно было взглянуть на бедного сановника, чтобы убедиться в том, как его терзало безвыходное положение, в которое попали он сам и иже с ним: ведь предстоял открытый отказ от только что принятого и ставшего известным постановления его группы голосовать за предложение комиссии. Это было тяжело и постыдно. В этом смысле обращение его ко мне сводилось к скрытой мольбе: поймите нас, поддержите, покажите и вы, что ничего другого, кроме принесения в жертву собственного интеллекта, не остается делать.

Мне пришлось, разумеется, разочаровать Н. Э. Шмемана. Я ответил ему, что немедленно информирую нашу группу о нашем с ним разговоре, но заранее могу сказать, что никто

²⁶³ «Рим высказался, дело закончено», т. е. папская курия вынесла свое окончательное решение. Так начиналась специальная булла римского папы

Иннокентия I (*Innocentius PP. I*; ? – 417), которой он в 416 г. утвердил решение Карфагенского синода об отлучении от церкви противников Блаженного Августина (*Aurelius Augustinus Hipponensis*; 354–430).

²⁶⁴ Выражение почерпнуто из устава монашеского ордена иезуитов, где оно было символом безусловного, беспрекословного повиновения.

из нас не изменил своего отношения к законопроекту в силу полученных свыше указаний. Наше дело голосовать так, как нам велит совесть и гражданский долг, а от государя будет зависеть, утвердить закон или не утверждать его.

В дальнейшем нам пришлось присутствовать на весьма постыдном зрелище. После непродолжительных прений по общим основаниям законопроекта, которые ни для кого уже не представляли ни малейшего интереса, Государственный совет перешел к постатейному чтению. Докладчик комиссии А. Н. Шварц не поддался общей панике и с достоинством отстаивал статью за статьей в редакции большинства комиссии. Его поддерживал от имени нашей группы А. В. Васильев. Обоим возражал со свойственным ему несколько елейным тоном В. К. Саблер, высказываясь за редакцию меньшинства. После этого статья за статьей принимались новоявленным большинством общего собрания в редакции меньшинства комиссии. Ведомство народного просвещения, от имени которого в свое время был внесен законопроект, в лице нового министра Кассо и его достойных товарищей, хранило полное молчание. Бюрократическая угодливость еще раз одержала крупную победу по всей линии.

К сказанному я должен прибавить, что приведенный случай далеко не был ни первым, ни единственным, когда считали допустимым вовлечение особы монарха в текущие политические споры и прибегали к ссылкам на высочайшую волю перед приступом к очередному голосованию. Однако обычно это тщательно скрывалось и становилось доподлинно известным только непосредственным объектам воздействия. Слухи, конечно, ползли, но было трудно добиться определенного подтверждения их. Страх и стыд замыкали уста.

Лишь много лет спустя, в эмиграции, я получил бесспорное подтверждение обоснованности этих слухов от сына одного из бывших сановников империи. Он говорил мне, что отец его неоднократно жаловался в интимном кругу на неприкрытое давление, зачастую оказывавшееся именем государя на членов Государственного совета по назначению, в особенности на тех из них, которые были пожалованы в высокие придворные должности и в звание статс-секретарей его величества²⁶⁵.

XVI. Первые проявления оппозиционных течений

Запрос, обращенный к П. А. Столыпину по поводу издания закона о западном земстве в порядке ст[атьи] 87 Осн[овных] зак[онов]

Нажим на членов Государственного совета по назначению со временем стал дополняться систематическим усилением правого крыла Совета за счет центра путем замещения открывающихся вакансий членов по назначению

²⁶⁵ Статс-секретарь его величества – почетное звание, жалуемое императором гражданским чинам. Звание статс-секретаря давало право личного доклада царю и объявления его словесных повелений.

– назначением членами Совета лиц, известных своей правой политической ориентацией. В результате такой практики правая группа вектора стала наиболее многочисленной, а центр утрачивал свое прежнее, первенствующее по численности место.

И тем не менее постепенно стали обозначаться трещины, свидетельствовавшие о том, что законопослушность Государственного совета в смысле беспрекословного выполнения им заданий правительства имеет свои границы.

Первым толчком к открытому проявлению накопившегося чувства раздражения против высокомерного и пренебрежительного обращения правительства с Государственным советом послужил инцидент, происшедший на почве отклонения Государственным советом законопроекта о введении куриального земства в шести западных губерниях²⁶⁶.

²⁶⁶ 14 марта 1911 г. был принят закон «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии». В других российских губерниях избиратели делились на землевладельческую, городскую и крестьянскую курии. Так как дворянство в Западном крае было преимущественно польским по происхождению, то с целью ослабления его влияния землевладельцы польского происхождения выделялись в отдельную избирательную курию, что исключало возможность получения поляками большинства голосов земских гласных. Таким образом, особенностью применения земского Положения в Западном крае являлось деление избирателей не по сословно-имущественному признаку, а по национальному. При его прохождении через законодательные палаты законопроект был поддержан Думой и

О причинах, вызвавших отклонение этого закона большинством, составившимся из правых, членов польского коло и нашей группы, мне пришлось упоминать раньше, в гл[аве] X.

Правительство П.А. Столыпина усмотрело в отклонении законопроекта Государственным советом явно предрезостное действие со стороны вышедших из повиновения правых элементов его. Чтобы парализовать подобное недопустимое непослушание, премьер-министр, как известно, прибег к совершенно дикой комбинации. Он испросил у государя разрешение на издание высочайшего указа о трехдневном

отклонен Государственным советом из-за опасений правых, что борьба против поляков может перерасти в борьбу с крупным землевладением. П.А. Столыпин на встрече с царем предложил распустить на короткий срок законодательные палаты и утвердить затем закон о введении земства в западных губерниях на основании статьи 87 Основных государственных законов. В противном случае он угрожал отставкой. Статья 87 разрешала царю принимать срочно необходимые законы в форме указов в периоды парламентских каникул или истечения полномочий законодательных учреждений, при условии внесения их в последние в двухмесячный срок после их открытия. Указом 11 марта деятельность законодательных учреждений была прервана с 12 по 15 марта. 14 марта закон о западном земстве был утвержден. Лидерам правых П.Н. Дурново и В. Ф. Трепову царь запретил участвовать в заседаниях Совета до конца года. Насилие Столыпина над законом породило массовое недовольство. В отставку подали оскорбленный Трепов, председатель Думы А. И. Гучков. Хотя закон в двухмесячный срок был передан на рассмотрение Думы, ни III, ни IV Думы так и не приступили к его рассмотрению.

перерыве занятий обеих законодательных палат и воспользовался этим перерывом для проведения закона о западном земстве в редакции Государственной думы в порядке ст. 87 Основных] зак[онов]. Одновременно двое из самых видных правых членов Совета по назначению, председатель группы правых П.Н. Дурново и Г. Ф. Трепов²⁶⁷ (брат А. Ф. Трепова, впоследствии, в 1916 г., назначенного председателем Совета министров) высочайше были уволены без прошения в отпуск до конца года, т. е. до момента переназначения назначенных членов к присутствованию в Совете на следующий год.

Этот бесцеремонный образ действия П. А. Столыпина, это неприкрытое попираание им основ нового строя, этот явный *détournement de pouvoir* в смысле использования правомочий, предоставленных исполнительной власти законом, в целом, чуждых тем, какие по смыслу своему имел в виду закон, вызвал общий взрыв негодования. Не только Государственная дума, – совершенно, между прочим, неожиданно для Столыпина, – но и Государственный совет стали на дыбы. В обеих палатах был поставлен вопрос о предъявлении председателю Совета министров запроса в порядке ст. 108 Осн[овных] зак[онов].

Эта статья гласила: «Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону

²⁶⁷ Здесь и далее Д.Д. Grimm допустил ошибку в инициалах. Речь идет о Владимире Федоровиче Трепове (1860–1918). В дальнейших упоминаниях авторская ошибка исправлена.

Правительствующему] синоду, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны, или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незаконными».

Надо признаться, что приведенная статья была редактирована так, что при желании П. А. Столыпин мог бы уклониться от ответа на запрос. Во 1 – х, в учреждении Правительствующего] синода (ст. 1), в числе министров и главноуправляющих отдельными частями, подчиненных Правительствующему] синоду, председатель Совета министров как таковой не был упомянут. Во 2-х, один из актов, а именно издание закона о западном земстве в порядке ст. 87 Осн[овных] зак[онов], формально не мог быть представлен государю единолично председателем Совета министров, а требовал соответствующего особого постановления Совета министров. Между тем Совет министров, принадлежавший к числу т. н. высших государственных установлений, тоже не был подчинен Сенату. Наконец, в 3-х, оба акта, в частности и акт об увольнении в вынужденный отпуск вышеназванных двух членов Государственного совета, были покрыты²⁶⁸ соответствующими актами высочайшей воли.

П. А. Столыпин не пожелал, однако, воспользоваться таким формальным отводом и испросил высочайшее соизволение на то, чтобы дать ответ по существу запроса; в последнем, впрочем, вопрос об увольнении в отпуск П. Н. Дурново и В. Ф. Трепова, без их о том прошения, был обойден молчанием.

²⁶⁸ Так в документе.

Отчасти поведение П.А. Столыпина в данном случае, думается мне, объяснялось тем, что, по существу, это был человек прямой, смелый и готовый брать на себя ответственность за свои поступки. Отчасти могло играть роль и то обстоятельство, что он сразу почувствовал всю шаткость своего положения. При дворе к тому времени, в сущности, уже перестал пользоваться фавором. Правые вообще недолюбливали его, считали, что все, чего можно было ожидать от него в качестве домкрата революции, им уже было сделано, и исподволь давно вели против него неустанную атаку. Они сумели очень ловко очернить его в глазах государя. С одной стороны, намекали на его диктаторские замашки, обвиняли его в стремлении оттеснить государя на задний план.

С другой стороны, стали указывать на то, что он предается конституционным иллюзиям и недостаточно блюдет священные прерогативы верховной власти. В последнем отношении правыми мастерски был использован инцидент с законом о штатах Морского генерального штаба, за который стоял Столыпин, который он провел в Государственном совете, несмотря на оппозицию правых, и который, в конце концов, не был утвержден государем, в свое время изъявившим согласие на внесение его в законодательные учреждения. Теперь от Столыпина отворачивалась и Государственная дума, которой он, как ему казалось, в данном случае так далеко пошел навстречу. При таких условиях ему нечего было терять: приходилось играть *va banque*²⁶⁹.

²⁶⁹ Ва-банк (фран.) – идти на большой риск.

Как бы то ни было, психология П. А. Столыпина все же была понятна. Понятным было и волнение, охватившее Государственную думу. Вопрос, неожиданно выросший перед ней и вообще перед всей страной, имел слишком серьезное конституциональное значение. Молча терпеть подобные прецеденты значило сводить весь новый строй на нет.

Гораздо сложнее была позиция Государственного совета. Менее всего он в то время казался призванным играть роль стража конституционных начал. Вся многочисленная и влиятельная группа правых вообще была враждебно настроена против нового представительного строя. Она исходила из взгляда, что самодержец, который своим односторонним актом даровал новый строй, сохранил неотъемлемое право в любой момент односторонним же актом упразднить его. Избирательный закон 3 июня 1907 г.²⁷⁰, изданный в нарушение как ст. 86, так и ст. 87

²⁷⁰ 3 июня 1907 г. было опубликовано новое Положение о выборах. Оно существенно урезало представительство окраин – Польши, Кавказа, Средней Азии, европейская Россия избирала 403 члена Думы, азиатская – 15. Количество выборщиков от крестьян уменьшилось с 44 до 22 %, от рабочих – с 4 до 2 %. Многие национальные окраины были лишены представительства; Кавказу вместо 29 мест предоставлялось 10, Польше вместо 37–14. Новый избирательный закон предоставил большинство в Думе помещикам и крупной буржуазии, которые вместе имели 65 % всех выборщиков. Возросло число выборщиков от землевладельческой курии (с 32 до 51 %), сократилось от крестьянской (с 43 до 22 %). Городская курия (22 % выборщиков) была разделена на два съезда: в первый входили крупные городские владельцы недвижимости,

Осн[овных] зак[онов] 1906 г.²⁷¹, с их точки зрения являлся не нарушением закона, а простым проявлением сохранив-

избиравшие 14 % выборщиков. Второй – из мелких собственников – избирал 11 % выборщиков. Отдельное городское представительство сохранилось в семи из 27 городов. Каждое губернское избирательное собрание должно было избрать по одному депутату Государственной думы от каждой курии (землевладельческой, городской, крестьянской). Кроме того, в шести наиболее промышленных губерниях по одному депутату Думы следовало избрать от рабочих. Целью нового закона о выборах было создание проправительственного большинства в Думе. Согласно статье 45 царь не мог единолично «вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета и Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу». Поскольку изменение избирательного закона произошло без обсуждения в законодательных палатах, введение новых избирательных норм получило название «третьеиюньского государственного переворота».

271 В ст. 86 говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения государя императора». В статье 87 говорилось: «Во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней государю императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельную часть не будет внесен в Государственную Думу в течение первых

шейся и после всех конституционных реформ полноты самодержавной власти. Умеренно либеральным элементам из числа назначенных членов мешала занять определенную позицию их бюрократическая психология, принадлежащие к центру выборные члены в подобного рода случаях инстинктивно чувствовали себя в положении беспастушного стада, хотя прямо, быть может, и не сознавали этого. Прогрессивные элементы левой группы были слишком малочисленны, чтобы без поддержки других групп вносить какие-либо запросы, так как на основании ст. 54 Учреждения] Государственного] сов[ета] для этого требовалось не меньше 30 подписей²⁷².

Если прибавить к этому, что и формальные основания для внесения запроса представлялись не бесспорными, что запрос не только бил по премьеру, но косвенно задевал и монарха, то предъявление запроса со стороны Государствен-

двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный совет».

²⁷² Ст. 54 гласила: «Об отмене или изменении действующего или издании нового закона члены Государственного совета подают письменное заявление председателю Государственного совета. К заявлению об изменении действующего или издании нового закона должен быть приложен проект основных положений предлагаемого изменения в законе или нового закона, с объяснительной к проекту запиской. Если заявление это подписано не менее чем тридцатью членами, то председатель вносит его на рассмотрение Государственного совета» (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27808. СПб., 1909. С. 470).

ного совета могло считаться совершенно невысказанным. Так мне лично и казалось.

И тем не менее невероятное свершилось. Запрос не только был предъявлен по адресу председателя Совета министров, но Государственный совет принял его, и весьма значительным большинством, близким к квалифицированному большинству двух третей собрания, признал объяснения Столыпина неудовлетворительными.

Два момента сыграли в этом отношении решающую роль. Первым, чисто личным, явился двойной удар, нанесенный Столыпиным членам правой группы, этот удар был воспринят ими как личное оскорбление.

Правых интересовала не конституционная сторона вопроса, над которой они и не задумывались. Их затронуло то, что П.А. Столыпин осмелился в такой демонстративной форме вступить в открытую борьбу с ними, пренебречь их мнением и показать, что он вполне может обойтись без них. Особенно же их возмутил акт принудительного увольнения в отпуск до конца года двух из самых активных членов правой оппозиции, из которых П. Н. Дурново вдобавок состоял еще в близком свойстве с председателем Государственного совета М. Г. Акимовым.

Насколько болезненно этот акт был воспринят правыми элементами, явствует из того, что не только один из двух членов Совета, уволенных в отпуск, В. Ф. Трепов, предпочел выйти в отставку, но и другой, очень видный правый член Совета по назначению, С. С. Гончаров, – человек прямой, с большим чувством собственного достоинства и крайне самолюбивый, – сделал то же самое: про это он подал не простое, а определенно мотивированное прошение об отставке. Что же касается М. Г. Акимова, то он решил

использовать свое положение председателя Государственного совета и сделать все от него зависящее, чтобы отомстить П. А. Столыпину и погубить его окончательно в глазах государя: выставить премьера перед ним как человека, который оказался способным ради поддержания собственного престижа ввести в заблуждение монарха, толкнуть его на ложный шаг, и в результате добиться лишь утраты доверия в глазах всех, от крайних правых до самых левых элементов Государственного совета. Для достижения этой цели Акимов решил не только сам не препятствовать, но, напротив, всемерно содействовать внесению запроса в Государственном совете.

Такова была личная сторона вопроса, одна только, повторяю, и представлявшая интерес для членов правой группы. Не отсутствовал, конечно, личный элемент в смысле большого личного раздражения против Столыпина и у членов по назначению, не входивших в правую группу. Все они страдали от неприкрытого давления, которое правительство систематически применяло к нам, всех возмущали оскорбительные для человеческого достоинства формы и приемы, в которые облекалось это давление. Естественно, что огромное большинство их было радо случаю сосчитаться со своим притеснителем и стимулировалось в соответствующем духе связанных в ними по принадлежности к общей группе выборных членов.

Все же этот личный элемент был не единственный, на который был способен реагировать центр Совета. Для членов его конституционная сторона вопроса не являлась пустым звуком. Раз препятствий к внесению запроса со стороны непосредственного начальства не встречалось, они с полным убеждением готовы были поддержать запрос по принципи-

альным соображениям. Что касается нашей группы, то ее позиция с самого начала была ясна. Для нее личные моменты вообще не играли роли. Она смотрела и на увольнение двух членов по назначению в принудительный отпуск не как на личный вопрос этих членов, а как на попытку нового серьезного ущемления прав членов по назначению, гарантированных им по закону.

По выяснению обстановки началась подготовка к действию. Было созвано частное совещание членов всех групп в квартире председателя группы центра, кн[язя] П.Н. Трубецкого. Совещание было очень многолюдное. На нем, кроме членов центра и нашей группы, присутствовали и многие правые члены. Единодушие между всеми нами царило полное.

На совещании была подвергнута обсуждению редакция запроса и были распределены роли имевших выступить по запросу ораторов. В последнем отношении приходилось считаться с тем, что по закону (ст. 57–59 Учреждения] государственного] сов[ета]) запрос по поводу допущенных подлежащими правительственными органами незакономерных действий за подписью не менее 30 членов Совета подвергался рассмотрению в отдельном заседании; в случае принятия его большинством Государственного совета подлежащий министр о нем уведомлялся с представлением ему месячного срока на ответ. По поступлении сообщения министра о готовности его представить Совету надлежащие сведения и разъяснения или об отказе от представления таковых по таким-то и таким-то основаниям назначалось

новое заседание для выслушания²⁷³ ответа министра, после чего открывались прения и производилось голосование по вопросу о том, признает ли Государственный совет возможным удовлетвориться сообщением министра, или нет. Если Государственный совет большинством двух третей голосов не признавал возможным удовлетвориться разъяснениями министра, дело должно было быть представлено председателем Государственного совета на высочайшее благовоззрение²⁷⁴.

²⁷³ Так в документе.

²⁷⁴ В ст. 57–79 говорилось: «О сообщении сведений и разъяснений по поводу таких, последовавших со стороны министров или главноуправляющих отдельными частями, а равно подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными, члены Государственного совета подают письменное заявление председателю Государственного совета. Если заявление это подписано не менее чем тридцатью членами, то председатель вносит его на рассмотрение Государственного совета. Принятое большинством членов Государственного совета заявление (ст. 57) сообщается надлежащему министру или главноуправляющему отдельной частью, которые, не далее одного месяца со дня передачи им заявления, либо сообщают Государственному совету надлежащие сведения и разъяснения, либо извещают Совет о причинах, по коим они лишены возможности сообщить требуемые сведения и разъяснения. Если Государственный совет большинством двух третей членов не признает возможным удовлетвориться сообщением министра или главноуправляющего отдельной частью (ст. 58), то дело представляется председателем Государственного

При таких условиях представлялось важным сговориться, кто, в каком порядке и о чем должен будет выступать в первом заседании при обосновании запроса, и кто должен будет во время второго заседания возражать Столыпину по выслушании его ответа. Понятно, что задача вторых ораторов представлялась более сложной, нежели задача первых. Имевшие выступить в первом заседании были свободны в выборе своих соображений и могли заранее, распределив темы, подготовить свои речи. Что же касается ораторов, имевших подвизаться во время второго заседания, то многое в построении предполагаемых речей их должно было зависеть от содержания ответа министра, заранее неизвестного. Ясно было только, что от ответа его на запрос можно было ожидать: во 1-х, критику доводов, приведенных в первом заседании для обоснования запроса, и во 2-х, самостоятельные соображения министра в обоснование и оправдание собственного его образа действий. Вытекающая отсюда задача заключалась в том, чтобы отвечать критикой на критику, раскрыть слабые стороны в ходе рассуждений противника и подкрепить запрос, в случае необходимости, дополнительными доводами. Предварительная подготовка речей ввиду этого была возможна только в очень условном смысле, именно лишь постольку, поскольку удавалось правильно предугадать вероятное содержание ответа министра. В остальном ораторам оставалось полагаться на их наитие.

совета на высочайшее благовоззрение» (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27808. СПб., 1909. С. 470–471).

Столько помнится, ораторами были намечены исключительно члены по выборам. От нашей группы были предложены М. М. Ковалевский и я. М. М. пожелал выступить в первом заседании, я согласился выступить во втором. Разумеется, это распределение ролей не исключало возможности выступлений одного и того же лица и в том, и в другом заседании, если бы по ходу прений это оказалось необходимым или желательным.

Я не буду передавать подробностей самих прений по запросу. Их можно отыскать в стенографических отчетах Государственного совета за 1911 г. Замечу только, что наряду с противниками у П. А. Столыпина оказались и определенные защитники его. Это были, с одной стороны, т[ак] наз[ываемые] нейдгартовцы, возглавляемые зятем его, А. Б. Нейдгардтом, с другой стороны – часть правых членов, от имени которых выступал А. С. Стишинский. Последний во время своего выступления, направленного против запроса, привел какой-то софистический аргумент, который мне показалось желательным тут же опровергнуть. На этой почве произошел следующий любопытный инцидент. Я подошел к государственному секретарю и попросил его передать председателю мою просьбу записать меня в число ораторов, что тот и сделал. Я вернулся на свое место. Через короткое время ко мне подошел один из чинов Государственной канцелярии и передал мне просьбу председателя подойти к нему, так как он желал поговорить со мною. Несколько удивленный этим приглашением, я поднялся на возвышенное место, на котором восседал наш грозный председатель и откуда можно было обозреть все зало. И вот что засим произошло. М. Г. Акимов полупшепотом, чтобы не мешать очередному оратору, говорит мне: ему известно, что я

должен выступать на втором заседании. «Стоит ли Вам при таких условиях выходить сегодня на трибуну. Это может ослабить впечатление Вашей речи в следующем заседании. Не лучше ли будет в интересах дела сегодня отказаться от Вашего выступления?». Я объясняю ему, что я и не имел в виду подняться на трибуну в настоящем заседании, но после речи А. С. Стишинского решил, что не мешает опровергнуть его рассуждения немедленно же. Акимов на это заметил, что, по его мнению, не стоит Стишинскому отвечать, и повторно стал уговаривать меня отказаться от моего намерения. Я подумал, что ему со стороны, пожалуй, действительно виднее, и заявил председателю, что я отказываюсь от слова, чем он остался весьма доволен. Все эта беседа велась с обеих сторон в том дружественном тоне, в котором разговаривают друг с другом заговорщики, объединенные в данной момент общностью одной ближайшей цели. Никогда, ни до, ни после, мне уже не привелось вести с М. Г. Акимовым подобной задушевной беседы. Так и чувствовалось, как он весь горит ненавистью к Столыпину и как ему хочется возможно более основательно напакостить премьеру. Ради этого он в ту минуту готов был связаться с кем угодно, хотя бы с самым заклятым политическим врагом, каковым я, несомненно, являлся в его глазах, если только этот враг в данном случае мог пригодиться. Только такими высокими побуждениями я и могу объяснить себе неожиданную трогательную заботливость его о том, чтобы обеспечить возможно больший резонанс предстоявшему в следующем, решающем заседании, моему выступлению.

Другой, не менее характерный в своем роде, инцидент имел место во втором заседании, во время которого присутствующему на нем П. А. Столыпину пришлось

выслушать немало горьких истин. В своей речи Столыпин коснулся, между прочим, и своего отношения к Государственному совету, выразил свое глубокое почитание высокого собрания и заверил, что он отнюдь не имел в виду посягать в чем бы то ни было на права верхней палаты. Я воспользовался в своей ответной речи этим заявлением и начал с того, что дело не в словесных заверениях, а в реальном образе действий премьера, свидетельствующих о полном пренебрежении его ко всем правовым основам нового представительного строя и, в частности, к неотъемлемым правам обоих законодательных учреждений. Затем я перешел к анализу явного надругательства над ясным смыслом ст. 87 Осн[овных] зак[онов], проявленного в данном случае фактом трехдневной приостановки работы обеих палат и обнародованием закона о западном земстве в порядке ст. 87 Осн[овных] зак[онов], коснулся принудительного увольнения в отпуск двух членов Государственного совета и закончил тем, что России нужен не великий визирь, а такой премьер, который не на словах только, но и на деле стоит на страже закона и нового строя. Речь моя была построена так, чтобы не разбить назревающего большинства, и поэтому я старался сказать все, что нужно было сказать по существу, избегая дразнящих и пугающих это большинство слов, вроде прямого наименования нового строя конституционным. Внутренне я был очень взволнован: незадолго до этого имело место увольнение без прошения моего близкого друга, члена Государственного совета А. А. Мануйлова от поста ректора Московского университета, последовавший за сим разгром старейшего русского университета и требование правительства о признании А. А. Мануйлова выбывшим из состава членов Государственного совета, удовлетворенное Советом. А тут новое кричащее

нарушение всех основ конституционного правопорядка и новое дерзкое посягательство на гарантированные законом права членов верхней палаты. Все это определило тон моей речи.

По-видимому, она обратила на себя внимание, по крайней мере, многие члены Совета после этого поздравляли меня и говорили, что она была самой сильной из всех речей, сказанных по данному поводу. Как бы там ни было, но общее настроение сложилось исключительно благоприятное для инициаторов запроса. Можно было ожидать, что Государственный совет квалифицированным большинством двух третей признал объяснения председателя Совета министров неудовлетворительными.

Этого, однако, осторожные люди как раз не желали допустить, так как не были уверены, что из представления дела на высочайшее благоволение может выйти. А вдруг государь возьмет да и согласится с точкой зрения П. А. Столыпина. Тогда неизбежно возникнет явный конфликт между Государственным советом и верховной властью, конфликт, из которого кто-то, но уже никак не Государственный совет, может выйти победителем. Следовательно, надо было принять решительные меры, дабы голосование не дало столь чреватого неучтимиыми последствиями результата. Для этого надо было откомандировать из числа сторонников запроса столько лиц для подачи голоса за Столыпина, чтобы, с одной стороны, все же сохранилось внушительное большинство в пользу признания ответа его неудовлетворительным, но чтобы вместе с тем не хватило нескольких голосов до большинства двух третей.

Задание это действительно было блестяще выполнено. Подсчет записок, поданных за и против признания

объяснений министра неудовлетворительными, дал именно тот результат, которого организаторы указанной махинации добивались: недоставало нескольких голосов до квалифицированного большинства. О том, что это не было случайностью, а явилось именно в результате тонко продуманного и ловко проведенного в условиях тайного голосования маневра, мне в частном разговоре с торжеством сообщил впоследствии П. М. ф[он] Кауфман-Туркестанский. Он вменял проведение этой хитроумной комбинации, подсказанной, в сущности, чувством страха, в особую заслугу группы центра. Роль левой группы, сказал он мне, была весьма простая: она исчерпывалась подачей голосов против признания разъяснений премьер-министра удовлетворительными. А вот центр должен был учитывать возможные последствия слишком полной победы, проявить государственную мудрость и предотвратить подобную слишком громкую победу, что он и сделал.

Но как бы там ни было, как ни причудливо переплетались в данном случае личные и принципиальные мотивы, определившие образ действий большинства членов Государственного совета, как ни стимулировало, в частности членов по назначению сознание того, что они, выступая против премьера, действуют с благословения своего непосредственного высокого начальства в лице председателя Государственного совета, – все же результат, достигнутый в данном случае, объективно имел далеко не маловажное политическое значение. Впервые Государственный совет стал в открытую оппозицию к правительству, впервые он в этом смысле дерзнул проявить известную, хотя и весьма относительную, долю самостоятельности. Это само по себе открывало известные перспективы на будущее время.

Остальное зависело от дальнейшего объективного хода вещей, которого никто предугадать не мог.

В заключение не могу не рассказать еще об одном, уже чисто личном инциденте, вызванном моим выступлением, – инциденте, весьма характерном для психологии известных кругов. Я упомянул о том, что в своей речи я, между прочим, указал на принципиальную недопустимость принудительного увольнения в отпуск членов по назначению из-за политических разногласий, обнаружившихся между их взглядами и правительственным курсом. Никаких фамилий не было при этом названо, так как я исключительно имел в виду принципиальную сторону дела. На другое утро ко мне позвонил по телефону П. Н. Дурново и стал благодарить меня за то, что я накануне в своей речи заступился за него! Очевидно, он воспринял мое заявление по этому поводу как чисто личное заступничество за него, и с этой точки зрения был поражен тем, что политический противник вообще может не только не порадоваться по случаю устранения врага, но даже открыто осуждать таковое. Я по чистой совести ответил, что ему не за что благодарить меня. Про себя же я подумал, в какую пикантную ситуацию я попал: мало того, что я удостоился в кредите личной оценки моей роли в данном вопросе со стороны председателя Государственного совета, я, сверх того, заработал еще и благодарность со стороны председателя группы правых: заступился за бедного.

XVII. Дальнейшие примеры, относящиеся к довоенному времени. Влияние событий мировой войны. Законопроект о реформе Сената

Самым характерным моментом в только что приведенном случае проявления определенного оппозиционного настроения со стороны Государственного совета явилась инициативная роль, которую сыграло в нем правое крыло Государственного совета: вторая из двух самых крупных групп, группа центра, в сущности, шла просто на поводу у правых. Сама она ни в коем случае не отважилась бы даже замахнуться о возможности поднять вопрос о каком-либо протесте по поводу незаконного образа действий председателя Совета министров.

Иная конstellляция²⁷⁵ имела место во втором случае, когда вновь решительно пробилось и одержало верх определенное оппозиционное течение. Я имею в виду вопрос о признании меня выбывшим из состава членов Государственного совета за утратой ценза профессора университета. Я существа этого дела здесь не буду касаться: о нем мне уже пришлось упомянуть раньше, в главе XI. Отмечу лишь, что в том случае решающую роль сыграли группа центра и группа нейдгартовцев, без поддержки которых наша маленькая прогрессивная группа ничего не

²⁷⁵ Конstellляция (от con – вместе и stella – звезда) – в широком смысле это взаимное расположение и взаимодействие различных факторов.

смогла бы добиться. Группа правых в данном случае раскололась, и большинство ее решительно поддерживало предложение министра народного просвещения о признании меня выжившим. Предложение это было отклонено настолько значительным большинством, что было ясно, против него высказалась и часть правых членов Совета.

В данной связи нельзя не упомянуть также о глубоком разногласии, которое возникло по вопросу о поднесении государю всеподданнейшего адреса от имени Государственного совета по случаю празднования трехсотлетия династии. Это разногласие, о котором тоже я имел случай упомянуть выше (в гл[аве] VI), разделило представителей центра и нашей группы, с одной стороны, и представителей разных оттенков правого крыла на два лагеря. Оно оказалось настолько непреодолимым, что по предложению лидера правых П.Н. Дурново самый вопрос о поднесении государю адреса был снят с очереди. Правда, формально этот вопрос не дошел до общего собрания Государственного совета и был подвергнут обсуждению лишь в совещании руководящих представителей отдельных групп, заменявших Совет старейшин, образованный в Государственной думе. Однако показательное значение разномыслия по острому вопросу о включении или невключении в текст адреса указания на характер верховной власти как самодержавной, чего добивались правые, этим нисколько не умаляется. Ведь представители группы, участвовавшие в созванном председателем Государственного совета по этому поводу совещании, действовали от имени и по поручению своих групп.

Приведенные примеры, свидетельствующие о постепенном росте новой психологии среди членов Государственного совета, все относятся к довоенному времени.

Новые перемены в психологии Государственного совета внесли события мировой войны и быстро прогрессирующее разложение правящих верхов. Поворотным пунктом явился 1915 г. Ряд тяжелых неудач русских войск на западном фронте, вызванный частью техническими недочетами, частью количественной недостаточей и даже прямым отсутствием вооружения, очищение огромных территорий, связанное с этим перенесение главной квартиры из Барановичей в Могилев, смещение верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и возложение государем этого звания на себя породили всеобщее беспокойство и усилили оппозиционные течения, захватившие все более широкие круги.

Было признано необходимым сделать некоторые уступки общественному мнению. Они выразились в созыве летом 1915 г. законодательных учреждений, фактически переставших функционировать с момента объявления войны, если не считать однодневного созыва их немедленно после открытия военных действий в июле 1914 г. и трехдневной сессии в самом начале 1915 г.

Дальнейшими уступками явились: привлечение ряда членов Государственной думы и Государственного совета, избранных каждый из палат по принадлежности, к участию в ряды совещаний, в том числе и в Совещании по делам

обороны²⁷⁶; санкционирование и уточнение круга деятельности некоторых общественных организаций, в частности Всероссийского союза земских и городских деятелей²⁷⁷, связанных с работой на военные нужды;

²⁷⁶ Совещание по обороне образовано в 1915 г. как общегосударственное учреждение для регулирования работы военной промышленности, обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и обеспечения армии и флота предметами боевого и материального снабжения. Сокращенно именовалось Особым совещанием по обороне государства. Председателем Совещания был военный министр, обладавший правом решающего голоса, его членами – представители Государственного совета, Государственной Думы, министерств, Государственного контроля, Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и буржуазных общественных организаций с правом совещательного голоса. Совещание подчинялось непосредственно императору. Его структурными частями являлись 10 постоянных комиссий и 6 постоянных комитетов, местными органами – районные заводские совещания. Расформировано в 1918 г.

²⁷⁷ Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов – общероссийские военно-общественные организации либеральных помещиков и буржуазии, созданные в 1914 г. в целях помощи царизму в организации тыла для ведения империалистической войны 1914–1918 гг. Были основаны в Москве в 1914 г.: 30 июля Земский союз на съезде уполномоченных губернских земств и 8–9 августа Союз городов на съезде городских голов. Съезды избрали главные комитеты союзов во главе с главноуполномоченными (земского – близкий к кадетам князь Г. Е. Львов, городского – Московский городской голова, кадет М. В. Челноков). Были созданы уездные, губернские, фронтовые и областные комитеты. Вначале союзы

наконец, увольнение в отставку летом того же года некоторых особо одиозных министров. Так, были уволены военный министр генерал Сухомлинов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и министр юстиции, известный растлитель судебного ведомства И. Г. Щегловитов. Первый был заменен пользовавшимся популярностью в думских кругах генералом Поливановым, второй – беспартийным, умеренно либеральным членом Государственного совета по выборам, честным и доброжелательным кн[язем] Щербатовым, третий – весьма правым, но строгим законником и прямым человеком, членом Государственного совета по назначению А. А. Хвостовым.

Как известно, эти уступки благодаря безответственным придворным влияниям в скором времени стали по возможности урезываться и сводиться на нет. Сессия законодательных собраний в связи с зарождением т[ак] называемого] Прогрессивного блока²⁷⁸ была внезапно

занимались главным образом помощью больным и раненым (оборудование госпиталей, санитарных поездов, пунктов питания, заготовка медикаментов, белья, обучение медицинского персонала). В дальнейшем они выполняли заказы на одежду и обувь для армии, организовывали помощь беженцам. Финансы союзов складывались из правительственных субсидий и взносов местных организаций союзов и пожертвований. После поражения царских войск летом 1915 г. союзы участвовали в мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии вооружением и снаряжением, создав с этой целью 10 июля 1915 г. объединенный комитет – Земгор.

²⁷⁸ Прогрессивный блок – объединение ряда фракций IV Государственной думы и Государственного совета. Образован на

оборвана, генерал Поливанов и кн[язь] Щербатов скоро сошли со сцены, деятельность общественных организаций вновь стала подвергаться стеснениям. Наступили периоды невероятной министерской чехарды²⁷⁹. Атмосфера опять начала сгущаться.

Все это не могло не отозваться на психологии Государственного совета. Привходящее случайное обстоятельство – серьезное заболевание, а вслед за сим и кончина председателя Государственного совета М. Г. Акимова, – сыграло в этом отношении далеко не последнюю роль. На

совещаниях членов Государственной думы и Государственного совета 11–12 августа 1915 г. В блок вошли 6 фракций Думы: группы Центра и правых националистов-прогрес-систов, октябристы-земцы, левые октябристы, кадеты, прогрессисты (236 из 422 членов Думы). К нему присоединись также 3 фракции Государственного совета (центр, академическая группа и внепартийные). Всего в блоке насчитывалось свыше 300 человек. Вне его остались в Думе фракции крайне-правых монархистов и националистов, меньшевики и трудовики. Программа Прогрессивного блока была выработана 22 августа и сводилась к требованиям создания «правительства доверия», проведения политики, направленной на «сохранение внутреннего мира», частичной амнистии осужденных по политическим и религиозным делам, уравнивания крестьян в правах с другими сословиями, изменения пересмотра политики в национальном вопросе относительно евреев, Польши, Украины и Финляндии, реформы местного самоуправления, восстановления деятельности профсоюзов и рабочей печати.

²⁷⁹ Министерской чехардой называли частую смену министров во время войны.

освободившийся пост Акимова был назначен А. Н. Куломзин, представлявший во всех отношениях прямую противоположность решительного, воинственного настроенного, ни перед чем не останавливающегося М. Г. Акимова. Куломзин был человек бесцветный, нерешительный, боявшийся как огня всякой тени ответственности. В результате Государственный совет сразу «распустился».

Насколько почва для этого был подготовлена, доказательством служит один весьма любопытный инцидент, разыгравшийся еще в начале 1915 г. в связи с поступившим в Государственный совет из Государственной думы законопроектом о реформе старых департаментов Сената. Широким кругам русской общественности этот инцидент остался совершенно неизвестным. Между тем упомянутый инцидент, так же как и весь вообще дальнейший процесс прохождения законопроекта о реформе Сената в Государственном совете, имел весьма симптоматическое значение. Он ярко рисует те назначения, которые к тому времени успели сложиться в Государственном совете.

Означенный законопроект был рассмотрен Государственной думой еще в мирное время и поступил в Государственный совет в самом конце весенней сессии 1914 г. Совет постановил избрать для рассмотрения его особую пятнадцатичленную комиссию. Выборы в нее были отложены до предстоявшей осенней сессии.

Прежде чем перейти к дальнейшему, напомним вкратце предшествующую историю настоящего законопроекта, тоже не лишённую большой пикантности.

После отклонения Государственным советом инициативного законодательного предположения, внесенного в 1907 г. группой членов центра Совета, о чем я говорил

раньше (в гл[аве] III), вопрос о реформе Сената (и, в частности, о реформе первого департамента его, являвшегося органом надзора над самыми разнообразными отраслями внутреннего управления страны) казался покоренным на долгое время.

Однако совершенно устаревший порядок делопроизводства и решения дел в старых департаментах Сената настоятельно требовал пересмотра. После частичной реформы, произведенной в этом отношении в 1911 г. применительно ко второму, т. н. крестьянскому департаменту Сената, тот самый министр юстиции И. Г. Щегловитов, благодаря стараниям которого было похоронено вышеупомянутое инициативное законодательное предложение, внес в Государственную думу аналогичный законопроект, касавшийся остальных департаментов старого Сената (I, II и III). Министерский проект и в данном случае имел единственной целью провести некоторые чисто технические улучшения в делопроизводственный аппарат этих департаментов. Все основные особенности старого петровского Сената должны были сохранить силу. Так, предполагалось оставить в неприкосновенном виде опеку обер-прокуратуры и министра юстиции над определениями старых департаментов и общих собраний Сената и связанную с этим систему переноса дел из департаментов в первое и второе общие собрания Сената по принадлежности, равно как своеобразную систему согласительных предложений, исходящих от подлежащего обер-прокурора и от министра юстиции в качестве генерал-прокурора. Равным образом сохранялось предоставление министру юстиции права переноса дел, по которым он не был согласен с определениями подлежащего общего собрания Сената, в

образованный при Государственном совете первый департамент его (ст. 68 п. 2 Учреждения] Государственного] сов[ета]), причем надо заметить, что постановления департаментов Государственного совета, по силе ст. 82 Учр[еждения] Государственного] сов[ета], представлялись в мемориях непосредственно на высочайшее благоусмотрение. Далее, подлежал сохранению особый порядок суждения и решения дел при участии подлежащих министров и главноуправляющих в тех случаях, в которых затрагивались интересы того или другого ведомства; начальники заинтересованных ведомств в таких случаях имели право налагать вето на определения департаментов Сената и требовать переноса опротестованных определений департаментов в подлежащее общее собрание Сената. За сторонами сохранялось право принесения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Сената и связанный с этим порядок направления подобных жалоб через особое присутствие при Государственном совете в подлежащее общее собрание Сената.

Благодаря такой структуре департаменты старого Сената и, в частности, первостепенной важности первый департамент его фактически были лишены всякой самостоятельности, исполняли роль простых прислужников при центральных органах исполнительной власти и, в частности, находились в полном смысле слова под пятой министра юстиции.

Государственная дума, несмотря на отчаянные усилия Министерства юстиции отстоять эти архаические пережитки далекого прошлого, не оставила на них камня на камне. В основу намеченной ею коренной реформы Сената легли все основные предположения Сабуровской комиссии,

выработанные последней в исполнение предначертаний высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. о реформе Сената²⁸⁰. Общие собрания Сената в роли высшей инстанции над департаментами Сената были упразднены. Роль обер-прокуратуры была сведена к представлению в подлежащих случаях своих заключений в присутствие департаментов. К этому же было сведено и участие

²⁸⁰ 12 декабря 1904 г. Николаем II был утвержден указ Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В указе, в частности, говорилось: «Принять действительные меры к охранению силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью подчиненных императорскому Величеству властей и мест, неисполнение же ее влекло неизбежно законную за всякое произвольное действие ответственность, и в сих видах облегчить потерпевшим от таких действий лицам способы достижения правосудия». Указом от 17 января 1905 г. было образовано Особое совещание под председательством сенатора А.Д. Сабурова для пересмотре правового статуса 1-го департамента Правительствующего Сената и об учреждении в России органов административной юстиции. К недостаткам деятельности 1-го департамента относили архаичность процессуальных правил, волокиту, отсутствие у сенаторов высшего юридического образования. Проект Сабурова предусматривал «публичность заседаний и словесные объяснения сторон», передачу значительной части административно-судебных споров на рассмотрение местным губернским и уездным присутствиям, полное выделение 1-го департамента Сената и превращение его в Административный суд самого высокого уровня. Проект был сдан в Министерство юстиции, которое сочло коренную реформу 1-го департамента Сената преждевременной.

представителей ведомства по делам, затрагивающим интересы подлежащего ведомства. Определения департаментов Сената не подлежали никакому дальнейшему обжалованию. Право принесения жалоб на высочайшее имя было отменено. В таком виде законопроект о реформе Сената в самом конце весенней сессии 1914 г. поступил в Государственный совет.

Вскоре после закрытия сессии вспыхнула война. Нормальная работа законодательных учреждений была прервана. После однодневной сессии 26 июля 1914 г.²⁸¹, имевшей чисто декларативное значение, обе палаты были вновь созваны на краткую сессию, продолжавшуюся всего три дня, в январе 1915 г. В течение этой сессии Государственный совет, в исполнение постановления, состоявшегося в весенней сессии 1914 г., произвел выбор членов особой 15-членной комиссии, в которую был передан законопроект о реформе Сената. В нее вошли, за исключением представителя польского коло И. А. Шебеко и меня, одни только члены Совета по назначению, носившие, по прежней их службе в Сенате, звание сенаторов. Председателем комиссии был избран С. С. Манухин, заместителем его П. П. Кобылинский.

Комиссия, делопроизводством которой, как всегда, ведали чины Государственной канцелярии, предоставленные в ее распоряжение государственным секретарем С. Е.

²⁸¹ 26 июля (8 августа) состоялась чрезвычайная однодневная сессия Государственного совета и Государственной думы, во время которой депутаты проголосовали за предоставление правительству военных кредитов.

Крыжановским, в первом же своем заседании после избрания президиума приступила к обмену мнениями по общим основаниям законопроекта. Ввиду предстоявшего нового перерыва занятий законодательных учреждений, который не составлял для нее секрета, комиссия остановилась, между прочим, на вопросе о том, не следует ли ей продолжать свою работу в течение внесессионного времени, дабы успеть подготовить законопроект к рассмотрению его в общем собрании по возобновлению сессии и тем ускорить прохождение и окончательное принятие закона. Скрытая инициатива по возбуждении этого вопроса, несомненно, принадлежала вице-председателю Государственного совета И. Я. Голубеву, который был убежденным сторонником коренной реформы Сената. Он в качестве вице-председателя присутствовал на первом же организационном заседании комиссии. Официально вопрос был поднят вновь избранным председателем комиссии С. С. Манухиным. Прецедентов подобного рода в прежней практике не было, но зато в нормальное мирное время не было и особой нужды в создании их. Постоянные же длительные перебои в спокойной работе законодательных учреждений во время войны силою вещей выдвигали на очередь поставленный вопрос. И действительно, мысль о продолжении работы комиссии во внесессионное время встретила всеобщее сочувствие среди членов ее. Никакого вопроса о каких-то формальных препятствиях, могущих помешать выполнению намеченного плана, ни у кого не возникало. Единственное замечание, которое было сделано одним из членов комиссии, сводилось к указанию на то, что выборные члены комиссии во внесессионное время не будут получать причитающегося им на время сессий суточного из казны довольствия, и что поэтому от них нельзя требовать участия

в работах комиссии. Это замечание было устранено заявлением нас – двух выборных членов, что мы само собою этому обстоятельству никакого значения не придаем и будем участвовать в работах комиссии. В результате состоялось единогласное постановление комиссии о продолжении ее работы во время перерыва занятий законодательных учреждений.

Следующее заседание комиссии было назначено примерно через неделю после закрытия сессии. Всем членам комиссии в обычном порядке были разосланы повестки с указанием дня и часа заседания. Неожиданно, накануне назначенного дня была получена контр-повестка с извещением, что заседание откладывается. Для меня сразу стало ясным, что возникли какие-то затруднения по вопросу о допустимости продолжения работы комиссии во внесессионное время. Вместе с тем нетрудно было догадаться, у кого могли зародиться сомнения на этот счет. Министр юстиции Щегловитов, отрицательное отношение которого к законопроекту было известно, очевидно, всполошился, узнав о решении комиссии ускорить рассмотрение его. Он не без основания должен был почуять в таком отношении комиссии к закону нечто весьма не ладное. Отсюда у него должно было зародиться желание немедленно указать комиссии на ее место. Это легче всего было сделать в порядке формального ответа. Весьма скоро оказалось, что я был прав. Через несколько дней была разослана новая повестка, третья по счету: члены комиссии приглашались на совещание, – для обсуждения вопроса о дальнейшем направлении переданного на ее рассмотрение законопроекта.

По открытии заседания председатель комиссии С. С. Манухин довел до сведения ее о том, что произошло. На основании предшествующего постановления комиссии он известил министра юстиции о состоявшемся решении ее и предложил откомандировать для участия в занятиях ее на предмет представления необходимых объяснений соответствующих представителей ведомства. В ответ на это он получил письмо от председателя Совета министров, каковым в то время состоял престарелый И. Л. Горемыкин, вновь вынуженный, по собственному его выражению, «который уже раз из нафталина». В письме Горемыкина значилось, что правительство считает занятия комиссии во вне-сессионное время противоречащими закону и посему недопустимыми. Ввиду этого правительство находит невозможным назначить ведомственных представителей для участия в работах ее.

Доложив это письмо, С. С. Манухин предложил членам комиссии обсудить создавшееся положение. В предвидении того, что случилось, я заготовил ряд соображений в опровержение точки зрения правительства и в подкрепление позиции комиссии. Между прочим, мною было указано, что перерыв сессии формально необходимо отличать от закрытия сессии; в законе нигде не сказано, что подготовительные работы по рассмотрению законопроектов не могут быть производимы во внесессионное время; в частности, это не вытекает из смысла ст. 30 Учреждения] Государственного] сов[ета] и соответствующей ст. 4 Учреждения] Государственной] думы, которые имеют исключительно в виду созыв общих собраний Государственного совета и Государственной думы по принадлежности; мало того, в ст. 3 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи прямо оговорено, что работы финансовой комиссии могут иметь

место даже до открытия сессии; раз это возможно до открытия сессии, то тем более это должно считаться допустимым во время перерыва ее. Мои соображения ни с чьей стороны не встретили возражений, и комиссия после непродолжительного обмена мнений постановила, несмотря на отказ правительства от назначения представителей ведомства, остаться при прежнем своем решении и продолжать свою работу. По поводу того, что работа ее будет происходить в отсутствие представителей ведомства, никто не только не высказал огорчения, а, напротив, некоторые сенаторы из числа членов комиссии заметили довольно колко, что взгляды ведомства юстиции на законопроект и без того всем известны и комиссия ни в каких разъяснениях со стороны представителей ведомства не нуждается: в ее составе более чем достаточно членов, весьма основательно знакомых с положением дел в Сенате и с тем, в каком направлении должна быть произведена реформ Сената. Единственная уступка, которую комиссия решила сделать, заключалась в том, что она на время перерыва сессии переименовала себя в совещание членов комиссии.

В дальнейшем от слов перешли к делу. В результате комиссия под флагом совещания членов комиссии в течение свыше четырех месяцев регулярно раз в неделю собиралась в Мариинском дворце. Делопроизводство ее за все это время было возложено на общем основании на чинов Государственной канцелярии: государственный секретарь С. Е. Крыжановский не решился последовать примеру И. Г. Щегловитова и отказать комиссии в предоставлении услуги подведомственных ему чинов Государственной канцелярии.

За указанное время комиссии успела подвергнуть весьма тщательному обсуждению все основные начала, на которых

был построен законопроект. Надо сказать, что работа комиссии протекала в очень дружественной атмосфере. Не только представители центра и нашей группы, но и подавляющее большинство правых членов комиссии стояли за необходимость коренной реформы старого Сената в том духе и направлении, которые были намечены в свое время Сабуровской комиссией и проведены в законопроект Государственной думой. В результате комиссия с редким единодушием, за исключением одного только члена, одобрила все основные начала, внесенные в законопроект Думою.

Нельзя не подчеркнуть огромного симптоматического значения такого отношения комиссии к настоящему законопроекту. Оно, прежде всего, свидетельствовало о том, насколько в вопросе о реформе Сената изменилось настроение правого сектора Государственного совета против 1907 г., когда стараниями его, при содействии части смертельно напуганных членов центра, инициативное предложение о реформе Сената было отвергнуто даже без перехода к постатейному чтению. Новое отношение к делу показывало далее, как глубоко отрицательно бывшие сенаторы вообще, без различия политической окраски их, расценивали действовавшее в то время Учреждение Сената, как болезненно они переживали в своей памяти то недостойное положение, в которое этим Учреждением был поставлен Сенат. Наконец, указанное отношение обнаруживало, насколько за истекшие годы престиж правительства поблек даже в глазах сановных членов Государственного совета по назначению, и какие успехи за это время сделала перемена в общей психологии Государственного совета.

За всем тем нельзя сказать, чтобы прохождение законопроекта протекало без всяких подводных камней. Самым опасным из них явился спор по вопросу о закреплении и расширении права Сената издавать на основании соответствующих предложений министра юстиции и других начальников ведомств (по вопросам, касающимся их ведомств) обязательные для всех подчиненных высшему надзору Сената учреждений общие разъяснения смысла таких законов, применение которых, по мнению главы ведомства, вызывало на практике сомнения или разногласия.

Вопрос этот к тому времени приобрел исключительную остроту.

Разъяснительная деятельность первого департамента Сената вызывала все возрастающие справедливые нарекания. Зависимое положение, в которое совершенно устаревшее Учреждение Сената ставило старые департаменты его по отношению к центральной исполнительной власти в лице министра юстиции, давало себя чувствовать со все возрастающей силой. Мрачное влияние и неприкрытое давление на Сенат со стороны министра Щегловитова сказывалось на каждом шагу. В идее – высший оплот законности (первый департамент) Сената на деле с каждым годом все больше обращался в руководимый министром юстиции оплот беззакония, которым Щегловитов пользовался в борьбе против нового строя. Достаточно напомнить о целом ряде явно тенденциозных разъяснений первого департамента Сената по вопросам, связанным с

законами о выборах в Государственную думу²⁸² и в Государственный совет. Невольно вспоминаю, как такой спокойный и крайне умеренный человек, каким был покойный профессор Петроградского университета В.Ф. Дерюжинский, по поводу этой разъяснительной деятельности первого департамента Сената с величайшим раздражением воскликнул: это не правительствующий, а хамствующий Сенат.

Государственная дума, по предложению члена Думы, верного октябриста барона А. Ф. Мейендорфа, начисто отвергла право Сената издавать общие разъяснения смысла того или иного закона по почину министра юстиции и других начальников ведомства. За Сенатом сохранилось лишь право разъяснения смысла закона, поскольку такая надобность вытекала из данного поступившего на рассмотрение

Сената конкретного дела. Эти разъяснения должны были иметь обязательную силу лишь по тому делу, по которому они состоялись.

²⁸² Так, осенью 1906 г. была попытка пересмотреть избирательное законодательство под видом его толкования. Первый департамент Правительствующего сената по указанию МВД и само министерство несколько ограничили избирательные права низших классов. Важнейшим из этих «разъяснений» было исключение из курии землевладельцев крестьян, владевших землями, сходными по своему правовому положению с надельными (купленными при содействии Крестьянского банка до выплаты ссуды, малороссийскими казачьими, башкирскими).

В комиссии Государственного совета по этому поводу возникли очень продолжительные и острые прения. За предоставление Сенату права издавать общие разъяснения смысла закона, вне наличия определенного конкретного дела, высказывались не только правые члены комиссии, но и представители группы центра. Колеблущуюся позицию – в порядке аплодирования в душе решительному предложению Государственной думы – занимал А. Ф. Кони.

По всему ходу прений было видно, что в этом вопросе большинство комиссии и стоявшие за ней группы не склонны последовать за Государственной думой. Если по этому вопросу не будет найден компромисс, то неминуемо получится неустрашимое разногласие между Думой и Советом и в результате неизбежный провал всего законопроекта.

Такой компромисс был предложен мною. Он сводился к тому, что право давать общие разъяснения смысла закона по предложениям начальников соответствующих ведомств сохраняется за Сенатом; но вместе с тем в законопроект вносится ясно сформулированная оговорка, лишаящая такие разъяснения всякой формально обязательной силы и придающая им лишь одно руководственное значение для подчиненных Сенату мест и лиц.

Мысленно я исходил при этом из двух главных соображений. С одной стороны, новый закон сводил участие министров в обсуждении дел в Сенате к простой даче заключений. Вместе с тем он устранял возможность давления министров на Сенат путем угрозы переноса подлежащих вопросов, разрешенных в нежелательном для данного министра смысле, в общее собрание Сената и дальше в первый департамент Государственного совета,

положения которого представлялись на высочайшее благоволение, так как обе эти инстанции подлежали упразднению. Главное жало против неугодных разъяснений Сената этим вырывалось из рук исполнительной власти. С другой стороны, открытое признание принципа, что соответствующие разъяснения смысла законов не имеют формально обязательной силы, должно было лишать их в глазах начальников ведомств в значительной мере их притягательной силы.

Считаясь, однако, со своей аудиторией, я решил эту сторону вопроса обойти молчанием. Я ограничился, в обоснование своего предложения, ссылкой на то, что признание за сенатскими разъяснениями, хотя бы в скрытом виде формально обязательной силе, было бы равносильно созданию нового, дополнительного порядка автентического толкования законов, не только не предусмотренного нашими Основными законами, но явно противоречащего ясному смыслу ст. 89 Осн[овных] зак[онов]... Во избежание каких-либо кривотолков по части узурпирования Сенатом прав верховной власти и законодательных учреждений необходимо поэтому прямо подчеркнуть, что исходящие от Сената общие разъяснения смысла законов могут претендовать только на руководственное значение.

Эта мысль тотчас же была подхвачена председателем комиссии С. С. Манухиным; он заявил, что вполне разделяет мой взгляд и поддерживает внесенную мною поправку. Не сочли возможность возражать против моей аргументации и правые члены комиссии. В результате предложенная поправка была единогласно принята комиссией.

Обсуждением настоящего вопроса благополучно закончились прения по основным началам законопроекта о

реформе Сената. Постатейное рассмотрение его было отложено комиссией до новой сессии, о предстоящем созыве которой уже определенно говорили. Этим путем был бесшумно ликвидирован конфликт ее с правительством – что касается дальнейшей истории прохождения этого военного закона в комиссии, то нельзя не упомянуть о следующем пикантном обстоятельстве. По странной иронии судьбы осенью 1915 г. в состав ее по списку правых вошел вместо назначенного к тому времени министром юстиции А. А. Хвостова не кто иной, как бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов, занимавший до этого позицию бойкота по отношению к ней. Положение его в комиссии оказалось для него мало выигрышным: недаром она успела уже высказать свой определенный и притом единодушный взгляд по всем основным началам законопроекта. К ним при постатейном чтении не приходилось уже возвращаться: оставалась лишь одна чисто техническая сторона работы комиссии, которая была проделана ею в течение летней сессии 1915 г. Представители Министерства юстиции, откомандированные новым министром А. А. Хвостовым, естественно, не могли возражать против принятых комиссией общих начал, с которыми был согласен сам новый глава ведомства. Дело шло как по маслу. Щегловитов все больше молчал и пассивно соглашался со всеми постановлениями комиссии. Он первое время после своей отставки как-то поблек и не только не проявлял никакой воинственности в заседаниях комиссии, но, напротив, втихомолку со свойственным ему *je m'en fiche*'измом²⁸³ стал даже либеральничать. Припоминаю

²⁸³ От французского «*je m'en fiche*» – «мне наплевать!» В данном

такой случай: как-то мы с ним в одном из заседаний комиссии оказались соседями (а был я с ним давно знаком по совместной с ним до 1905 г. службе в Училище правоведения²⁸⁴, где он преподавал, наряду с Н. С. Таганцевым, уголовное право). И вот он тут же стал мне рассказывать разные случаи из практики первого департамента Сената, не особенно лестные для этого воинского учреждения. С внешней стороны его поведение в комиссии было настолько благонаправное, что к концу занятий комиссии, когда возник вопрос об избрании докладчика, С. С. Манухин даже предложил избрать И. Г. Щегловитова докладчиком комиссии в общем собрании Государственного

контексте – «наплеватьство».

²⁸⁴ Училище правоведения было основано в 1835 г. для подготовки кадров для судебных и административных учреждений. Относилось к закрытым учебным заведениям и имело статус «перворазрядного». В него принимались дети потомственных дворян в возрасте 12–17 лет. Курс обучения составлял 7 лет. За желто-зеленый цвет формы воспитанники получили прозвище «чижики». Правоведы делились на казенных и своекоштных. Для последних плата за обучение составляла с 1894 г. 700 рублей серебром. После выпуска они должны были отслужить 6 лет в ведомстве министерства юстиции. В разное время училище окончили судебные деятели и сановники Н. С. Арсеньев, А. Г. Булыгин, И. Л. Горемыкин, И. П. Закревский, К. К. Пален, К. П. Победоносцев, И. Г. Щегловитов, публицисты И. С. Аксаков и князь В. П. Мещерский, композитор П. И. Чайковский, поэты А. М. Жемчужников и А. Н. Апухтин, деятели науки Ю. Г. Жуковский, В. К. Случевский и др. Училище было ликвидировано в 1918 г. по решению Комиссариата народного просвещения.

совета, что и было сделано. Когда я после заседания спросил Сергея Сергеевича, чем он руководствовался, указывая именно на Щегловитова, на которого абсолютно нельзя положиться, он с хитрой улыбкой ответил мне, что это в данном случае лучший способ обезвредить Ивана Григорьевича.

Приняв на себя роль докладчика, Щегловитов не только лишается возможности выступить против законопроекта, но, напротив, вынуждается всемерно защищать его против возможных нападков со стороны его же друзей, непримиримых сторонников сохранения status quo, если бы таковые оказались. Я покачал головой, но он оказался прав, хотя и в ином смысле, чем он ожидал.

Рассмотрение законопроекта в общем собрании Государственного совета пришлось отложить до осенней сессии 1916 г. Когда был назначен день для слушания законопроекта в общем собрании, от докладчика комиссии в самый этот день поступило заявление, что он не может по болезни явиться в заседание. Не знаю, скрывалось ли за этим намерение оттянуть рассмотрение законопроекта или Щегловитов действительно заболел, но, если у него и было такое намерение, он цели своей не достиг. Переговорив с вице-председателем Государственного совета И. Я. Голубевым, который должен был председательствовать во время прохождения настоящего законопроекта, председатель комиссии С. С. Манухин изъявил согласие заменить отсутствовавшего докладчика. В результате судьба законопроекта оказалась в самых верных руках, так как Щегловитов и в дальнейших заседаниях, посвященных рассмотрению закона, блистал отсутствием.

В общем собрании от части правых, не согласных с основной идеей законопроекта – полной эмансипацией Сената от всяких посторонних влияний и давлений, выступил барон Р. А. Дистерло, сам член комиссии, хранивший глубокое молчание в этой своей роли, но вновь приобретший способность речи ко времени перехода законопроекта в общее собрание. Барон подверг резкой критике все основные начала законопроекта, и, в частности, усиленно подчеркивал, что закон содержит в себе прямое покушение на умаление прерогатив верховной монаршей власти. Такое умаление он усматривал в отмене возможности принесения всеподданнейших жалоб на определения департаментов Сената и, в особенности, в лишении монарха права приостанавливать исполнение сенатских определений. Последним указанием барон, между прочим, до крайности напугал председателя Государственного совета А. Н. Куломзина. Последний под сурдинку дал понять, что если подобные постановления будут сохранены в законопроекте, он, в случае окончательного принятия его в таком виде, сочтет нужным рекомендовать государю не утверждать нового закона.

С. С. Манухин в роли докладчика чрезвычайно умело и деловито отражал все эти попытки сделать законопроект неприемлемым для Государственной думы и тем вызвать провал его. В частности, он указал на то, что предположение об отмене права государя приостанавливать исполнение сенатских определений содержалось уже в тексте законопроекта, внесенного министром юстиции. На внесение же всех вообще правительственных законопроектов заранее испрашивалось монаршее соизволение. Таким образом, барон, очевидно, желает быть *plus royaliste, que le*

roi²⁸⁵. Слова С. С. Манухина оказали свое действие, и законопроект, в конце концов, с незначительными изменениями был принят весьма внушительным большинством Государственного совета в редакции комиссии, после чего он был передан в согласительную комиссию из равного числа членов Совета и Думы.

Согласительная комиссия собралась лишь под конец ноября 1916 г. Председателем комиссии был избран С. С. Манухин. Членами ее состояли: члены Государственной думы Антонов, Искрицкий, Годнев, И.Н. Ефремов и В. А. Маклаков и члены Государственного совета (кроме С. С. Манухина) Н.С. Таганцев, бар[он] Дистерло, П.П. Кобылинский и я. Конец сессии был уже близок. Надо было спешить.

Общее внутривластическое положение к тому времени до крайности обострилось. Принятие незадолго до этого не только Государственной думой, но и Государственным советом острой формулы перехода к очередным делам, резко осуждающей общий политический курс и одновременно обращенной против пагубности безответственных влияний, свивших свое гнездо в окружении государя, вызвало крайнее раздражение в дворцовых кругах. Судьба законопроекта при таких условиях висела на волоске. Надо было во что бы то ни стало протащить его в текущей сессии. Для этого необходимо было добиться того, чтобы законопроект с поправками, внесенными в него Государственным советом, был принят Государственной думой в

285 «Большим роялистом, чем король» (франц.). Фраза из произведения Ф. Шатобриана «О монархии, согласно хартии» (1816).

редакции Государственного совета без всяких изменений. В противном случае он должен был бы вновь вернуться в Государственный совет. Если бы при вторичном слушании его в Государственном совете сохранилось разногласие между Советом и Думой хотя бы по одному какому-нибудь пункту, законопроект оказался бы отклоненным, и вся многолетняя работа по настоятельно необходимой реформе Сената была бы сведена на нет. Между тем, никто не мог знать, какую физиономию приобретет назначенная половина Государственного совета после предстоявшего 1-го января 1917 г. Риск возможного провала законопроекта при вторичном слушании его в Государственном совете бросался в глаза.

Все сторонники реформы Сената у нас в Совете отлично это сознавали. Но этого было мало. Надо было убедить членов Государственной думы, вошедших в согласительную комиссию, в том, чтобы они отказались от всяких поправок, сами приняли бы законопроект в редакции Государственного совета и согласились бы в этом духе повлиять на свои фракции. Беседуя со мной на эту тему, С. С. Манухин перед самым заседанием согласительной комиссии шепнул мне: «Поговорите Вы с членами Думы, они Вам больше верят, чем нам». Он в данном случае имел в виду членов по назначению. Вместе с тем он попросил меня усесться рядом с ним, чтобы дать нам возможность оговариваться относительно тактической линии поведения во время заседания.

Моя дипломатическая линия, как я и ожидал, оказалась не из легких. Два вопроса грозили расколом между членами согласительной комиссии от Государственной думы и Государственного совета. Главным яблоком раздора являлся вопрос о предоставлении Сенату права издавать общие

разъяснения смысла закона по предложениям подлежащих министров. Второй пункт расхождения, всплывший во время моих переговоров с членами Думы, сам по себе имел сравнительно второстепенное значение. Дело в том, что Государственный совет уже во время обсуждения законопроекта в общем собрании включил в него (не помню, по чьей инициативе) статью, которая имела в виду санкционировать практику, сложившуюся в кассационных департаментах без почвы в законе²⁸⁶. На основании этой статьи Сенату как по департаментским, так и по отделенским делам предоставлялось, буде данное присутствие Сената признает это нужным, приглашать в совещательную комнату, после выслушания стороны в деле, но до вынесения окончательной резолюции, обер-прокурора или заменявшего его во время рассмотрения данного дела товарища обер-прокурора.

Времени для дипломатических переговоров было очень мало. Главное внимание, естественно, было обращено на первое из двух указанных разномнений. Представителей правого крыла Государственной думы не приходилось, конечно, особо убеждать: они заранее были согласны примкнуть к точке зрения Государственного совета. С полуслова, как всегда, понял, в чем дело, и изъявил согласие на принятие компромиссного предложения, восторжествовавшего в Государственном совете, и представитель кадетской фракции, тонкий В. А. Маклаков. Зато упорно продолжали занимать непримиримую позицию представи-

²⁸⁶ Так в тексте.

тель октябристов Годнев и прогрессист²⁸⁷ И. Н. Ефремов. Что касается второго пункта, против которого в свое время были

²⁸⁷ Прогрессисты – члены Прогрессивной партии. Партия была образована в ноябре 1912 г. и занимала промежуточное положение между октябристами и кадетами. Ее ядром стала фракция «прогрессистов», образовавшаяся в III Думе из членов партии мирного обновления и Союза 17 октября. Учредителями партии были текстильные фабриканты А. И. Коновалов, В. П. и П. П. Рябушинские, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков, земские деятели И. Н. Ефремов, князь Г. Е. Львов, Н.Н. Львов, князь Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов, М.М. Ковалевский. Неофициальным органом партии стала газета «Русская молва». Политической целью прогрессистов являлось конституционно-парламентарное монархическое государство с четким разделением трех ветвей власти. Политические требования партии включали отмену положения об усиленной и чрезвычайной охранах, положения 3 июня 1907 г. о выборах в Думу, законодательной функции Государственного совета, сословных ограничений и привилегий, расширение прав Думы, введение ответственности правительства перед Думой и демократических свобод, расширение компетенции городского и земского самоуправлений и т. д. Прогрессисты вместе с тем были против принудительного отчуждения частновладельческих земель и всеобщего избирательного права. При активном участии прогрессистов Дума в декабре 1912 г. приняла их формулу с призывом к правительству осуществить манифест 17 октября 1905 г. Они предложили создать в Думе блок фракций для давления на правительство угрозой отклонения бюджета в случае отказа от реформ. А. И. Коновалов выступил за объединение оппозиции. По его инициативе 3–4 марта 1914 г. состоялось совещание с участием левых октябристов, кадетов, народных социалистов и социал-демократов. Коновалов предложил в качестве первого шага создать в Москве Информационный комитет из представителей

выдвинуты серьезные возражения и при прохождении законопроекта в общем собрании Государственного совета, и против которого я и сам тогда голосовал, то его за недостатком времени удалось коснуться только мельком, и вопрос остался открытым.

Заседание согласительной комиссии началось с заявления членов Думы, что они по уполномочию своих фракций готовы принять законопроект в редакции Государственного совета, за исключением вышеупомянутых двух пунктов. На этой почве разгорелся горячий спор, во время которого выяснилось одно очень любопытное недоразумение. Оказалось, члены Думы не отдавали себе отчет в том, что раз Дума примет законопроект целиком в редакции Государственного совета, то законопроект уже не возвращается в Государственный совет, а прямо представляется, на общем основании, через председателя Государственного совета государю на утверждение. Они считали, что законопроект, первоначально создавший разногласие между обеими палатами, даже в случае окончательного принятия его со

либеральных и социалистических партий для осуществления манифеста 17 октября 1905 г. В комитет вошли два прогрессиста, внепартийный социалист, меньшевик и от большевиков И. И. Скворцов-Степанов. Кадеты негативно встретили действия Коновалова. В период Первой мировой войны прогрессисты вначале поддерживают правительство, по их инициативе создаются военно-промышленные комитеты и рабочие группы при них, но затем переходят в оппозицию. Они вошли в Прогрессивный блок, из которого позже вышли из-за отказа блока потребовать от царя создания правительства, ответственного перед Думой. После Февральской революции партия распалась.

стороны Государственной думы в редакции, устраняющей разномыслие, все же вновь поступает в Совет и подвергается там повторному голосованию. Отсюда члены Думы выводили, что риск, связанный с возвращением законопроекта из Думы в Совет, одинаковый, будут ли устранены все разномыслия, или по некоторым пунктам таковые сохранятся. По этому поводу возник формальный спор между членами Думы и Совета, ликвидированный в конце концов ссылкой председателя комиссии С. С. Манухина на ст. Из Осн[овных] зак[онов], ст. 50 Учреждения] Государственного] совета²⁸⁸ и ст. 52 Учр[еждения] Государственной] думы.

Устранение этого недоразумения имело очень важное значение: оно открыло глаза членам Думы на то, насколько фатальную роль в деле вступления в силу коренной реформы Сената могла бы сыграть всякая новая оттяжка, неизбежно связанная с сохранением в тексте законопроекта тех или иных разномыслий.

Правда, члены Думы Годнев и Ефремов и после этого остались по вопросу о предоставлении Сенату права издавать общие разъяснения смысла законов при особом мнении. Однако они при этом заявили, что они вынуждены

²⁸⁸ Ст. 50 гласила: «Законопроекты, поступившие в Государственную Думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственной Думой, представляются императорскому величеству» (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27808. СПб., 1909. С. 470).

поступить так, будучи связаны директивными, полученными от их фракций; но, вместе с тем, принимая во внимание серьезность положения и огромную ценность законопроекта в целом, они берут на себя обязательство подробно информировать свои фракции и настаивать перед ними на благополучном прохождении закона в Государственной думе.

В конце концов, по первому пункту большинством восьми голосов против двух была принята редакция Государственного совета. Перешли ко второму пункту. На нем в свою очередь едва не споткнулись. В. А. Маклаков начал доказывать, что раз Государственная дума по первому пункту, имеющему огромное принципиальное значение, отступит от своей точки зрения и примкнет к редакции Государственного совета, то члены согласительной комиссии от Государственного совета могли бы пойти ей навстречу по второму пункту. Он весьма убедительно стал доказывать, как недопустимо в принципе и как глубоко несогласно с духом судебных уставов включенное Государственным советом правило о том, что после заслушания дела, до внесения резолюции по нему, в совещательную комнату может быть приглашен обер-прокурор, дававший заключение по делу. Н.С. Таганцев заметил по этому поводу, что такая практика давно существует в уголовном кассационном департаменте, почему нет оснований не устанавливать подобного правила и для старых департаментов Сената. Этим он подлил масла в огонь. В. А. Маклаков крайне удивился и заявил, что он об этом первый раз слышит, и что такая практика явно незаконна. С ней надо бороться, а не узаконить ее. Вопрос неожиданно приобрел острый характер.

С. С. Манухин немного растерялся и вполголоса шепнул мне, что по этому вопросу, пожалуй, можно было бы уступить Думе. Но я так опасался всяких неожиданностей в случае дальнейших оттяжек, о чем как-то в пылу спора успели позабыть, что тоже в полголоса решительно запротестовал против всяких уступок. Я бросился в бой и стал доказывать, что, конечно, сохранение оспоренного правила в законопроекте не служит к украшению закона, но дело не в этом. Единственная наша задача в данный момент ясна: надо сделать все, чтобы законопроект, в корне реформирующий всю структуру старого Сената и сближающий старый Сенат в организационном отношении с кассационным Сенатом, стал возможно скорее законом. Из-за этого стоит мириться со сравнительно второстепенными дефектами закона. Один раз его удалось протащить через Государственный совет, но нельзя без крайней нужды испытывать судьбу второй раз. Наши правые члены, хранившие во время этого спора глубокое молчание, явно наматывали себе мои слова на ус. Но я решил, что при сложившейся конъюнктуре терять нечего, и откровенность не может помешать. В. А. Маклаков махнул рукой и уступил.

Перешли к составлению протокола комиссии. Новое осложнение. Проект протокола был заготовлен заранее в предположении, что будет достигнуто единогласие по вопросу о принятии законопроекта в редакции Государственного совета. Однако ввиду формально заявленного двумя членами согласительной комиссии особого мнения его пришлось не только перередактировать, но приложить к нему и мотивированное особое мнение двух членов.

Это особое мнение, согласно установившейся практике, должно было быть изложено в письменной форме и

заслушано комиссией до подписания протокола. Для этого пришлось бы назначить новое заседание ее через несколько дней. Но конец сессии, по имевшимся у нас сведениям, настолько близок, что в таком случае законопроект не мог бы быть рассмотрен общим собранием Государственной думы в оставшиеся несколько дней. Тогда я предложил подписать протокол в текущем заседании, считать особое мнение двух членов заслушанным в словесном порядке, а им обоим подписать протокол с оговоркой «при особом мнении», с тем, чтобы они внесли свое особое мнение в письменной форме непосредственно в Думу. Это предложение пришло без всяких возражений. Оба диссидента согласились с ним, протокол тут же переписали и все члены комиссии подписали его.

Через неделю Государственная дума одобрила законопроект в редакции Государственного совета. Почти немедленно после этого сессия была закрыта. Утверждение закона государем последовало скоро после прекращения сессии, еще в бытность председателем Государственного совета А. Н. Куломзина. Последний, уже осведомленный о предстоящей своей отставке, не считал нужным привести в исполнение высказанную им угрозу: посоветовать государю отказать в утверждении закона. Распубликование нового закона через Сенат произошло в начале 1917 г., за несколько недель до февральского переворота.

Этим завершилась одна из самых крупных реформ последнего царствования. Реально закон вступил в действие только при Временном правительстве. Октябрьский переворот похоронил его вместе с кратковременной русской конституцией на неопределенное время.

XVIII. Участие Государственного совета в Прогрессивном блоке. Ноябрьская революция 1916 г.

Изложением истории прохождения законопроекта о реформе Сената я несколько нарушил хронологический порядок, в котором протекали характерные для внутренней закулисной истории Государственного совета события 1915–1917 гг. Я возвращаюсь теперь вновь к летней сессии 1915 г.

Самым видным и показательным в симптоматическом смысле фактом в жизни наших законодательных учреждений того времени было образование Прогрессивного блока. Самая идея такого блока принадлежала, сколько мне известно, П. Н. Милюкову, который со свойственной ему настойчивостью и упорством проводил и отстаивал ее в ряде совместных совещаний членов Государственной думы и Государственного совета, имевших место осенью 1915 г. Среди членов Государственного совета эту мысль с особой настойчивостью пропагандировал М.А. Стахович, избранник Орловского земства, представителем которого он являлся в Государственном совете. По его инициативе состоялось первое совместное совещание некоторых членов Государственного совета и Государственной думы в одном из расположенных недалеко от Мариинского дворца ресторанов. В нем от Государственного совета участвовали правый В. И. Гурко, некоторые выборные члены группы центра во главе с председателем группы, бароном В.В. Меллер-Закомельским, беспартийный М.А. Стахович и из

нашей группы А. В. Васильев, М. М. Ковалевский и я. Из членов по назначению не было никого. Среди присутствовавших членов Думы были представители националистов, правых и левых октябристов, прогрессистов и кадетов. П.Н. Милюкова среди них, кажется, не было. Разговор в присутствии постоянно шнырявших мимо нас ресторанных лакеев был не особенно оживленный и велся в довольно неопределенных тонах. Чувствовалась натянутость и какое-то недоверчивое взаимоотношение друг друга со стороны более лево и более право настроенных участников собрания.

Большое волнение вызвало привезенное как раз во время собрания двумя участниками его, членами Думы В. Н. Львовым, в то время еще ярким националистом и антисемитом, и П.Н. Крупенским, известие о том, что государь окончательно решил возложить на себя звание верховного главнокомандующего. Это известие было передано не сразу и не всем. После некоторых экспрессивных охов и ахов, пущенных в пространство В. Н. Львовым, оно было им сообщено весьма конфиденциально двум-трем более близким знакомым его, а через них, как водится, оно быстро дошло и до остальных участников собрания.

Первое впечатление, которое произвело наше собрание на меня, не посвященного ни в какие тайны, было таково, что готовится к постановке крыловская басня о лебеде, раке и щуке. В одном все же сошлись все участники собрания, а именно в том, что дальнейшие собрания невозможно устраивать в ресторанной обстановке. Все с радостью и благодарностью приняли предложение барона В. В. Меллер-Закомельского собираться впредь для продолжения обмена мнениями у него на квартире.

С тех пор все совместные заседания членов обеих законодательных учреждений – участников назревавшего блока – неизменно происходили у него. Барон на них председательствовал, докладчиком по вопросу выработки общей программы блока, естественно, явился П. Н. Милюков. Группы и фракции, изъявившие принципиальное согласие на образование блока, регулярно информировались через своих представителей о ходе переговоров. От Государственного совета в их переговорах систематически участвовали: из правых чисто лично *enfant terrible*²⁸⁹ группы В. И. Гурко, представители центра, беспартийный М.А. Стахович и вышеназванные три представителя нашей группы. Из думских фракций принимали участие, как выше сказано, умеренные правые, националисты, октябристы, прогрессисты и кадеты. Из членов Государственного совета по назначению многие, входившие в группы центра и беспартийных, весьма сочувствовали идее блока. Формально они, по понятным причинам, воздерживались от прямого участия в блоке. Фактически некоторые из них, хотя и не всегда регулярно, появлялись даже на наших заседаниях. Среди них я определенно помню А. Ф. Кони и кн[язя] А. Д. Оболенского (бывшего обер-прокурора Св[ятейшего] синода).

Акт переговоров об образовании Прогрессивного блока, с участием в нем не только членов Государственной думы, но и членов Государственного совета, естественно, в скором

²⁸⁹ С франц. (букв.): ужасный ребенок. Употребляется: в переносном смысле: человек, доставляющий массу проблем; предмет всеобщей тревоги и беспокойства.

времени получил огласку и до чрезвычайности взволновал правительство И. Л. Горемыкина. Со свойственными этому государственному мужу дальновидностью, политическим тактом и общественным чутьем он сразу решил, что это явно пахнет революцией, и что единственный верный способ помешать такой зловредной затее воплотиться в жизнь состоит в немедленном закрытии сессии законодательных учреждений. Последнего он, действительно, очень быстро добился. Однако добить этим путем не рожденного еще политического младенца в утробе матери, если можно так выразиться, Горемыкину, как известно, не удалось.

Переговоры по вопросу о создании Прогрессивного блока не только продолжались и после закрытия сессии, но приняли более быстрый темп. С одной стороны, освободилось значительно больше времени для этой нелегкой работы. С другой стороны, факт неожиданного перерыва занятий законодательных учреждений лишь усилил общее беспокойство и подчеркивал необходимость объединения всех государственно мыслящих и патриотически настроенных элементов Думы и Совета на какой-то общей платформе.

Найти таковую было нелегко: очень уж диспаратны²⁹⁰ были элементы, которые надлежало спаять. Несомненно, в этом деле П. Н. Милюков проявил большое искусство, выдержку и уменье. Лично я убежден, что без него не удалось бы сговориться. Труднее всего было иметь дело с думскими националистами, труднее даже, чем с умеренными правыми, участвовавшими в переговорах. Среди

²⁹⁰ Диспаратны – взаимно несовместимы.

националистов самым закидистым, особенно по еврейскому вопросу, оказался В. Н. Львов. Был момент, когда мне казалось, что бесполезно продолжать переговоры. Я поделился своими впечатлениями с А. И. Шингаревым, который согласился со мной, подошел к П. Н. Милюкову и шепнул ему на ухо, что пора кончать, ничего не выходит, дошли до предела возможных уступок. Но П.Н. [Милюков] невозмутимо продолжал вести свою линию и в конце концов сломил упорство упорствующих. Договорились.

Деталей соглашения, достигнутого между участниками блока, я не помню, да они объективно не представляют особого интереса: Прогрессивному блоку не было суждено сыграть сколько-нибудь заметную роль в дальнейшем ходе событий. Тем не менее симптоматическое значение образования блока было очень серьезное.

Один тот факт, что все национально и государственно мыслящие элементы обеих законодательных палат почувствовали потребность объединиться перед лицом все стремительнее надвигавшейся грозы, и в конце концов, как никак, нашли общий язык, был достаточно показателен. Этот факт уже сам по себе свидетельствовал о назревавшем серьезном сдвиге в психологии русской интеллигенции, из рядов которой вышли если не все, то подавляющее большинство как левых, так и правых активных участников Прогрессивного блока. Я имею в виду сдвиг в сторону пробуждения чувства политической ответственности; спокойной оценки реальных возможностей и несбыточных при данной исторической обстановке отдаленных политических идеалов; наконец, связанного с этим сознания необходимости того разумного оппортунизма в тактике, без которого никакого государственного дела делать нельзя.

Вместе с тем указанный факт являл собою прямое предостережение по адресу власти не перетягивать струны, дабы не лишиться единственного реального социального базиса в стихийном водовороте внутривнутриполитических и военных событий. Это предостережение тем более, казалось, должно было заставить власть призадуматься, что оно исходило от общественно-политических кругов, в горячем патриотизме которых, абсолютной преданности союзному делу и глубоком убеждении необходимости для России довести войну до победного конца можно было усомниться исключительно только либо по недомыслию, либо в порядке умышленного оклеветания политических противников.

В частности, для всякого здравомыслящего человека, сколько-нибудь разбиравшегося в создавшейся обстановке, было ясно одно: для достижения основной цели, стоявшей тогда перед Россией, абсолютно необходимо было согласованное, дружественное, основанное на взаимном доверии сотрудничество между властью и законодательными учреждениями. С этой точки зрения вечные колебания и перемены в составе правительственного аппарата, случайный характер его, отсутствие сколько-нибудь выдержанной линии, растущее влияние безответственных придворных кругов и разных проходимцев, преследовавших свои личные темные, цели, психологически неизбежно должны были выдвинуть коренной вопрос о системе конструкции центрального правительства.

Этого вопроса нельзя было обойти: предоставить в этом отношении все роковому стихийному ходу вещей, не сделав даже попытки поставить означенный вопрос и предложить какое-то разумное решение его, значило идти с открытыми глазами навстречу неминуемой полной правительственной,

а дальше и общей анархии. Этот вопрос и стал центральным вопросом дня для назревавшего блока. Без разрешения его нельзя было ни шагу ступить дальше.

По указанному вопросу среди участников блока обозначились два течения. Одни выдвигали идею ответственного перед Государственной думой министерства²⁹¹. Другие считали более осторожным и согласным с обстоятельствами военного времени ограничиваться требованием формирования такого кабинета, который по составу своему мог бы пользоваться доверием широких общественных кругов и в этом смысле мог бы быть назван кабинетом общественного доверия.

Против первого предложения, особенно горячо отстаивавшегося думской фракцией прогрессистов во главе с И. Н. Ефремовым, решительно возражали все более правые элементы будущей коалиции. Надо признаться, что независимо от личных и партийных мотивов, которыми они руководились, и объективно правда была на их стороне.

Прежде всего, было ясно, что верховная власть добровольно никогда не согласилась бы на введение парламентской формы правления. Последняя могла бы быть добыта только ценой дворцового переворота, о чем в то время, быть может, мечтали отдельные бретеры, но никак не серьезные политические круги. Но и помимо этого парламентская форма правления в условиях военного времени вообще без весьма серьезных коррективов нежизнеспособна, как

²⁹¹ Речь идет о создании правительства, ответственного перед Государственной думой.

показал, между прочим, опыт всех европейских стран, переживших великую войну. Правда, об этом опыте тогда у нас, благодаря тем же условиям военного времени и полному перерыву нормальных сношений между Россией и остальным миром, почти ничего не знали. Все же факт остается фактом. Наконец, если даже оставить в стороне этот момент, о котором в то время можно было догадываться только верхним, так сказать, чутьем, все же нельзя было не считаться с великим, абсолютно неучтимальным по последствиям риском непосредственного перехода от псевдоконституционализма к новой, совершенно неиспытанной даже в условиях мирного времени весьма сложной системе, которая во всех отношениях являла собой великий Икс.

Второе предложение выдвинул П.Н. Милюков. Предложенная им формула, принятая кадетами, оказалась достаточно гибкой, чтобы на ней могли сойтись остальные участники блока. Она формально не ограничивала свободу выбора монарха при составлении кабинета и не предрешала последствий возможного со стороны думского большинства заявления о том, что данный кабинет в целом или отдельный министр перестал пользоваться доверием, – кого? не Государственной думы, а общества? Но каким образом можно было бы формально установить, утрачено ли доверие неувлимого левиафана-общества, или нет? Ведь признанных органов у этого левиафана, в противоположность левиафану-государству, никаких нет. С другой стороны, будучи гибкой, эта формула отнюдь не заслуживала того упрека в бессодержательности, который выдвигали против нее. Она с достаточной ясностью выдвигала вполне определенную мысль: Государственная дума готова работать со всяким правительством, члены которого будут

пользоваться общественным доверием по своему прошлому или сумеют приобрести таковое по характеру своей деятельности в качестве министров. Для того же, чтобы могло явиться и удержаться доверие к ним, оно, очевидно, должно быть взаимным и практически покоиться на каком-то созвучии политики правительства с компромиссными, программными требованиями коалиционного думского большинства, встречающего моральную и политическую поддержку и в Государственном совете.

Итак, на этой формуле сошлись. Думские прогрессисты присоединились к ней, правда, с большой неохотой, и через некоторое время формально опять отказались от нее, вернувшись к требованию ответственного министерства. Практически от этого безответственного шага ничего не изменилось, так как связь их с остальными коалиционными группами от случая к случаю этим не была оборвана. Но заклятые враги Прогрессивного блока, конечно, не преминули использовать лишнее оружие, предоставленное им подобной диверсией прогрессистов.²⁹²

Что касается Государственного совета, то окончательное формирование Прогрессивного блока произвело очень сильное впечатление на высокое собрание. Крайние правые, лидером которых после кончины П. Н. Дурново был избран И. Г. Щегловитов, были, конечно, вне себя. Но общий тон определяли уже не они. Новый вольный дух, которым повеяло в Совете, оказался сильнее, чем можно было ожидать. Большую роль в насаждении и укреплении его сыграл в то время лидер центра, барон В. В. Мел-

²⁹² Так в документе.

лер-Закомельский, который в известном смысле стал центральной фигурой Государственного совета. Председатель Совета А. Н. Куломзин окончательно растерялся и стушевался. Вице-председатель И. Я. Голубев всею душою сочувствовал новому течению и поддерживал его с высоты председательской трибуны, на которой он все чаще и чаще стал заменять нашего жалкого председателя: последний систематически стал сказываться больным перед каждым новым критическим днем в жизни Государственного совета. А число таких дней все росло.

Установилась практика внеочередных политических выступлений представителей группы центра и нашей группы как в начале новой сессии, так и по поводу деклараций быстро менявшихся кабинетов. Практика эта была создана сообща бар[оном] Меллер-Закомельским и мною. Мы пользовались такими случаями, чтобы выявлять принципиальную солидарность наших групп с выступлениями представителей Прогрессивного блока в Государственной думе, обращали внимание на растущую непопулярность правительственного курса и главных руководителей его, на опасности, связанные с продолжением такого курса, на необходимость согласованной деятельности правительства с законодательными учреждениями. При этом Владимиру Владимировичу силою вещей приходилось выражаться в более дипломатичной и осторожной форме, тогда как на мою долю выпадала задача более определенного выявления нашей позиции.

Оппозиционное настроение большинства Государственного совета все нарастало. Своего апогея оно достигло в ноябре 1916 г. Патриотическое беспокойство и невольный страх за общий ход событий на войне и внутри страны и

вырисовывающиеся все ярче на политическом горизонте гипократические черты разлагавшейся на глазах у всех государственной машины стали брать верх над соображениями бюрократической осторожности и вытекавшей из подобных стремлений тенденцией воздерживаться от всего, что могло бы оказаться *mal vu*²⁹³ при дворе.

Барон Меллер-Закомельский, нащупав почву, созвал совместное совещание, преимущественно из членов группы центра, беспартийных и нашей группы, для обсуждения общего положения дел и для решения вопроса о том, какую позицию следует занять Государственному совету перед лицом развертывающихся событий. Ближайшим поводом к созыву совещания послужили полученные из думских кругов сведения о том, что в Думе предстоит заседание, специально посвященное обсуждению общего политического положения. Оно должно было закончиться принятием недвусмысленной политической резолюции, направленной против пагубного правительственного курса, толкающего страну в бездну. Эта резолюция, облеченная в форму мотивированного перехода к очередным делам, имела быть внесена от имени думских фракций, вошедших в Прогрессивный блок. В связи с этим возникал вопрос о согласованном выступлении обеих законодательных палат.

Совместное заседание трех групп Государственного совета, о котором я только что упоминал, состоялось в Мариинском дворце, в роскошном зале бывших соединенных департаментов дореформенного Государственного совета. Оно было очень многолюдное. Наряду с выборными

²⁹³ *Mal vu* (франц.) – на плохом счету.

членами в нем принимали участие и многие члены по назначению. Председательствовал барон Меллер-Закомельский. Настроение собрания было явно повышенное.

Конкретный вопрос, который надлежало решить участникам совещания, сводился к тому, следует ли Государственному совету выявить свое отношение к создававшемуся положению в форме мотивированного перехода к очередным делам. Никакого конкретного проекта текста соответствующей резолюции не было заранее заготовлено. Такого текста к тому времени не успели еще выработать и сторонники Прогрессивного блока в Думе.

Сразу выяснилось, что никто из присутствовавших принципиальных возражений против созыва специального заседания для обсуждения общего тревожного положения и вынесения по этому поводу политической резолюции не имеет. Вопрос непосредственно перешел к тому, какие мотивы должны быть в ней выдвинуты. На этой почве произошел весьма оживленный и откровенный по содержанию обмен мнениями. С большой речью выступил, между прочим, кн[язь] А. А. Оболенский, бывший обер-прокурор Св[ятейшего] синода. Я по тактическим соображениям по возможности держался в стороне, но стал отмечать главные мотивы, проглядывавшие в речах ораторов и встречавшие сочувствие всего собрания, и соответственно с этим набросал проект резолюции, на которой собрание могло бы остановиться. После речи кн[язя] Оболенского, который в известном смысле подвел итоги всему ранее сказанному, я попросил слова и, вкратце разъяснив методы составления мною резолюции, доложил последнюю собранию. В ней фигурировали все наиболее

животрепещущие политические мотивы, владевшие тогда умами, вплоть до упоминания о зловещем влиянии безответственных темных сил на политику правительственных сфер. Кн[язь] Оболенский сразу подхватил ее, никто не представил никаких возражений ни по существу, ни по форме против резолюции, председатель поставил ее на голосование, и она была единолично принята собранием.

После этого перешли к вопросу о технике внесения и проведения резолюции. Решено было обратиться к И. Я. Голубеву, как заместителю заболевшего очередной болезнью председателя Государственного совета, с просьбой созвать по данному поводу особое заседание общего собрания Совета. Далее был поставлен вопрос о том, кому следует подписать одобренную настоящим совещанием резолюцию, отредактированную в форме мотивированного перехода к очередным делам. По Наказу Государственного совета в таких случаях необходимо было собрать подписи не менее 30 членов Совета. Решили, что подписи будут отбираться только у выборных членов, члены же по назначению ввиду деликатного положения их освобождаются от этого. Засим установили, кто будет выступать в общем собрании с речами. Помню, что от группы центра были намечены барон Меллер-Закомельский и один из членов польского коло, если не ошибаюсь, И. А. Шебеко, далее гр[аф] Д. А. Олсуфьев, А. Ф. Кони, от нашей группы кн[язь] Е.Н. Трубецкой, я и примыкавший к нам М.А. Стахович. Наконец, поставили ознакомить с текстом резолюции не участвовавших в данном совещании членов Совета, на сочувствие и поддержку которых можно было бы рассчитывать.

После того как наше собрание благополучно закончилось, ко мне обратился член нашей группы, С. С. Крым, кадет и бывший член

Государственной думы, заменявший в Государственном совете престарелого избранника Таврического земства Е. В. Рыкова. С. С. Крым должен был повидаться в тот же вечер с П. Н. Милюковым и просил меня снабдить его копией только что принятой резолюции, чтобы иметь возможность конфиденциально познакомиться с ней П.Н. Милюкова и других думцев. Его желание, разумеется, немедленно было исполнено мною. Впоследствии он мне сообщил, что наша резолюция была встречена в думских кругах с полным удовлетворением; было признано желательным положить ее в основу собственной думской резолюции и построить последнюю во всех существенных чертах по ее типу. Действительно, принятый вскоре после этого Думою по данному вопросу мотивированный переход к очередным делам и по существу, и по форме очень близко подходил к вышеупомянутой резолюции нашего совещания.

Зато в Государственном совете она подверглась в группе центра пересмотру в направлении смягчения редакции ее. Это явилось последствием того, что группа центра признала необходимым до внесения выработанного текста мотивированного перехода к очередным делам ознакомить с ним не только И. Я. Голубева, что было вполне естественно, но и председателя Совета министров, каковым в то время состоял А. Ф. Трепов. По всей вероятности, это произошло по настоянию членов группы центра по назначению. А. Ф. Трепов, разумеется, отнесся вполне отрицательно к самой мысли о подобном рода политическом выступлении в стенах Мариинского дворца. В былое время вопрос был бы

ликвидирован, несомненно, в порядке незамедлительного закрытия сессии. На это Трепов, однако, не решился, за что он вскоре и был отрешен от должности и заменен совершенно уже безличным и безвольным кн[язем] Голицыным, являвшимся простой пешкой в руках придворных сфер. Трепов в данном случае ограничился заявлением: раз президиум Государственного совета в лице И. Я. Голубева вообще берет на себя ответственность созыва Государственного совета по подобному поводу, то уже во всяком случае редакция предполагаемого перехода к очередным делам должна быть подвергнута основательной переработке. Начался торг. Совершенно отказаться от намеченного политического наступления и вынесения соответствующей резолюции центр не признал возможным. На это выборные члены группы во главе с председателем группы, бароном Меллер-Закомельским, не шли. Но зато решили в порядке компромисса попытаться смягчить редакцию ее, дабы не довести дела до раскола группы.

В конечном результате была составлена новая редакция резолюции. Деталей не помню; в памяти осталось у меня, что выражение «темные силы», признанное особенно неудобным, исчезло и было заменено более дипломатическим оборотом. Сверх того, были произведены еще некоторые изменения и сокращения. Все же, в общем, благодаря настояниям председателя группы не только основной смысл первоначальной резолюции, но в значительной мере и текст ее, были сохранены.

Надо заметить, что переделка резолюции была произведена не только без участия, но и без всякого предупреждения нашей группы. Последняя ввиду этого, ознакомившись с новым текстом резолюции, решила подписей своих членов

под него не давать и саму резолюцию, ввиду невозможности при данных условиях провести резолюцию в первоначальном виде, голосами своими поддержать. Об этом мною было доведено до сведения президиума группы центра.

Наступил день общего собрания, происходившего под председательством И. Я. Голубева. Настроение собрания было крайне напряженное и нервное. Нервничал и наш председательствующий. Ярким доказательством этого послужил следующий инцидент. Первые речи должны были быть произнесены бароном Меллер-Закомельским и мною как лидерами наших групп. Когда я после выступления барона стал подниматься на трибуну, И. Я. Голубев, восседавший на своем высоком председательском кресле, наклонился ко мне и прошептал: «Пощадите государя императора». Я мог только ответить, что ему в этом отношении опасаться нечего, так как я принципиально считаю недопустимым втягивать неприкосновенную особу монарха в политические дебаты, никогда раньше этого не делал и впредь делать не намерен.

Не буду воспроизводить прений, имевших место в этом историческом заседании. Скажу лишь, что двумя самыми блестящими по содержанию и по форме выступлениями в этот день были выступления гр[афа] Д. А. Олсуфьева и кн[язя] Е. Н. Трубецкого. Все, что волновало в те времена сердца русских патриотов, нашло яркое, потрясающее выражение в речах обоих названных ораторов.

Пока ораторы сменяли друг друга на трибуне, в зале заседания собирали подписи под мотивированным переходом к очередным делам, выработанным центром. При этом обнаружилось, что многочисленные группы центра не в состоянии собственными силами собрать требуемое Наказом

число подписей в количестве тридцати: очевидно, не только члены по назначению, но и часть выборных членов не желали открыто компрометировать себя перед властью. Недоставало не то трех, не то четырех подписей. Положение становилось критическим: грозила опасность, что прения будут объявлены законченными и никакого перехода к очередным делам не будет предложено. Члены нашей группы, ввиду принятого группой решения, затруднялись ставить свои подписи и обращались ко мне с вопросом, как быть. Собрать группу для пересмотра прежнего решения не было времени. Приходилось решать самому. Принимая во внимание, что редакция, предложенная центром, в общем была вполне приемлема для нас, я заявил: принципиально образ действия группы центра в данном случае был некорректен, а потому я лично по званию лидера нашей группы в знак протеста не считаю возможным дать свою подпись, но полагаю допустимым, чтобы под предложением центра подписалось столько членов нашей группы, сколько недостает подписей для того, чтобы предложение центра могло быть поставлено на голосование. Так и сделали.

По окончании прений формула центра была прочитана и поставлена на голосование. Голосование было закрытое, и формула прошла весьма значительным большинством голосов. Было ясно, что не только наши обе группы, но и целый ряд беспартийных и правых членов не сочли возможным уклониться от своего общественно-патриотического долга, и вместе с нами подняли свой предостерегающий голос против системы безволия и каприза, подтачивавшей в корне вечное доверие к власти и неумолимо толкавшей страну в разверзшую уже бездну.

В заключение не могу не упомянуть об одной маленькой, но в своем роде тоже очень характерной сцене, имевшей место по окончании заседания. У дверей зала общего собрания, по заведенному обычаю, стояли старые служители, одетые в форму придворных лакеев, которые распахивали двери перед выходящими из зала членами Государственного совета. Это были очень вышколенные люди, отлично умевшие сохранять каменное выражение лица, на котором ничего нельзя было прочесть. И вот, на этот раз, когда мы, нравственно удовлетворенные тем, что Государственный совет оказался на высоте, выходили из зала заседания, оживленно обмениваясь впечатлениями по поводу результатов голосования, и когда я случайно встретился глазами с распахивавшим перед нами двери служителем, я вдруг заметил, что этот старый служака сочувственно улыбнулся мне. «И ты, Брут²⁹⁴», – невольно подумалось мне. И в этой среде вопросы, волновавшие нас, нашли свой отклик и вызвали определенную оценку.

После февральского переворота²⁹⁵ я неоднократно имел случай вспоминать эту сценку и убедиться в том, что таких брутов среди низших служащих Государственного совета, несмотря на весь тщательный подбор их, было много, – гораздо больше, чем можно было ожидать.

²⁹⁴ В 44 г. до н. э. в Древнем Риме группа республиканцев во главе с Гаем Кассием Лонгином и Юнием Брутом устроила заговор против Гая Юлия Цезаря. Увидев среди убийц своего друга Брута, Цезарь с упреком крикнул: «И ты, Брут!».

²⁹⁵ Автор имеет в виду Февральскую революцию 1917 г.

XIX. Новый напор правых. Чистка состава Государственного совета на 1 января 1917 г. Начало конца

Рост оппозиционного настроения в Государственном совете и формы, в которые оно стало выливаться, не могли не вызвать крайнего раздражения в придворных сферах и в правительственных кругах, которые не привыкли к проявлению самостоятельности и вольнодумства со стороны верхней палаты и считали подобные явления абсолютно недопустимым вольтерьянством.

Этим раздражением решили воспользоваться крайне правые, во главе которых после смерти П. Н. Дурново стал такой ни перед чем не останавливающийся человек, как И. Г. Щегловитов. Под водительством его активность правых, несколько ослабевшая за время продолжительной болезни П. Н. Дурново, сведшей его в могилу, быстро стала вновь возрастать.

Уже на реформу Сената, проведенную в комиссии, с точки зрения означенных крайних элементов, благодаря попустительству правого сектора Совета, они смотрели более чем косо. Недаром Щегловитов, избранный, благодаря ловкому маневру С. С. Манухина, докладчиком законопроекта, в последнюю минуту, когда законопроект уже был поставлен на повестку общего собрания Государственного совета, счел нужным внезапно заболеть и тем самым уклониться от защиты его против нападков его политических друзей. Недаром в общем собрании барон Р. А. Дистерло выступил в самой резкой форме против законопроекта. В

данном случае время все же оказалось упущенным: законопроект пришел, даже часть правых подала голос за него.

А тут еще неслыханная ноябрьская резолюция, принятая большинством Государственного совета. Она подействовала на крайние элементы как удар хлыстом: *Hannibal ante portas*²⁹⁶. Такие вещи не должны были повторяться. Надо было опять занять твердую и определенную позицию и показать одинаково как Государственной думе, так и сочленам по Государственному совету, вольно или невольно впавшим в ересь жидомасонства, что правые вновь будут твердо стоять на страже «исконных начал русской государственности» и не потерпят никаких дальнейших послаблений и компромиссов.

Конкретно отсюда вытекали две ближайшие задачи. Первая состояла в сугубо критическом отношении ко всем думским законопроектам, которые так или иначе, прямо или косвенно могли бы угрожать основам. Вторая задача сводилась к решительной борьбе против всяких попыток заводить в Государственном совете думские порядки, как то междуфракционные коалиции или блоки с политической окраской, внеочередные политические выступления и резолюции, направленные своим острием против власти предержавных, и т. п... Для достижения этой второй цели надлежало настаивать на систематическом, без всяких колебаний и снисхождения, применении всех находившихся

²⁹⁶ *Hannibal ante portas* (лат.) – «Ганнибал у ворот». Латинское крылатое выражение; употребляется, как указание на близкую и серьезную опасность.

в распоряжении правительства мер воздействия и давления на инакомыслящих сочленов, в особенности же на членов Государственного совета по назначению.

Пробным шаром для испытания новой тактики правых в отношении законопроектов, прошедших через Государственную думу в порядке законодательной инициативы, был избран законопроект о кооперативных товариществах и союзах таковых. Законопроект устанавливал, взамен стеснительной разрешительной системы и строгой опеки со стороны местной администрации над такого рода товариществами, весьма льготные условия для возникновения их; им предоставлялась широкая свобода действий; допускалось объединение их в крупные союзы; они фактически освобождались от всякого реального контроля за ними со стороны местных административных властей.

В правых кругах законопроект, внесенный в Государственную думу от имени Прогрессивного блока, вызвал крайне отрицательное отношение к себе: кооперативные деятели вообще были у них, да не только у них, на плохом счету; на кооперацию смотрели как на форпост революции. Было решено взять законопроект под самый решительный обстрел.

Обстоятельства не позволяли, однако, добиться прямого отклонения законопроекта при первом чтении, без передачи его в комиссию. Для этого в 1916 г. уже нельзя было собрать большинство. Пришлось согласиться на образование особой комиссии для рассмотрения его. Председателем комиссии был избран гр[аф] В. Н. Коковцов. От группы правых в нее вошел, между прочим, А. С. Стишинский, который сразу занял в комиссии весьма воинственную позицию. Со стороны представителей центра, который, видимо, тоже

относился к законопроекту без особой симпатии, эта позиция встречала лишь весьма слабый отпор. От нашей группы в комиссию вошли два члена, а именно, сколько помнится, В. И. Вернадский и я.

Законопроект, как почти все более или менее сложные законопроекты, поступившие из Думы, в техническом смысле страдал целым рядом недостатков. Самым существенным недостатком являлась попытка ограничиться для всех разновидностей кооперативных товариществ одной общей, и благодаря этому довольно бедной содержанием системой норм, без надлежащей индивидуализации главных типов кооперативных организаций, – потребительных, производительных, страховых, кредитных.

На вытекающие из такой конструкции законопроекта весьма серьезные неудобства обратил особое внимание во время общих прений гр[аф] В. Н. Коковцов. В частности, он очень убедительно доказывал абсолютную невозможность урегулировать положение кредитных кооперативов в рамках данного законопроекта. Для того чтобы обеспечить правильное функционирование и надлежащий контроль над их операциями, пришлось бы подвергнуть законопроект коренной переработке: это было бы равносильно замене его новым, по существу, законопроектом и потребовало бы очень много времени. Другим выходом явилось бы внесение в законопроект в той или иной форме оговорки, что он не распространяется на кредитные кооперативы, с исключением из текста законопроекта всех указаний на них. В таком случае в отношении кредитных кооперативов до поры до времени сохранило бы силу положение об учреждениях мелкого кредита. Что касается остальных форм кооперативных товариществ, то граф находил возможным в общем и

целом подчинить их действию предполагаемого нового закона, с внесением в него некоторых второстепенных изменений.

Комиссия вполне согласилась с соображениями гр[афа] Коковцова и единогласно постановила остановиться на втором из предложенных им двух выходов.

Кстати, замечу, что я об этом постановлении комиссии немедленно довел до сведения членов нашей группы. Лично меня гр[аф] Коковцов вполне убедил. Но нельзя было закрывать глаза на то, что означенное постановление уже само по себе могло породить серьезный конфликт с Думою, которая очень дорожила проведением настоящего законопроекта в жизнь. Обсудив создавшееся положение в особом заседании, наша группа решила созвать совещание с участием некоторых видных кооператоров для ознакомления их с ходом этого дела в комиссии и для выслушания их замечаний. Такое совещание состоялось на квартире одного из членов нашей группы, с участием Н. В. Чайковского и некоторых других известных представителей кооперации.

Я сделал подробный доклад и изложил соображения, по которым комиссия Государственного совета признала нужным изъять кредитные кооперативы из действия нового закона. После этого произошел оживленный обмен мнениями²⁹⁷. Присутствовавшие кооператоры все, как один человек, восстали против постановления комиссии. Однако их критика не выходила из области общих бессодержательных фраз: ни одного солидного конкретного довода против

²⁹⁷ Так в документе.

позиции комиссии никто из них не сумел привести. Получился один безответственный лепет безответственных людей. Таково было общее впечатление всех членов нашей группы, принимавших участие в упомянутом совещании. Если до этого среди нас были еще колеблющиеся по данному вопросу, то после совещания все единогласно признали, что позиция комиссии, занятая ею в этом отношении, ничем не поколеблена, и что другого реального выхода, кроме предлагаемого ею, при данных условиях не может быть придумано.

Быть может, по этому пункту, в конце концов, удалось бы сговориться с Государственной думой. Но большинство комиссии, после перехода к постатейному чтению законопроекта, под все усиливающимся напором правых элементов, косвенно поддержанным колеблющейся позицией центра, внесло целый ряд других изменений в законопроект, которые в совокупности делали его совершенно неприемлемым для Думы.

Для иллюстрации укажу на два пункта. Законопроект устанавливал беспрепятственное право отдельных кооперативных товариществ объединяться в союзы. Было известно, что Государственная дума придавала этому моменту очень большое значение. Большинство комиссии так сузило предел применимости указанного принципа и обставило его проведение в жизнь столь стеснительными условиями, что упомянутое право становилось пустым звуком. С другой стороны, право участия в кооперативных товариществах и, в частности, в исполнительных органах их было обставлено совершенно невероятными ограничениями, заимствованными из постановлений, регулировавших право участия в выборах в Государственную думу и в органы

местного самоуправления. И этот пункт, имевший целью обеспечить за местной администрацией широкую возможность контроля за личным составом кооперативных товариществ и вмешательства в их внутреннюю жизнь, был заведомо неприемлемым для Думы. Меньшинству комиссии в таких случаях оставалось одно: заявлять, что оно остается при особом мнении. Эти особые мнения приходилось составлять мне.

В общем, с очевидностью обнаружилось, что центр из-за этого законопроекта не желал обострять своих отношений с правыми. В результате плодотворной работы комиссии законопроект в редакции большинства ее стал на себя не похож. На этой почве получился неслыханный конфуз. По окончании работы комиссии возник вопрос об избрании докладчика. Оказалось, что никто из большинства комиссии не желал принять на себя обязанности докладчика. Правые отказывались, потому что они даже в той изуродованной форме, какую законопроект приобрел благодаря их же стараниям, не считали возможным его поддерживать. Представители центральных группировок чувствовали, наоборот, неловкость в лице своего докладчика поддерживать и защищать редакцию комиссии, явно неприемлемую для Государственной думы: попустительствовать правым в комиссии они считали возможным, но принимать на себя ответственность за такое попустительство они не хотели; открытого конфликта с Думой они тоже не желали. Тогда председатель комиссии гр[аф] Коковцов в поисках докладчика обратился ко мне. Я с удивлением спросил его, каким образом вообще могла зайти речь о моей кандидатуре. Ведь докладчик обязан защищать мнение большинства комиссии. Я этого очевидно не в состоянии сделать, так как

по всем основным пунктам разногласия с Государственной думой, за исключением вопроса об изъятии из действия закона кредитных кооперативов, я регулярно оставался в меньшинстве и подавал особые мнения: их я и буду поддерживать при рассмотрении законопроекта в общем собрании Совета.

Гр[аф] Коковцов тем не менее продолжал убеждать меня не отказываться от избрания меня докладчиком, на что он уже заручился согласием остальных членов комиссии. Следует, несмотря на все, сделать попытку провести закон в общем собрании в редакции, в общем приемлемой для Думы. Само собою разумеется, что по вопросам, по которым я остался в меньшинстве, я буду защищать мнение не большинства, а меньшинства комиссии. По некотором раздумье я заявил ему, что согласен не отказываться от выставления моей кандидатуры, но при одном только условии: чтобы все члены комиссии были осведомлены о том, что я оставляю за собой полную свободу действий; я не только не буду поддерживать мнения большинства по всем вопросам, по которым я остался при особом мнении, но самым определенным образом буду подчеркивать, что я решительный противник законопроекта в том виде, какой ему придан большинством комиссии. Эта моя принципиальная точка зрения будет проявлена мною не только в стадии постатейного обсуждения законопроекта, но и в моем вступительном докладе, в котором мне придется дать общую характеристику думского законопроекта и характеристику изменений, внесенных в него большинством комиссии. Во избежание всяких нареканий я повторил это заявление, сделанное председателю комиссии, в заседании комиссии, до приступа к избранию докладчика. Несмотря на это, я в

нарушение всех традиций был единогласно избран, если можно так выразиться, докладчиком от противного. Могу себе объяснить это только тем, что правые рассчитывали, по окончании прений по общим основаниям законопроекта, добиться сразу отклонения его без перехода к постатейному чтению. Что касается центра, то его расчет скорее всего был построен на спасительности принципа закрытых баллотировок.

В дальнейшем законопроект постигла довольно неожиданная судьба. Обсуждение его в общем собрании Государственного совета не состоялось. Законопроект был назначен к слушанию в самый день 27 февраля 1917 г. Утром этого дня был опубликован высочайший указ о перерыве занятий законодательных учреждений²⁹⁸, а к вечеру того же дня уже начало выясняться победное шествие революционного движения, приведшего к падению монархии и переходу власти в руки Временного правительства. Последнее вскоре после этого утвердило и распустило закон о кооперативных товариществах и союзах их в редакции Государственной думы²⁹⁹.

Кстати сказать: насколько основательны были опасения гр[аф] Коковцова по поводу включения в думский

²⁹⁸ 25 февраля 1917 г. император Николай II подписал указ о прекращении 26 февраля заседаний Думы и Государственного совета до апреля.

²⁹⁹ 20 марта 1917 г. Временным правительством было утверждено «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» в редакции Государственной думы.

законопроект кредитных кооперативов, тому свидетельством служит следующий красноречивый факт. Вскоре после вступления в силу нового закона ряд крупных обществ взаимного кредита стали хлопотать о приравнивании³⁰⁰ их к кредитным кооперативам, иначе говоря, об освобождении их от всякого правительственного контроля за их операциями. Соответствующее представление Министерства финансов, которым тогда управлял А. И. Шингарев, было передано в образованное при Временном правительстве в целях разгрузки его совещание товарищей министров, председателем которого я в то время состоял. Это дало мне возможность помешать осуществлению означенного домогательства. Ознакомившись предварительно с более чем краткой и совершенно бессодержательной объяснительной запиской министерства, приложенной к представлению его, я во время заседания предложил присутствовавшему товарищу министра финансов несколько недоуменных вопросов и попросил его разъяснить собранию, каким образом ведомство решилось войти с подобным представлением. Товарищ министра уклонился от прямого ответа. Он заявил, что в подробности дела не посвящен, так как оно возникло не по той части, которой он ближайшим образом заведует. Тогда я предложил вернуть представление ведомству и затребовать от него дополнительные объяснения. Так и постановили. Нового представления на эту тему в бытность мою председателем совещания товарищей министров я уже не дождался. Ведомство спохватилось и признало свою ошибку.

³⁰⁰ Так в документе.

Возвращаюсь после невольного отступления к ближайшей моей теме. Я уже указывал на то, что параллельно с возобновлением заостренной борьбы против думских законопроектов, неугодных правым, – борьбы, в конечном счете направленной на срыв всякой возможности разумного сговора между верхней и нижней палатой, – шла подготовка второй борьбы. Ее прямой целью являлось создание такой обстановки, при которой на будущее время в корне была бы пресечена всякая возможность новых выступлений в оппозиционном духе со стороны Государственного совета.

Непосредственной мишенью, в сторону которой стали направляться все удары, естественно, служили недостаточно покорные члены по назначению. Ноябрьская резолюция, вынесенная значительным большинством Государственного совета, ясно обнаружила, как глубоко оппозиционный яд успел проникнуть в ряды их. Надо было сразу и навсегда покончить с игрой в оппозицию назначенных членов Совета.

Общий план действий в этом отношении не отличался чрезмерной сложностью. В первую очередь надо было добиться устранения председателя Государственного совета А. Н. Куломзина за проявленное им полное бездействие и вице-председателя его И. Я. Голубева за то, что он не только нашел возможным мирволить оппозиции, но проявил прямое сочувствие ее субверсивным³⁰¹ тенденциям и дал ей возможность вынести мятежную резолюцию. На втором месте предстояло ослабить ряды оппозиции изъятием достаточного числа строптивых членов по назначению из состава присутствующих членов, с одновременным

³⁰¹ Подрывной, вредительский.

пополнением всех вакансий исключительно одними испытанными сторонниками правой ориентации.

Кто мог доставить материал, необходимый для обоснования этих мер *in concreto*³⁰²? Ответ ясен: *is fecit, cui prodest*³⁰³. Я этим не хочу бросить огульный упрек в полном отсутствии морального чувства на всех наших правых. Политическое ослепление, несомненно, сыграло тут свою пагубную роль, замутив у многих разум и совесть.

Основательная чистка, произведенная 1-го января 1917 г., вполне оправдала все надежды, возложенные на нее правыми.

А. Н. Куломзин и И. Я. Голубев были смещены и заменены: первый – И. Г. Щегловитовым, второй – В. Ф. Дейтрихом. Многолетний вице-председатель И. Я. Голубев, сверх того, был переведен в разряд неприсутствующих членов. Его участь разделил ряд других членов по назначению. В числе их, ко всеобщему удивлению, оказался даже бывший министр народного просвещения, обер-гофмейстер высочайшего двора П.М. фон-Кауфман-Туркестанский. За что, собственно, последнего могла постигнуть подобная кара, для непосвященных в тайны верхов так и осталось неизвестным. Вместе с тем в Государственный совет был назначен целый ряд новых членов, рекомендованных кем следует в качестве правых адамантов³⁰⁴. К числу их

³⁰² *In concreto* (лат.) – в действительности, в определенном случае, фактически.

³⁰³ *Is fecit, cui prodest* (лат.) – сделал тот, кому выгодно.

³⁰⁴ Адамант (анг.) – непреклонный, твердый, несокрушимый.

принадлежали, между прочим, бывший товарищ министра внутренних дел и один из главных инициаторов избирательного закона 3 июня 1907 г., государственный секретарь С.Е. Крыжановский, который, в отступление от всяких традиций, был назначен членом Государственного совета с оставлением его в должности государственного секретаря, – и неоднократно упоминавшийся мною бывший товарищ министра народного просвещения, сенатор первого департамента Сената, барон М. А. Таубе.

В первом же заседании Государственного совета после возобновления сессии в феврале 1917 г. стало ясным, какая участь, при создавшихся условиях, была уготована Государственному совету, в каком духе новый председатель предполагал руководить заседаниями Совета, какой муштре имелось ввиду подвергнуть высокое собрание. Яркой иллюстрацией нового курса служил инцидент, разыгравшийся в самом начале заседания, когда И. Г. Щегловитов отказал барону

В. В. Меллер-Закомельскому и мне в предоставлении нам слова для внеочередного заявления по вопросам, выдвинутым текущим политическим моментом. Об этом столкновении с ним мне уже приходилось упомянуть раньше (гл[ава] VII). Здесь я напоминаю о нем только для полноты картины.

Двумя неделями позже вспыхнула Февральская революция. Как раз 27-го февраля было назначено заседание Государственного совета. В тот же день был опубликован высочайший указ о перерыве занятий законодательных учреждений. Об этом, как я уже упоминал, меня утром по телефону предупредил И. Г. Щегловитов, с просьбой, обращенной ко мне как председателю прогрессивной

группы, передать остальным членам группы, чтобы они не трудились приезжать в Мариинский дворец.

Через короткое время опять раздался звонок в телефон. На этот раз звонил ко мне член Государственного совета Н. С. Крашенинников, стяжавший в свое время известность выступлениями в качестве обвинителя на процессе «выборжцев»³⁰⁵. С ним мы неоднократно встречались в разных комиссиях Государственного совета. Человек он был, несомненно, умный, юрист весьма сведущий, и в этой плоскости с ним всегда можно было стовориться, раз только не заходила речь о вопросах политических: тут крайняя правизна его исключала всякую возможность какого-либо контакта.

Н. С. Крашенинников жил в то время где-то поблизости от здания окружного суда³⁰⁶. Позвонил он ко мне, как

³⁰⁵ Процесс над депутатами I Государственной думы, обвиненными в распространении Выборгского воззвания от 10 июля 1906 г. В результате 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Почти все были осуждены на три месяца тюремного заключения и лишены избирательных прав.

³⁰⁶ Создан в результате реформы 1864 г. Он состоял из гражданского и уголовного отделений, а уголовное отделение – из коронного суда и суда присяжных заседателей. В заседаниях участвовало не менее трех коронных судей (председатель и два члена). Суд состоял из председателя и других членов, назначаемых царем по представлению министра юстиции. Окружные суды создавались в судебных округах, объединявших несколько уездов. Им были подсудны все, за редким исключением, уголовные дела,

оказалось, чтобы поделиться впечатлениями по поводу перерыва сессии и разрастания беспорядков, в которых стали принимать участие солдаты некоторых запасных гвардейских батальонов. Я заметил, что считаю перерыв сессии крупной политической ошибкой и великим несчастьем, особенно в данный момент. Этот факт уже сам по себе подливает масла в огонь, а сейчас, когда беспорядки, видимо, принимают весьма грозный оборот, перерыв грозит прямо-таки неисчислимыми бедствиями: он лишает Государственную думу возможности собраться на законном основании и проявить умеряющее влияние на разбушевавшиеся страсти. На что я получил от него следующий классический ответ: «Вот как Вы смотрите, а я полагал, что перерыв сессии как раз пришелся очень кстати: ведь я все равно сегодня не мог бы попасть на заседание Государственного совета, – все улицы кругом запружены бесчинствующей толпой, поджегшей здание окружного суда». Вот как способны были расценивать то, что происходило, даже очень умные бюрократы.

После этих двух телефонных разговоров пошли такие же разговоры с членами нашей группы. Вот они после этого собрались у меня на квартире на частное совещание. В

неподсудные мировым судьям. Дела о преступлениях, за которые в законе были установлены наказания, сопряженные с лишением или ограничением прав состояния, рассматривались окружным судом с присяжными заседателями. По гражданским делам окружным судам были подсудны дела, сумма иска которых превышала 500 руб. Дела в этих судах рассматривались либо коллегией из трех судей, либо судьей с сословными представителями, либо судьями с участием присяжных заседателей.

результате короткого обмена мнением мы решили отправиться in cogrore в Мариинский дворец, чтобы добиться более точной информации о разворачивающихся событиях и войти в контакт с другими группами.

В Мариинском дворце мы застали довольно много членов Совета, в особенности выборных, из состава центра и беспартийных. Назначенных членов и правых было очень мало. Здесь же находился новый член Государственного совета С. Е. Крыжановский. От него мы узнали, что как председатель Государственного совета, так и вице-представитель его арестованы революционерами и отведены в Таврический дворец.

В одном из зал³⁰⁷ Мариинского дворца происходило какое-то совещание некоторых министров. Собравшиеся члены Государственного совета, среди которых преобладали участники Прогрессивного блока, собрались на совещание.

Озабоченно стали обсуждать создавшееся положение и ближайшие шаги, которые могли бы быть предприняты. Время шло, наступал вечер. В том же зале, где мы заседали, несколько в стороне от нас, сидел С. Е. Крыжановский; он внимательно прислушивался к прениям, но участия в них не принимал. Под конец он встал и ушел, сказав, что пойдет посмотреть, что делают «остатки правительства», заседавшие в другом зале.

Наше совещание затянулось до ночи. Оно постановило по предложению М. А. Стаховича отправить государю телеграмму за подписью всех участвовавших в совещании

³⁰⁷ Так в документе.

членов Государственного совета. Составление текста телеграммы было поручено кн[язю] Е. Н. Трубецкому и А. И. Гучкову. В телеграмме говорилось, что такие-то нижеподписавшиеся члены Государственного совета почитают своим верноподданническим долгом указать на крайне тревожное положение дел в столице, на опасность, угрожающую династии, на настоятельную необходимость изменения правительственного курса и в связи с этим на необходимость перемен в составе правительства, не пользующегося ни авторитетом, ни общественным доверием, к тому же успевшего уже обнаружить полную неспособность справиться с мятежным движением.

Телеграмма немедленно была вручена А. И. Гучкову, который взялся добиться отправки ее от главного начальника почты и телеграфа. Дошло ли оно по назначению, мне неизвестно.

Возвращаясь ночью домой по опустевшим улицам города, мы все время слышали одиночные выстрелы, раздававшиеся то тут, то там в ночной тишине.

В ту же ночь Мариинский дворец подвергся нападению и разгрому со стороны хулиганствовавшей толпы. Три министра, не успевшие оставить дворец ко времени прихода толпы, в том числе Н. Н. Покровский, избежали ареста лишь благодаря тому, что им удалось укрыться в подвалах дворца.

Часть третья

Агония Государственного совета

XX. Ночной налет 27 февраля 1917 г. на Мариинский дворец. Мое назначение комиссаром Временного правительства над Мариинским дворцом и первые шаги в этом звании

Законодательные учреждения как таковые с 27 февраля 1917 г. перестали функционировать.

О том, что здание Государственного совета в ночь с 27 на 28 февраля подверглось разгрому, я узнал на следующий день, вернувшись из Государственной думы, куда нас несколько человек утром отправились за получением информации. Картина полной анархии и растерянности, которую пришлось увидеть там, произвела на меня самое тяжелое впечатление. Под этим впечатлением я выслушал сообщение о ночном разгроме здания Мариинского дворца, доведенное до моего сведения по телефону одним из чинов Государственной канцелярии. Сообщение закончилось просьбой оказать возможное содействие для предотвращения в дальнейшем возможности повторения подобных налетов. По чьей инициативе имело место это обращение ко мне, я упустил выяснить. Судя по голосу, со мной разговаривал молодой человек, исполнявший в бытность И.

Я. Голубева вице-председателем Государственного совета обязанности его секретаря. По всей вероятности, он и в данном случае действовал по указанию Ивана Яковлевича, к которому, ввиду ареста И. Г. Щегловитова и В. Ф. Дейтриха, обратились по старой помощи за советом, как быть.

Я ответил, что, по моему мнению, следует обратиться к быстро сформировавшемуся Временному комитету Государственной думы. Этот Комитет в первые дни после переворота, ввиду фактического исчезновения с арены Совета министров и выяснившегося полного паралича военного командования, являл собой *de facto* единственную власть или, вернее, какое-то подобие власти. Во всяком случае, другой общепризнанной власти в Петрограде уже не было. На обращенную ко мне дальнейшую просьбу взять на себя посредничество в сношениях с Временным комитетом Думы я заявил, что при сложившихся обстоятельствах я считаю своим долгом сделать все, что от меня в этом отношении может зависеть.

Вступить в сношения с Временным комитетом при отсутствии всяких средств сообщения в те дни и при дальности расстояний было далеко не просто. Случай помог. На следующее утро по дороге в Думу ко мне зашли двое из наших сочленов по группе. Я сам должен был отправиться на совещание к барону В. В. Меллер-Закомельскому, у которого участвовавшие в Прогрессивном блоке члены Государственного совета решили собираться первое время по возможности ежедневно. Я попросил зашедших ко мне довести до сведения Временного комитета о происшедшем налете на Мариинский дворец и о необходимости принять меры для охраны здания и помещающихся в нем учреждений.

В ответ на это Временный комитет, без дальнейших околичностей, не запросив даже моего согласия, назначил меня комиссаром по Мариинскому дворцу. Весьма бесформенный по внешнему виду клочок бумаги, гласивший о сем, был доставлен мне через тех же лиц на квартиру барона Меллер-Закомельского во время нашего совещания.

Времени терять нельзя было. Я немедленно отправился в Мариинский дворец, где я застал товарища государственного секретаря Н.Ф. Дерюжинского и статс-секретаря Государственного совета Г. Э. Блоссфельда, заведовавшего отделением свода законов. Я осведомил их о своем назначении и попросил их незамедлительно созвать всех имевшихся налицо старших членов Государственной канцелярии на предмет взаимной информации и выяснения мер, которые в первую очередь надлежало бы принять для охраны здания Государственного совета. В этом здании, сверх апартаментов, отведенных для Государственного совета, его департаментов и Государственной канцелярии, помещались также канцелярия Совета министров, Комиссия прошений, на высочайшее имя приносимых, и Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ.

Мой призыв встретил живой отклик. В этом опять сказалась характерная черта бюрократической психологии. Как только исчезло прежнее начальство, сразу появилась тоска по новому начальству. Формальный титул, на котором покоились полномочия нового начальства, при сложившихся экстраординарных обстоятельствах и безвыходности общего положения, не вызвал никаких споров. Помогло отчасти и то, что я не был чужим человеком для собравшихся.

Меня знали по прежней моей должности в Государственном совете. С другой стороны, и я знал большинство собравшихся за людей, преданных служебному долгу и заслуживающих полного доверия. Благодаря этому между нами как-то сразу воцарилась атмосфера взаимного доверия.

Из устного доклада, сделанного Н. Ф. Дерюжинским, выяснилось следующее. Во время ночного налета целый ряд шкафов с документами и деловыми бумагами был взломан; бумаги и документы были частью разодраны, частью в беспорядке разбросаны; роскошная внутренняя обстановка дворца местами была попорчена; ларь, в котором хранилась пожалованная Государственному совету по случаю 100-летия его учреждения высочайшая грамота, тоже был взломан, а самая грамота уничтожена, и т. д., и т. д... Общее впечатление получилось такое, что, видимо, налетчики очень спешили. В целом ничего непоправимого не произошло. Для выяснения подробностей, восстановления и приведения в порядок попорченного и т. д. тут же была образована комиссия под председательством Н. Ф. Дерюжинского, которая должна была представить мне подробный письменный доклад.

Главный вопрос заключался не в этом. Он сводился к тому, как предотвратить возможность повторения подобных налетов. В этом отношении мною были предложены две меры, которые встретили общее одобрение. Первая заключалась в том, что впредь до дальнейших распоряжений доступ в здание разрешался только по именованным разрешительным билетам за моею подписью. Тут же заготовили и раздали присутствующим почку именных бланков, которые я подписал. Мера же, применявшаяся в течение нескольких недель, кстати сказать, вполне себя оправдала. Начавшееся

уже шатание посторонних лиц, из простого любопытства старавшихся проникнуть во дворец, немедленно прекратилось, и внешний порядок восстановился. Но, конечно, такая мера не устраняла опасности нового вторжения толпы, с которой собственными силами низших служащих нельзя было справиться. Надо было добиться военной охраны дворца. Это дело мне пришлось взять в свои руки.

Общий план был очень простой. К зданию Государственного совета с тыла примыкали казармы л[ейб-]гв[ардии] Третьего стрелкового е[го] и [мператорского] в[еличества] полка, фронтом выходившие на Казанскую улицу. Близкое соседство облегчало назначение караула именно от этого полка. По окончании нашего совещания я на откуда-то добытом автомобиле проехал в Государственную думу. Было уже совсем темно. Таврический дворец³⁰⁸ представлял знакомую всем, кто в те дни побывал в нем, картину. Все помещения его был битком набиты разношерстной толпой, рабочими, солдатами и вообще всеми, кому не лень было

³⁰⁸ С 1906 г. в Таврическом дворце заседала Государственная дума. 25 февраля 1917 г. Николай II своим указом прекратил с 26 февраля занятия Думы и Государственного совета до апреля. Депутаты Думы фактически саботировали указ, создав 27 февраля Временный комитет Государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами. С этого же дня в Таврическом дворце заседает Петроградский совет рабочих депутатов (с 1 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов). Во дворец доставляли арестованных царских сановников и генералов, откуда их препровождали в Петропавловскую крепость.

отправиться туда. В некоторых залах происходили какие-то митинги, слышались выкрики ораторов. Всюду валялись мешки с провиантом и какими-то еще вещами. Было очень трудно протискаться и еще труднее дышать, до того тяжел и сперт был воздух. Кругом царил полумрак. Как будто живая картина из Дантовского ада. Члены Временного комитета Думы в полном изнеможении сидели в одной из небольших боковых комнат дворца. Они, как и все остальные члены Думы, почему-либо задержавшиеся в ней, как-то тонули в общем хаосе.

С трудом я добился того, что за нарядом военной охраны следует обратиться к члену Думы, полковнику Энгельгардту. Еще труднее было разыскать неприглядную коморку, где-то в думских антресолях, в которой он ютился, и совсем уж трудно было добиться от него соответствующего распоряжения. Все же, в конце концов, мне удалось настоять на своем. Он торжественно обещал мне, что на другой же день караул будет наряжен. Обещание было исполнено, правда не сразу и не на другой день, а лишь после повторного понукания моего, дня через 3 или 4. После этого я облегченно вздохнул.

Военный караул, продовольствование которого я распорядился обставить возможно лучше, с отпуском необходимых на этот предмет сумм из кредитов, ассигнованных на Государственный совет, был весьма доволен своей судьбой и нес свою службу весьма исправно. Никаких новых налетов с тех пор не было.

Моя роль комиссара по Мариинскому дворцу этим не кончилась. Я сохранил это звание и при Временном правительстве после назначения меня товарищем министра народного просвещения, каковой пост я принял по

усиленной просьбе моего близкого друга, незабвенного А. А. Мануйлова.

Совмещение этих двух должностей я признал для себя возможным ввиду того, что никакого вознаграждения за исполнение моих обязанностей по Государственному совету я не получал. Побуждало меня и то, что дальнейшая судьба Государственного совета и связанных с ним учреждений, столь важных, как кодификационное отделение Государственной канцелярии и Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, во всех отношениях представлялась совершенно невыясненной. При таких условиях мне казалось, что опыт, приобретенный мною в течение десятилетнего пребывания в звании члена Государственного совета, и добрые личные отношения со многими из его ответственных работников могут еще пригодиться.

Работа моя по званию комиссара Временного правительства сразу потекла по довольно извилистому руслу. Первым стал на очередь вопрос о сохранении необходимой внутренней дисциплины среди низших служащих. Его удалось уладить без особых затруднений. Большинство лиц этой категории по привычке, ставшей для них второй натурой, держалось вполне корректно и просто продолжало тянуть знакомую жизненную лямку. Число беспокойных элементов было невелико. Коноводом их был какой-то не то истопник, не то монтер. Добивались они, как всюду, участия низших служащих в хозяйственном комитете при Государственной канцелярии. По отношению к этим элементам, по обстоятельствам времени, представлялось наиболее целесообразным держаться тактике оттягивания. Соответственно с этим я и поступал. Пугливым старшим

служащим, которые спрашивали меня, как быть, я предлагал ссылаться на то, что они не получили от меня никаких указаний по вопросу о привлечении низших служащих к участию в заведывании хозяйственными делами, сами же без меня ничего сделать не могут. А когда ко мне являлся делегат от «буянов», то я говорил ему, что вопрос очень сложный, надо еще подумать, а пока следует спокойно ждать. Мой расчет оправдался. Буяны, отчасти вероятно потому, что их было мало и они не чувствовали солидной поддержки за собою, сидели смирно и дело шло по-старому. Некоторое увеличение размера жалования низших служащим, о котором я позаботился, конечно, тоже сыграло свою роль.

Гораздо труднее поначалу показалось мне отразить натиск иного порядка, произведенный вновь избранным петроградским городским головой Ю. Н. Глебовым. В прошлом мирный октябрист, он после переворота как-то сразу сильно полевел. Он явился ко мне с настойчивым требованием предоставить зало общего собрания Государственного совета под заседания Петроградской городской думы³⁰⁹. Мотив: исключительно важное

³⁰⁹ Городская дума – представительный орган местного общественного управления, созданный в России в ходе реформы городского самоуправления. В соответствии с «Городовым положением» 1870 г. общественное управление включало распорядительный орган – городскую думу и исполнительный орган – городскую управу. Городская дума избиралась на 4 года плательщиками городских налогов и ведала благоустройством города, санитарией, строительством и содержанием школ, больниц, противопожарной безопасностью, общественным

значение, которое городская дума столичного города приобрела после переворота. Она стоит на втором месте сразу после Государственной думы, за которой великодушно сохранялось первое место. Зал заседаний в здании городской думы совершенно не соответствует ее новому высокому назначению. Единственным подходящим местом для нее является зал общего собрания Государственного совета, на предоставление которого городская дума имеет полное право претендовать тем более, что это зал в данное время пустует. Он, городской голова, уже беседовал на эту тему с управляющим делами Временного правительства В. Д. Набоковым. Последний со своей стороны не встречает никаких препятствий к удовлетворению законного желания городского управления и направил его ко мне, как непосредственно ответственному лицу. Я слушал Ю. Н. Глебова со всем возрастающим удивлением. По всему тону и манере его видно было, что он считал вопрос окончательно решенным, со мной же говорит только *pro forma*³¹⁰, не сомневаясь, что никаких возражений по существу с моей стороны быть не может. Мне пришлось разочаровать пылкого коммунального деятеля. Надо заметить, что наш с ним разговор происходил не в Мариинском дворце, а в здании Министерства народного просвещения, в кабинете, отведенном мне в качестве товарища министра. Я воспользовался этим, чтобы ссылкой на неотложные дела

призрением и благотворительностью. Решения думы исполнялись управой. С 1890 г. в выборах участвовали только собственники недвижимого имущества определенной стоимости.

³¹⁰ *Pro forma* (лат.) – для приличия, для вида.

сократить наш разговор до минимума. Мой ответ гласил: я считаю возбуждаемый им вопрос чрезвычайно серьезным и сложным и не могу дать никакого ответа по существу, не переговорив предварительно с министром-председателем, кн[язем] Г. Е. Львовым и В. Д. Набоковым. Окончательный мой ответ я сообщу ему по телефону. Ю. Н. Глебов остался явно недоволен таким оборотом дела. На его вопрос, выскажусь ли я сам в утвердительном смысле, я сказал ему, что этого никак обещать не могу.

Постепенно покончив после его ухода свои дела по министерству, я поехал в Мариинский дворец. Надо иметь в виду, что в это время заседания Временного правительства были уже перенесены с Театральной улицы, где имел пребывание кн[язь] Г. Е. Львов, в названный дворец. Перенести туда же заседания городской думы, открытые для публики, значило пустить улицу во дворец, в котором ежедневно заседало Временное правительство. Это открывало в дни заседаний городской думы полную возможность для толпы, – и для какой толпы! – вторгнуться в любой момент в зало заседания правительства, которое оказалось бы в совершенно беззащитном положении. Опасность представлялась тем более грозной, что зало заседаний Временного правительства (бывшее зало заседаний Совета министров) было отделено от зала общего собрания Государственного совета только одними общими кулуарами.

В Мариинском дворце я застал не только В. Д. Набокова, но и случайно приехавшего туда кн[язя] Г. Е. Львова. Первым делом я обратился к В. Д. Набокову, которого я знал за человека осторожного и рассудительного. Я спросил его, действительно ли он сказал городскому голове, что со своей

стороны он находил предложение последнего приемлемым. Владимир Дмитриевич подтвердил это и несколько удивленно спросил меня, какие у меня явились сомнения. Я поделился с ним своими опасениями. Мои соображения вполне убедили его, и мы вместе с ним отправились к министру-председателю, которого я подробно осведомил о своем разговоре с Ю. Н. Глебовым и об опасениях, которые возникли у меня в случае удовлетворения домогательства городского управления. Я закончил тем, что если бы было признано возможным пойти Ю. Н. Глебову навстречу, я буду вынужден немедленно сложить с себя обязанности комиссара по Мариинскому дворцу, так как не могу взять на себя ответственность за неучтисмые последствия подобного шага.

Кн[язь] Львов согласился со мною и уполномочил меня довести до сведения Ю. Н. Глебова, что желание городского управления не может быть удовлетворено. Этим инцидент, к счастью, был исчерпан.

XXI Реорганизация Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении и отделения свода Государственной канцелярии

С Государственным советом были связаны некоторые учреждения, положение которых требовало урегулирования независимо от дальнейшей судьбы самой верхней палаты и состоявшей при ней Государственной канцелярии. Были и

такие, которые силою вещей должны были умереть естественной смертью.

К числу последних относились оба департамента Государственного совета, представлявшие собою какие-то случайно сохранившиеся обломки старого дореформенного Государственного совета, а также Особое присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на определения департаментов (старого) Правительствующего сената, подлежащее упразднению на основании нового закона о реформе Сената.

Совсем иным было положение двух других учреждений. Я имею в виду Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и отделение свода законов Государственной канцелярии.

Органически ни то, ни другое учреждение не были связаны с преобразованным Государственным советом. Связь с ним обоих учреждений была чисто историческая. Выделение их из Государственного совета представлялось вполне возможным, а в отношении кодификационного отделения Государственной канцелярии и принципиально желательным. Вместе с тем преобразование обоих учреждений являлось делом спешным. Никто в то время не мог знать, сохранит ли Учредительное собрание, созыв которого был обещан Временным правительством, вообще институт верхней палаты, и если да, то в каком виде. Оставлять же на весу вопрос о дальнейшем существовании обоих жизненно необходимых учреждений представлялось мне абсолютно недопустимым.

Легче и проще всего являлось преобразование Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении. Общая конструкция этого учреждения, установленная

законом (Учреждение] Государственного] сов[ета], ст. 96–98)³¹¹, была задумана вполне правильно:

Особое присутствие носило строго вневедомственный характер и было поставлено совершенно независимо.

Эти основные начала, во всяком случае, должны были быть сохранены и, по возможности, еще углублены. Для этого требовалось лишь устроить названное присутствие при Правительствующем] сенате и постановить, что членами его, взамен ранее назначавшихся четырех членов Государственного совета по назначению, состоят четыре сенатора, назначаемые Временным правительством. Проект преобразования Особого присутствия на указанных началах был выработан по моему поручению статс-секретарем

311 В ст. 96–98 «Учреждения Государственного совета» говорилось: «96. Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев состоит из назначаемых высочайшей властью четырех членов Государственного совета по высочайшему назначению, с возложением на одного из них, по высочайшему усмотрению, обязанностей председателя. 97. Рассмотрению присутствия подлежат дела о принудительном отчуждении недвижимых имуществ, временном их занятии и установлении права участия в пользовании ими для государственной или общественной пользы, а также дела о вознаграждении частных лиц за имущества, отчуждаемые или временно занимаемые для государственной или общественной пользы. 98. На особое присутствие распространяются правила, постановленные в главе первой сего раздела в отношении департаментов Государственного совета» (ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение первое. № 27808. СПб., 1909. С. 473).

Государственного совета Г. Э. Блоссфельдом и передан им мне.

Дальнейшая судьба этого законопроекта настолько характерна для той эпохи, что вполне заслуживает более подробно изложения. Прежде чем перейти к нему, я должен предпослать несколько ориентирующих замечаний.

Не состоя членом Временного правительства, я все же время от времени по разным поводам приглашался на заседание его. Несколько раз я заменял министра народного просвещения А. А. Мануйлова во время отсутствия его из Петрограда. Иногда приходилось также давать объяснения по вопросам, которые поступали в совещание товарищей министров, образованное для разгрузки Временного правительства. Председателем этого совещания назначили меня.

Означенное совещание первоначально было устроено для предварительного рассмотрения разного рода мелких текущих вопросов, формально требовавших санкций Временного правительства, но не имевших принципиального значения и не закрывавших политических интересов дня. Среди них встречались вопросы как законодательного характера, так и вопросы из области верховного управления. Журналы заседаний совещания с содержащимися в них постановлениями формально вносились на утверждение Временного правительства. Фактически последнее не входило и по недостатку времени, и не могло входить в рассмотрение их по существу, и чисто автоматически давало свою санкцию. Со временем число дел, передаваемых в означенное совещание, все стало возрастать, и среди них

стали встречаться и такие дела, которые лишь по виду могли казаться «вермишельными»³¹², но на самом деле далеко не были лишены серьезного значения. В таких случаях я предупреждал управляющего делами Временного] правительства В. Д. Набокова или заменявшего его помощника его А. М. Ону о том, что я считаю нужным до формального утверждения очередного журнала нашего Совещания доложить Вр[еменному] правительству о таких более важных делах, и, буде окажется нужным, подробнее обосновать соответствующие постановления Совещания.

Наконец, встречались и вопросы, связанные с моей работой по Государственному совету, которые требовали моего присутствия в данном заседании Вр[еменного] правительства.

Благодаря этому я получил возможность на деле ознакомиться с порядком ведения дел в заседаниях Временного] правительства первого состава. Этот порядок как две капли воды походил на полнейший беспорядок. Такой беспомощности, какую проявлял кн[язь] Г. Е. Львов в роли председателя, мне нигде никогда не приходилось наблюдать. Я не уверен, рассылались ли членам Временного правительства перед заседаниями повестки с указанием дел, подлежащих рассмотрению на очередном заседании. Если это и было, то, во всяком случае, министры не стеснялись докладывать во время заседания дела, которые не значились в повестке, и которые они тут же впервые вытаскивали из своих

³¹² Законодательная «вермишель» – мелкие, незначительные законопроекты. Выражение принадлежит председателю III Государственной думы Н. А. Хомякову.

портфелей. Никакого отпора со стороны председателя они в таких случаях не встречали. Прения по внесенным тем или другим ведомством делам при таких условиях, естественно, носили совершенно случайный характер и велись по-домашнему. Друг друга перебивали, никакого руководства прениями не было. Техническая сторона разработки законопроектов, видимо, никого не интересовала: значения ее, очевидно, не понимали. Эта сторона дела всецело находилась в руках делопроизводства Временного] правительства; неудивительно, что последнее, как мне доподлинно известно, находило иногда возможным вносить изменения и поправки в принятый текст данного закона. Даже формальное голосование внесенных законодательных предположений не всегда производилось, не исключая и таких случаев, когда во время прений были сделаны возражения против обсуждавшегося предложения. Сплошь да рядом инициатор предложения по окончании прений просто передавал свое представление управляющему делами Вр[еменного] правительства: это считалось достаточным, чтобы считать его принятым.

Случаи подобного рода я сам наблюдал. О том, что они не были случайным явлением, а составляли довольно заурядное явление, свидетельствует, между прочим, следующий факт.

А. А. Мануйлов и второй товарищ министра, О.П. Герасимов, заведовавший специально средним и низшим образованием, горячо преданный школьному делу человек и большой знаток его, проявляли большую заботливость по части расширения сети народных школ, улучшения материального положения народных учителей и т. д. Все это требовало отпуска весьма значительных новых кредитов.

Меня поражало, с какой легкостью и быстротой такие проекты принимались Вр[еменным] правительством и становились законами. Как-то раз А. А. Мануйлов опять привез в министерство целую пачку вновь утвержденных законопроектов по его ведомству, только что накануне внесенных им во Вр[еменное] правительство. Я спросил его, как он в состоянии добиться столь скоропалительного принятия своих законопроектов. Он со смехом ответил мне: «Я их провожу в порядке сумбура». Дело в том, что ежедневные почти заседания Временного] правительства часто затягивались далеко за полночь. И вот, когда у всех министров уже слипались глаза от усталости, Александр Аполлонович вынимал из своего портфеля очередной запас вновь испеченных законопроектов, которые тут же в состоянии своего рода общей омертвелости беспрепятственно заслушивались и принимались.

Не менее характерным является разговор, который я имел с другим членом Вр[еменного] правительства, министром торговли и промышленности А. И. Коноваловым, после одного из заседаний Сопещения товарищей министров. Эти заседания часто протекали параллельно с заседаниями Вр[еменного] правительства.

Обыкновенно наши заседания кончались раньше. Как-то раз, однако, вышло так, что члены Временного] правительства разошлись раньше. А. И. Коновалов, узнав, что наше заседание продолжается, зашел к нам, чтобы посмотреть, что у нас делается, и просидел до конца. Когда мы стали расходиться, он подошел ко мне и спросил: «Как это Вы устроили так, что у вас на заседаниях господствует порядок?» Я ответил ему, что никакой хитрости в этом нет. Просто я не допускаю внесения во время заседания новых

дел, не значащихся в повестке, и требую, чтобы все представления, включенные в повестку заседания, были отпечатаны и разосланы всем членам совещания не позже, как за три дня до заседания: иначе они не могут слушаться в данном заседании. Это дает всем представителям заинтересованных ведомств возможность заблаговременно ознакомиться с подлежащими материалами, а мне, сверх того, возможность выделить все трафаретные дела, которых к нам поступало много и которые не требовали никакого особого обсуждения, а также такие дела, которые явно требовали предварительного письменного отзыва других заинтересованных ведомств. Это давало экономию времени и облегчало руководство прениями, не допуская вместе с тем уклонений от установленной в повестке программы. А. И. Коновалов задумчиво покачал головой.

На фоне только что изображенной общей картины порядка ведения дел в заседаниях Временного] правительства получает свое настоящее освещение и чисто анекдотическая история проведения законопроекта о преобразовании Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении.

Я упомянул о том, что заведовавший кодификационным отделением Государственной канцелярии статс-секретарь Блоссфельдт изготовил по моему поручению проект преобразования названного особого присутствия. Этот проект я носил при себе в бумажнике, с тем, чтобы при случае переговорить по этому вопросу с В. Д. Набоковым на предмет выяснения порядка, в котором это дело могло бы быть продвинуто дальше.

Как раз в это время А. А. Мануйлов должен был уехать из Петрограда, и мне пришлось заменить его в очередном

заседании Временного] правительства. Никаких особых дел по ведомству народного просвещения в этом заседании не разбиралось, и я имел достаточно свободного времени, чтобы наслаждаться всем, что происходило.

Совершенно неожиданно для меня в этом заседании всплыл, в числе других, и вопрос о преобразовании вышеупомянутого особого присутствия. Вопрос был возбужден в порядке спешности министром путей сообщения Н. В. Некрасовым, который явился на заседание уже с готовым проектом. Проект, по-видимому, не был заранее разослан остальным членам Временного] правительства. По крайней мере, мне такого проекта А. А. Мануйлов перед своим отъездом не передал. Не мог я его также унаблести³¹³ ни у министра-председателя кн[язя] Львова, рядом с которым я сидел, ни у соседа моего с другой стороны, ни у моих визави. Не было также видно какой-нибудь объяснительной записки к нему. Все дело ограничилось кратким словесным докладом министра Некрасова и прочтением текста законопроекта.

Согласно проекту предполагалось не то преобразовать особое присутствие в особый департамент Министерства путей сообщения, не то присоединить его в качестве подотдела к одному из других департаментов министерства. Вопрос, видимо, никого из остальных министров не интересовал, никто из них ни словом не обмолвился, и представление Н. В. Некрасова, несомненно, прошло бы в порядке законодательной вермишели, если бы я не

³¹³ Так в документе.

вмешался и не попросил слова, которое кн[язь] Львов охотно предоставил мне.

Я подверг основы проекта резкой критике: указал на недопустимость лишить орган, ведающий в качестве высшей инстанции дела о принудительном отчуждении, характера самостоятельного, независимого высшего надведомственного учреждения. Вместе с тем я обратил внимание на то, что особенно недопустимо подчинение такого органа главе ведомства, в котором чаще всего возникают дела о принудительном отчуждении и которое поэтому регулярно является стороной в деле. На этой почве возможны и большие несправедливости, и крупные злоупотребления, причем, естественно, все обвинения в первую голову будут направлены в сторону главы ведомства путей сообщения.

Н.В. Некрасов, выслушав мои замечания, сразу сдал все свои позиции, согласился с тем, что внесенный им законопроект никуда не годится, и заявил, что он, ввиду сделанных принципиальных возражений, готов взять его назад. Однако как быть? Вопрос срочный и откладывать его нельзя. Тогда я сообщил, что у меня имеется готовый контрпроект, с которым я мог бы тут же ознакомить Вр[еменное] правительство.

Это заявление было встречено весьма сочувственно. Я тут же вынул проект из своего бумажника, прочитал и прокомментировал его, и после этого протянул его Н. В. Некрасову. Я думал, что он возьмет и использует его в качестве материала при составлении нового представления. Я допускал еще, что меня могут привлечь к этому делу. Но я никак уж не ожидал того финала, которым закончилось мое выступление. Н. В. Некрасов быстро пробежал проект и тут же заявил, что он ничего не имеет возразить и присоеди-

ется к нему. Остальные министры продолжали хранить молчание, никто не счел нужным заявить, что не мешало бы до окончательного решения вопроса передать этот в полном смысле с неба свалившийся проект на заключение других заинтересованных ведомств. В результате новый закон, без излишней процедуры формального голосования, был объявлен принятым и передан В. Д. Набокову для опубликования его на общем основании.

Когда я на следующий день при встрече с Г. Э. Блоссфельдом сообщил ему, что наш с ним законопроект удостоился утверждения, и рассказал ему, как это случилось, он сначала не поверил мне, думая, что я шучу. Мне стоило некоторого труда убедить его в том, что он забывает одно: мы живем в такое время, когда и небываемое бывает.

Перехожу к вопросу о преобразовании кодификационной части. Проведение этого вопроса представляло довольно головоломную задачу. Дело требовало очень осторожной трактовки. Наши общественные круги в оценке роли и значения кодификационной работы весьма расходились. В прогрессивных кругах преобладало отрицательное отношение к ней. На кодификационную работу склонны были смотреть преимущественно как на некоторое весьма пригодное для фальсификации закона орудие, которое в руках всесильной бюрократии в нужных случаях могло быть использовано как средство затемнения или даже прямого извращения истинного смысла закона, а в случае чего и полного эскамотирования³¹⁴ его. Сохранение кодификационной части после перехода к представительному строю с

³¹⁴ Подменивание, скрывание.

этой точки зрения считалось явным, ничем не оправданным анахронизмом, с которым давно следовало покончить.

Мне в течение многолетнего пребывания моего в Государственном совете пришлось довольно близко познакомиться с работой отделения свода законов Государственной канцелярии; с кодификационной работой мне и до этого приходилось сталкиваться, так как я несколько лет состоял причисленным сначала к прежнему кодификационному отделу при дореформенном Государственном совете, а затем, после преобразования его в упомянутое отделение свода законов, и к означенному отделению, которое я оставил в 1900 или 1901 г., в бытность государственным секретарем В. К. фон Плеве. Я успел убедиться в том, какой высоты достигла эта работа в техническом отношении: как личный состав отделения, особенно высших чинов его, так и самые приемы работы и быстрота, с которой она продвигалась, были Образцовы. О каких-либо злоупотреблениях в вышеупомянутом смысле я ни разу не слышал, да и не представляю себе, как они могли бы пройти и тем более систематически твориться, оставаясь никем не замеченными, – ни специальной литературой, ни повременной, в особенности оппозиционной печатью, ни магистратурой, ни адвокатурой.

Конечно, возможны были и иногда встречались отдельные ошибки по части согласования прежних законов с вновь изданными законами при выпуске очередных и сводных продолжений и новых изданий отдельных томов и частей

томов Свода законов³¹⁵. Но против таких кодификационных ошибок служило серьезным коррективом твердо установившееся после некоторых колебаний одинаково как в доктрине, так и в судебной практике положение, согласно которому установленная в кодификационном порядке формулировка закона сама не имеет силы закона и может быть подвергнута судебной проверке путем сопоставления ее с подлинным текстом соответствующих законов, опубликованном через Сенат в «Собрании узаконений и распоряжений правительства».

Во всяком случае, эти отдельные, сравнительно весьма редкие ошибки с лихвой искупались крупными положительными результатами работы, производившейся отделением свода законов.

Периодический пересмотр нашего постоянно менявшегося и громоздкого, разбросанного по 16 томам Свода законов законодательства, совершаемый в кодификационном порядке, чрезвычайно облегчал пользование

³¹⁵ «Свод законов Российской империи» – собрание действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке. Первое и последующие издания 1832, 1842 и 1857 гг. состояли из 15 томов. В дальнейшем издавались отдельные тома (так называемые неполные издания Свода законов). В 1892 г. в неполное издание был добавлен 16-й том (Судебные уставы). В Свод законов не входили военные и военно-морские законы, законы для прибалтийских губерний, Царства Польского, Бессарабии (имелись специальные ведомственные и местные своды законов), а также частично законы по ведомству императорского двора, иностранным делам и православному вероисповеданию.

законодательным материалом, ориентировку в нем и, в частности, расшифрование сакраментальных слов, обычно встречавшихся в вводной части новых законов: «в отмену, изменение, дополнение и разъяснение подлежащих узаконений». Хорошо известно, какое огромное практическое значение кодификационная работа имела не только для административных, но и для переобремененных работой судебных учреждений, а также для всех заинтересованных частных лиц и их поверенных, и как болезненно ощущалось заинтересованными кругами отсутствие подобной работы там, где она не находила применения, как это имело, напр[имер], место в отношении узаконений, вышедших по т[ак] называемому] ведомству православного исповедания³¹⁶ и по ведомству учреждений императрицы Марии³¹⁷.

³¹⁶ Речь идет о Святейшем синоде – коллегиальном органе во главе с обер-прокурором, назначаемым императором, который возглавлял Русскую православную церковь.

³¹⁷ В дореволюционной России ведомство учреждений императрицы Марии (Мариинское ведомство) являлось государственным органом управления институтами благородных девиц, женскими (так называемыми Мариинскими), сиротскими и другими учебными и благотворительными учреждениями. еВедет свое начало с 1796 г., когда императрица Мария Федоровна, супруга Павла I, была поставлена во главе Воспитательного общества благородных девиц. После ее смерти в 1828 г. для управления было создано 4-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии, с 1854 г. управление перешло к Ведомству учреждений императрицы Марии. Управление возглавлялось императрицами. Заведения ведомства содержались за счет казны, средств императриц и частных

Обойтись без такой работы при наших условиях являлось, по меньшей мере, рискованным. Предоставить ее всецело, как в некоторых других государствах, одной частной инициативе без вреда для дела тоже было нельзя. Ни одно частное издательство не было бы в состоянии создать и содержать необходимый для такой работы постоянный, надлежаще квалифицированный технический аппарат.

Задача могла заключаться только в том, чтобы сохранить и использовать имевшийся наготове высококвалифицированный аппарат с внесением необходимых изменений в организационные формы его. С этой точки зрения представлялось необходимым выделить кодификационную часть из состава Государственной канцелярии и придать ей значение самостоятельного, не зависящего ни от каких начальственных влияний, авторитетного надведомственного учреждения.

На этой почве зародилась у меня мысль о преобразовании отделения свода законов Государственной канцелярии в Кодификационный отдел при Правительствующем сенате.

Однако, прежде чем приступить к проведению этого плана в жизнь, осторожность требовала подготовить почву и убедить Вр[еменное] правительство в принципиальной желательности сохранения кодификационной части. Весьма кстати подвернулся случай щегольнуть ярким показательным примером.

В январе 1917 г., незадолго до переворота, был опубликован новый закон о реформе Сената, который должен был

пожертвований. В 1909 г. по ведомству насчитывалось 607 учебных заведений с 40 тысячами учащихся.

вступить в силу 10 мая 1917 г.³¹⁸ Закон внес такие глубокие изменения во всю структуру старого Сената, что прежнее учреждение Сената, последнее издание которого было выпущено всего за два года до этого, в 1915 г., совершенно устарело и явилось настоятельная необходимость заменить его новым. Отделение свода законов блестяще выполняло эту очередную задачу в весьма короткое время.

Новое издание учреждения Сената, увидевшее свет еще до вступления в силу нового закона, произвело фурор. В частности, тогдашний министр юстиции А. Ф. Керенский на этом примере сразу убедился в пользе кодификационной работы и в необходимости сохранения особой кодификационной части и на будущее время. Вопрос о будущей организации ее пока оставался открытым.

Было ясно, что нельзя было медлить с этим вопросом и что следует проявить в этом отношении инициативу. В результате обмена мнениями с внешними чинами отделения свода законов было решено на основании намечавшихся при этом общих принципов выработать детальный проект преобразования кодификационной части; по изготовлении его ознакомить с ним министра юстиции и засим предложить образовать особое междуведомственное совещание для всестороннего рассмотрения проекта и достижения соглашения между всеми заинтересованными ведомствами до окончательного внесения проекта во Вр[еменное] правительство. Этот путь предоставлялся единственно рациональным, дабы избежать каких-нибудь

³¹⁸ По другим данным, закон вводился в действие с 1 мая 1917 г.

непредвидимых случайностей и довести это важное дело без ненужного промедления до благополучного конца.

Суть проекта, выработанного особой комиссией из членов отделения свода законов под моим председательством, сводилась к следующему. При Правительствующем сенате должен был быть учрежден особый кодификационный отдел в составе особого присутствия Сената и управления кодификационной частью. Особое присутствие Сената должно было состоять из первоприсутствующего сенатора, назначаемого центральной властью, и части сенаторов, избираемых по одному от каждого из шести департаментов Сената (четырех старых и обоих кассационных департаментов). Самая кодификационная работа должна была лежать на управлении кодификационной частью, возглавляемом управляющим означенной частью, тоже по назначению центральной власти. Внутренняя организация этого управления в общем строилась на тех же началах, на которых действовало отделение свода законов. Личный состав последнего предполагалось целиком использовать при переводе кодификационного дела на новые рельсы. Особое присутствие Сената должно было служить высшей инстанцией, направляющей и контролирующей ход кодификационной работы и санкционирующей выпуск трудов ее. Эта направляющая и контролирующая деятельность особого присутствия Сената, по мысли составителей проекта, могла бы оказаться особенно ценной и плодотворной в тех случаях, когда возникал вопрос о согласовании прежних узаконений с новыми, — об исключении или перередактировании тех или иных статей свода законов, затрагиваемых новыми узаконениями. В этом отношении жизненный опыт и профессиональные

знания представителей высшего судилища страны должны были служить максимальной гарантией против возможности кодификационных ошибок.

Проект, составленный на изложенных основаниях, встретил полное одобрение со стороны Министерства юстиции. Межведомственное совещание, образованное для рассмотрения его и приложенных к нему штатов нового учреждения, внесло в него лишь некоторые второстепенные изменения, касавшиеся главным образом финансовой стороны дела. В этом виде законопроект с объяснительной запиской был внесен во Вр[ременное] правительство, в заседание которого я был приглашен для представления необходимых объяснений.

Тем временем наступил уже октябрь месяц: дело слушалось в самом начале этого злополучного месяца. Состав Вр[ременного] правительства к этому времени подвергся, как известно, в результате целого ряда последовательных перемен коренному изменению. Один только А. Ф. Керенский, в новой роли министра-председателя и Верховного главнокомандующего, удержался на месте.

Я давно уже не бывал на заседаниях Временного] правительства: пост товарища министра народного просвещения я окончательно покинул одновременно с уходом А. А. Мануйлова в начале июля 1917 г.; одновременно я выбыл из состава совещания товарищей министров; вопросы, связанные с личной судьбой членов Государственного совета, о чем мне придется еще поговорить, были разрешены еще до этого.

Председательствовал А. Ф. Керенский. Должен сказать, что с внешней стороны нельзя было не заметить большого

прогресса. Того непередаваемого беспокойства, того чисто домашнего ведения дел, которые имели место при кн[язе] Львове, не было даже в помине. Скорее бросалась в глаза известная повышенная торжественность, чтобы не сказать театральность, как будто и излишняя в обстановке закрытого заседания. Так, при предоставлении слова кому-либо из членов Вр[еменного] правительства председатель каждый раз торжественно провозглашал: «Слово предоставляется министру юстиции», или «министру финансов» и т. д. Упоминание об имени, отчестве и фамилии было изгнано из употребления. Больше всего этим импонировали, по-видимому, самим себе. Если, однако, оставить в стороне эту невинную игру в громкие слова, то в остальном внешний порядок был образцовый. Слово предоставлялось по очереди, взаимное перебивание друг друга и частные разговоры прекратились, по окончании прений производилось правильное голосование.

Дело, по которому я был приглашен, благодаря предварительной подготовке не вызвало никаких прений по существу. Министр финансов Бернацкий возбудил, правда, вопрос о некотором сокращении штатов нового учреждения, что грозило оттяжкой дела. Но когда я заявил ему, что по этому вопросу в междуведомственном совещании было достигнуто соглашение, он отказался от дальнейшего спора, и закон был принят без всяких изменений. После этого я удалился. Присутствовавшие чины Государственной канцелярии, заведовавшие делопроизводственной частью заседания, при оставлении мною заседания не удержались, чтобы не подойти и поздравить меня с благополучным окончанием.

Принятый на упомянутом заседании закон о преобразовании кодификационной части был опубликован за несколько дней до большевицкого переворота. Однако провести его реально в жизнь уже не удалось. Большевикам самая идея, положенная в основание закона, была чужда.

XXII. Ликвидация состава Государственного совета

Мне остается рассказать, как был ликвидирован личный состав Государственного совета.

Судьба обоих законодательных учреждений, в сущности, была предрешена уже с того момента, когда новая власть в лице Временного правительства решила более их не созывать. В этом отношении высочайший указ о перерыве занятий обеих палат, ставший известным как раз в день 27 февраля 1917 г., когда в Петрограде вспыхнула революция, сыграл воистину роковую роль. Он донельзя упростил задачу Временному] правительству, освободив его от необходимости самому издать соответствующий акт, на что бы оно на первых порах, хотя бы по крайнему своему безволию, быть может, и не решилось.

В результате отказа от созыва законодательных учреждений и тем самым от попытки сотрудничества с ними сразу же создалось тягчайшее, в особенности при условиях военного времени, положение. Место ответственных законодательных учреждений заняло совершенно уж безответственное сборище, именуемое Советом рабочих и солдатских депутатов, крикливое, невежественное, лишенное элементарного здравого смысла, сплошь

состоявшее, по душевному складу своему, из скрытых и явных дезертиров и пораженцев. Само по себе ни на что не способное, это жалкое скопище с первых же шагов стало слепым орудием в руках беззастенчивых демагогов, верховодивших в нем.

Формально Временное правительство сосредотачивало в своих руках всю полноту верховной власти, ни с кем не разделяемой. С этой точки зрения оно являлось чем-то вроде коллективного самодержца или, вернее, коллегией олигархов, но только олигархов особого рода – с архидемократической душой и абсолютно парализованной волей. Фактически оно именно благодаря полному своему безволию, соединенному с не менее полным отсутствием всякого чутья реальной действительности, сразу же попало в положение самой униженной зависимости от Совета рабочих и солдатских депутатов, вернее, от руководителей последнего, каковые с все растущим усилием стали применять в сношениях с Вр[еменным] правительством испытанные методы политического шантажа.

Зависимость этой своеобразной разновидности неограниченной верховной власти от улицы в худшем смысле слова стала все резче проявляться по мере того, как пресловутый «заложник демократии» А. Ф. Керенский все более начал выдвигаться на авансцену, а первоначальный состав Вр[еменного] правительства в возрастающей прогрессии стал пополняться новыми представителями «революционной демократии», наряду с которыми буржуазные элементы все более отходили на задний план.

Нарождающаяся охлократия в лице Совета рабочих и солдатских депутатов не могла, конечно, относиться иначе как с величайшим пренебрежением к цензовой Государ-

ственной думе и с нескрываемым отвращением к исчадию бюрократического ада в лице Государственного совета.

На него смотрели как на живое олицетворение павшего режима. Естественно, он первым и был взят под обстрел. Недаром в первую же ночь – в ночь с 27 на 28 февраля – здание Государственного совета подверглось налету со стороны революционной толпы. Не случайно в первые же бурные дни «великой бескровной» революции³¹⁹ ряд правых членов Совета во главе с вновь назначенным председателем Совета И.Г Щегловитовым и вице-председателем его В. Ф. Дейтрихом были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Государственный совет как учреждение при сложившейся политической конъюнктуре с самого начал был обречен на гибель. Вопрос мог идти лишь о том, в какой форме будет произведено упразднение его.

В этом отношении заслуживает внимания, что формально как учреждения ни Государственный совет, ни Государственная дума не были уничтожены. Этот вопрос предоставлялось решать грядущему Учредительному собранию³²⁰. Ликвидация обоих законодательных палат формально коснулась лишь личного состава членов их.

Любопытно, что многие члены Государственного совета на первых порах не отдавали себе сколько-нибудь ясного

³¹⁹ Захват большевиками власти в Петрограде сопровождался минимальным количеством жертв.

³²⁰ Учредительное собрание – представительный орган в России, избранный в ноябре 1917 г. и созданный в январе 1918 г. для определения государственного устройства России.

отчета в серьезности того положения, в котором очутился Совет после февральского переворота.

Одни полагали, что дело ограничится тем, что члены Государственного совета по назначению, в свое время переведенные вопреки их желанию из разряда присутствующих в разряд неприсутствующих членов, будут вновь призваны новой властью к присутствованию, а заменившие их члены, назначенные 1-го января 1917 г., будут изъяты, за признанием их назначения незаконным и недействительным. Таков был, напр[имер], взгляд П. Ф. Кобеко, пострадавшего в свое время за обнаружение чрезмерно прогрессивного образа мыслей.

Другие думали, что все образуется, стоит только созвать Государственный совет и дать ему возможность выразить полную готовность верой и правдой служить новой власти в лице Вр[еменного] правительства. В этом смысле высказался вскоре после назначения меня комиссаром по Мариинскому дворцу в письме на мое имя один из самых крайних правых членов Государственного совета по назначению, А. А. Римский-Корсаков. В своем письме он писал, что обращается ко мне, как заместителю арестованных председателя и вице-председателя Совета, с настоятельным требованием, чтобы я озаботился о созыве Совета, дабы дать последнему возможность засвидетельствовать свою верность Временному правительству. Разумеется, я мог ему только ответить, что исполнить то, чего он от меня требует, не в моей власти.

Первое время после налета о Государственном совете как будто забыли. Было не до него. Однако постепенно положение усложнилось, притом как раз в отношении той категории членов Государственного совета, которая при

сложившихся условиях являлась особенно уязвимой, именно в отношении членов по назначению. Состоя на государственной службе, они имели право на выдачу жалования, каковое аккуратно и продолжало выплачиваться им каждое 20-е число, тогда как выборным членам Совета причитавшееся им суточное довольствие, ввиду перерыва сессии, с 1-го марта было прекращено.

Некоторые из последних возбудили вопрос о том, чтобы упомянутое суточное довольствие было выдано им еще за март месяц. В этой просьбе мне пришлось им отказать за отсутствием законных оснований к удовлетворению ее.

Иначе обстояло дело относительно членов по назначению. Никакого общего вопроса относительно них не возникало. Но зато на горизонте появился очень каверзный частный вопрос относительно дальнейшей выдачи жалования арестованным членам Совета, содержащимся в Петропавловской крепости.

С одной стороны, прямых формальных оснований для приостановки выдачи им жалования не было, тем более что официального извещения об аресте их и об основаниях такового ко мне, как распорядителю кредитов, не поступило. С другой стороны, я имел весьма определенные сведения, что среди низших служащих в Совете имеются элементы, чрезвычайно интересующиеся этим вопросом, справляющиеся о нем в бухгалтерии и казначейской части и готовые поднять настоящую бучу в случае выдачи жалования арестованным членам Совета.

Для меня было ясно, что поднятие этого вопроса в прессе и на митингах, не говоря уже о Совете рабочих и солдатских депутатов, грозило весьма фатальными последствиями не только для арестованных, но и для всех остальных членов

Государственного совета по назначению. Попросту говоря, мог быть поставлен вопрос о прекращении выдачи жалованья всем им. Ускорять в этом направлении ход событий я не считал возможным, так как отдавал себе отчет в том, какое катастрофическое значение для многих их назначенных членов должно было иметь внезапное лишение их содержания. Ввиду этого я принял решение занять выжидательную позицию, а пока, до выяснения дальнейших перспектив, распорядился приостановить выдачу жалования за март месяц арестованным членам Совета.

Принять такое решение было для меня нелегко; тем более что мой ближайший помощник товарищ государственного секретаря Н. Ф. Дерюжинский, на которого, видимо, по весьма понятным причинам наседали семьи арестованных, усиленно возражал против этой меры. Но я другого выхода не видел. Но, когда тот же вопрос вновь возник в апреле, я не считал себя вправе продолжать тактику оттягиванья и решил официально обратиться к министру юстиции, каковым в то время еще состоял А. Ф. Керенский, с просьбой уведомить меня, в каком положении находится дело об арестованных членах Государственного совета, в чем они обвиняются и имеются ли законные основания для приостановки выдачи им жалованья.

На этот запрос я получил за подписью А. Ф. Керенского прямо-таки классический ответ. Обходя все формальные вопросы, он просто предлагал в нем жалованье арестованным членам Совета, (имярек), и впредь не выдавать. Далее следовал перечень ряда других членов Совета по назначению, которым, по мнению министра юстиции (с каковым мнением я решил не считаться), также следует приостановить дальнейшую выдачу содержания. В числе

этих лиц, между прочим, фигурировали и такие, которые, как напр[имер], бывший главноуправляющий Собственной е[го] [императорского] в[еличества] канцелярией Танеев, состоявший одновременно членом Государственного совета, получали содержание не по смете Государственного совета. В заключение было сказано, что если бы я счел нужным, сверх поименованных в ответе министра лиц, лишить еще кого-нибудь из членов Совета содержания, то это вполне будет зависеть от меня. О том, на каком основании сам министр считал себя вправе предоставлять мне подобные полномочия, в бумаге ни слова не было сказано.

Я очень жалею о том, что у меня не сохранилась копия с этого замечательного человеческого документа, в котором министр юстиции Временного] правительства столь откровенно и непринужденно вместо принципа законности провозглашал принцип усмотрения по отношению к поверженному в прах врагу.

Дело этим не кончилось. Через некоторое время я получил приглашение прибыть на заседание Временного правительства. Приехав в заседание, я узнал, что на нем в числе других дел по настоянию А. Ф. Керенского должен быть подвергнут рассмотрению общий вопрос о том, как быть с членами Государственного совета по назначению. Я приглашен для представления объяснений, какие по ходу дела могут потребоваться.

Насколько я помню, означенный вопрос был поставлен первым. А. Ф. Керенский в кратких словах высказал мнение, что всех членов Государственного совета по назначению следует незамедлительно уволить в отставку. На мой вопрос, как же в таком случае предполагается разрешить вопрос о назначении им пенсий, он ответил, что этот вопрос как в

принципиальном смысле, так и в отношении возможного размера пенсий пока что должен быть оставлен открытым. По его мнению, «вся эта черная рать», как он выразился, вообще не заслуживает никаких пенсий.

На этой почве завязался спор, принявший весьма острый характер. Я заявил, что считаю подобную постановку вопроса совершенно недопустимой. С одной стороны, самое увольнение в отставку членов Государственного совета по назначению без прошения противоречило бы действующему, никем не отмененному Учреждению Государственного совета. С другой стороны, означенные члены Совета, как лица, числящиеся на государственной службе, на общих основаниях приобрели право на пенсию, какового права их нельзя лишить. Что касается размера пенсий, то формально таковой по закону устанавливается применительно к каждому отдельному случаю по усмотрению верховной власти; фактически же практика выработала известные общие нормы, с которыми было бы несправедливо не считаться. Было указано и на то, что многие назначенные члены Государственного совета, в случае внезапного лишения их не только жалованья, но и пенсий, могут очутиться в чрезвычайно тяжелом материальном положении. Наконец, что касается ссылки на принадлежность всех назначенных членов Совета к крайнему реакционному лагерю, то это ссылка, во 1-х, объективно совершенно неверна, и во 2-х, никоим образом не может служить оправданием предлагаемой явно незаконной и несправедливой, по существу, меры.

Керенский все же продолжал настаивать на своем. К нему определенно присоединились как раз два наиболее правых члена Временного] правительства, обер-прокурор

Св[ятейшего] правительствующего] синода В. Н. Львов и государственный контролер Годнев, которые открыто стали выражать свое возмущение, что Вр[еменное] правительство заставляют терять столько драгоценного времени по такому нестоящему поводу. Остальные министры хранили загадочное молчание.

Дело стало принимать явно неблагоприятный оборот. Можно было опасаться, что тут же, в состоянии полного безразличия одних и запальчивости и раздражении других, будет вынесено непоправимое постановление. Чтобы выиграть время и оттянуть решение, я бросил мысль, что есть другой выход, а именно: упразднение самой должности членов Государственного совета по назначению с оставлением всех наличных назначенных членов за штатом, каковой вопрос требует, однако, отдельного рассмотрения. Эта мысль была признана заслуживающей внимания, и в результате весь вопрос за поздним временем был снят с очереди и отложен до одного из следующих заседаний.

Весть о нависшей беде быстро распространилась среди заинтересованных лиц. Кто имел к сему возможность, стал подумывать о новом устройстве своей судьбы. Около этого времени как раз в Министерстве юстиции выдвинулся вопрос о назначении в Сенат, ввиду приближения срока вступления в действие закона о реформе Сената, новых сенаторов. С соответствующими предложениями обратились, между прочим, к А. Ф. Кони и С. С. Манухину. Оба в свою очередь обратились ко мне за советом, принимать ли им эти предложения, или обождать еще. Я, по совести, мог только убеждать их соглашаться, не откладывая: вопрос о сохранении за ними содержания, причитавшегося им как членам Государственного совета по назначению, в

лучшем случае оттягивал окончательную развязку на год. Дальнейшее все зависело от Учредительного собрания. Рассчитывать на сохранение прежней конституции верхней палаты, если только таковая вообще уцелела бы, нельзя было ни в каком случае. Оба коллеги согласились со мной и приняли назначение, А. Ф. Кони в уголовный кассационный департамент, С. С. Манухин в первый департамент, где мы с ним впоследствии опять оказались сослуживцами, притом в одном и том же отделении, первоприсутствующим сенатором которого он был назначен.

Через некоторое время я вновь был приглашен в заседание Вр[еменного] правительства по тому же делу, о котором я выше говорил. На этот раз А. Ф. Керенский уже не ставил вопроса о немедленном увольнении в отставку всех членов Государственного совета по назначению, а предложил взамен этого упразднить самую должность, занимаемую ими, с оставлением их всех за штатом. Этим вопрос об окончательной отставке их и вместе с тем пенсионный вопрос откладывался на целый год, что при неблагоприятной общей обстановке казалось мне наиболее желательным. Правда, и новая постановка вопроса косвенно содержала в себе предрешение воли Учредительного собрания. Но об этом уже не приходилось говорить. Спор в данной стадии мог касаться лишь вопроса о том, в каком размере производить оставляемым за штатом лицам содержание, в полном ли размере всего содержания, или только в размере одного жалования в тесном смысле, без квартирных и столовых, как это в виде общего правила устанавливала ст. 574 Уст[ава] о службе по определению от правительства.

Мое предложение сводилось к тому, чтобы сохранить за членами Совета по назначению в течение года содержание в полном размере, ввиду того, что окончательное разрешение вопроса о дальнейшей судьбе Государственного совета зависит всецело от Учредительного собрания: с этой точки зрения сохранение status quo относительно размера содержания оставляемых за штатом лиц представлялось наиболее правильным выходом. А. Ф. Керенский и слышать не хотел о таком разрешении проблемы и настаивал на безоговорочном применении начала ст. 574 Уст[ава] о службе.

Обсуждение вопроса протекало в обычной сумбурной обстановке. Кто-то что-то говорил, временами говорили несколько человек сразу, под конец устали или надоело говорить. Прения самотеком закончились или, вернее, замерли. Формального голосования не было произведено, и я, в конце концов, не мог понять, на чем же большинство членов Временного правительства остановилось, на моем предложении или на предложении Керенского.

Такое же впечатление вынесло, по-видимому, и дело-производство, которое возглавлял помощник управляющего делами Временного] правительства А. М. Ону. Означенное делопроизводство вышло из затруднения очень оригинальным образом, именно: оно объединило в журнале заседания оба противоположные предложения в одной общей формуле. В результате такого приема постановление Вр[еменного] правительства, внесенное в журнал, гласило, что должность членов Государственного совета по назначению упраздняется, и что все лица, занимавшие эту должность, оставляются за штатом на общем основании, с сохранением полного содержания.

В этом виде журнал упомянутого заседания Вр[еменного] правительства, до рассылки его членами правительства для подписания, был мне предъявлен канцелярией для ознакомления. Я от всей души поохотал над этим продуктом канцелярской изворотливости и с любопытством и волнением стал ждать, обратит ли хоть кто-нибудь из членов верховного синклита внимание на своеобразную формулировку указанного пункта. Все они подмахнули свои фамилии под журналом, не читая его.

Благодаря этому создалась формальная основа для продолжения выдачи назначенным членам Государственного совета полного содержания вплоть до большевицкого переворота.

Что касается выборных членов Государственного совета, то они продолжили носить свое звание до осени 1917 г., когда состоялся указ Временного] правительства о роспуске Четвертой Государственной думы и выборной части Государственного совета.

После Октябрьского переворота большевики назначили своего комиссара по Государственному совету. Моя роль кончилась.

Именной указатель

А

Август (63 до и. э. – 14 г. и. э.), древнеримский император (27 г. до и. э. – 14 г. и. э.) – 109.

Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914), юрист, государственный деятель. Окончил Пензенскую гимназию (1864), Московский университет (1869). Работал в Московской судебной палате (1870–1872), во Владимирском (1872–1875; 1880–1881) и Московском (1875–1879) окружных

судах; киевский губернский прокурор (1879–1880), товарища прокурора Киевской судебной палаты (1881–1883), председатель Одесского (1883–1889) и Пензенского (1887) окружных судов, прокурор Одесской (1889–1891) и Московской (1891–1894) судебных палат, старший председатель Одесской судебной палаты (1894–1899). Сенатор уголовного кассационного департамента Сената (1899–1905), министр юстиции и генерал-прокурор (1905–1906). Член Государственного совета (1906–1914), его председатель (1907–1914) – 63, 102, 111, 137, 148, 159, 162, 163, 170.

Александр III (1845–1894), российский император (1881–1894) – 9, 109, 114.

Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), политический деятель, публицист (парт, псевд. «Петр», «Петр Алексеев», «Алексей Алексеевич», лит. – «Петр», «Алексеев», «Петр А.», «Петр Ал.», «Г. А.», «Г. Ал.», «Г. Адский»). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904). Один из руководителей студенческого движения в Москве, социал-демократ. Сотрудник большевистских изданий «Вестник жизни», «Волна», «Новая жизнь» и др. Депутат II Государственной думы по рабочей курии от Петербурга. Возглавлял большевистское крыло думской социал-демократической фракции. После разгона Думы эмигрировал. С началом Первой мировой войны занял патриотические позиции. Участник сборника плехановцев «Война», издал несколько номеров журнала «Россия и свобода», сотрудничал в монархической газете «Русская воля». После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, член организации «Единство», был избран в ее ЦК и редакцию газеты. В 1918 г. был арестован, но выпущен на

поруки и бежал за границу. В 1920 г. судим заочно Верховным трибуналом по делу «Тактического центра». За границей сотрудничал в периодических изданиях «Общее дело», «Русская газета» и др. – 79.

Альфонс XIII (1886–1941), король Испании из рода Бурбонов (1886–1831) – 106.

Антонов Николай Иванович (1859–1938), судебный и общественный деятель, член Государственной думы от Харьковской губернии. По окончании юридического факультета Петербургского университета (1882) поступил на службу кандидатом на судебные должности при Петербургском окружном суде (1883–1884), в Петербурге (1884) и Царскосельском уезде (1885–1886). Товарищ прокурора в Эстляндской губернии (1886–1894), прокурор Пермского (1896–1899) и Житомирского (1899–1904) окружных судов, товарищ прокурора Киевской судебной палаты (1904–1906), начальник 1-го уголовного отделения 1-го департамента Министерства юстиции (1906–1907). Депутат III–IV Государственных дум от Харьковской губернии, член фракции Союза 17 октября (1907–1913), председатель ее бюро (1912–1913). Из-за политических разногласий вышел из бюро, затем примкнул к группе земцев-октябристов (1914). Входил в Прогрессивный блок, ряд думских комиссий. Участвовал в Государственном совещании в Москве (1917). После революции эмигрировал, жил в Югославии – 182.

Б

Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932), русский и советский историк, общественный и политический деятель,

член Государственного совета от Академии наук и университетов (1906), ректор Харьковского университета (1906–1910), харьковский городской голова (1914–1917), академик АН УССР (1918). Окончил Харьковский университет (1880). С 1883 г. приват-доцент Харьковского университета по кафедре русской истории, с 1887 г. профессор. Член Государственного совета (1906; 1910–1914). С 1917 г. преподавал историю в Харьковском и Полтавском институтах, основал в Харькове научно-исследовательскую кафедру истории Украины, Институт истории украинской культуры, Институт по изучению творчества Т. Г. Шевченко – 75, 76, 106, 135.

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), ученый-экономист, публицист, политический деятель. Окончил Киевский университет и был оставлен при кафедре политической экономии. Преподавал политическую экономию в Тенишевском училище, читал лекции в петербургских Политехническом и Технологическом институтах, профессор. Публиковался в легальных марксистских изданиях и журналах. После Февральской революции 1917 г. управляющий отделом труда, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, управляющий Министерством финансов. Министр финансов в последнем составе Временного правительства. Министр финансов в правительствах А. И. Деникина и П.Н. Врангеля (1918–1920). Эмигрировал, жил во Франции – 230.

Бисмарк Отто фон (1815–1898), германский государственный деятель, первый рейхсканцлер Германской империи – 110.

Блоссфельдт (Блоссфельд) Гуго Эдуардович (1870–1940), статс-секретарь Государственного совета Российской империи, помощник статс-секретаря Государственного совета (с 1903), сенатор (1917) – 60, 213, 220, 223, 225.

Боргман Иван Иванович (1849–1914), физик, профессор Петербургского университета. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию (1866), физико-математический факультет Петербургского университета (1870), магистр (1878), доктор (1882). Автор ряда научных работ по электромагнетизму, электрическим разрядам в газах, радиоактивности. С 1901 г. директор Физического института университета. Редактор физического отдела «Журнала Русского физико-химического общества» и серии книг «Новые идеи в физике». Первый выборный ректор Петербургского университета (1905–1910), умеренный либерал. Член Государственного совета от университетов и Академии наук (1906), в январе 1907 г. вышел из него в знак протеста против роспуска I Государственной думы. Оставил должность ректора в 1910 г. в знак протеста против нарушения полицией прав студенчества – 73–78.

В

Васильев Александр Васильевич (1853–1929), русский математик и общественный деятель. Выпускник Санкт-Петербургского университета. С 1874 г. приват-доцент, с 1887 г. ординарный профессор Казанского университета. Активный земский деятель. Был депутатом I Государственной думы, членом Государственного совета, входил в состав ЦК кадетской партии. Один из основателей

Казанского физико-математического общества – 51, 54, 78, 85, 87, 105, 150, 152, 188.

Вейнштейн Григорий Эммануилович (1860–1926), общественный деятель, владелец торгового дома «Эммануил Вейнштейн с сыновьями» в Одессе, инженер-технолог по профессии. Председатель химического отдела Русского технического общества, Одесского биржевого комитета, заместитель председателя совета съездов мукомолов. Член Государственного совета Российской империи от торгово-промышленных кругов (1915–1917), член Прогрессивного блока. После прихода к власти большевиков эмигрировал, жил во Франции – 87.

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), крупнейший ученый-естествоиспытатель, внесший вклад в целый ряд научных дисциплин – геохимию, биогеохимию, радиогеологию, кристаллографию, историю и философию науки и др. Академик. Известен своей активной общественной деятельностью. Член ЦК кадетской партии. Избирался членом Государственного совета от академической курии. После Февральской революции – председатель Ученого комитета Министерства земледелия, председатель Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям, товарищ министра народного просвещения – 2, 5, 18, 29, 35, 50, 51, 55, 75–78, 87, 90, 93, 94, 96, 105, 202.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель. Директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889–1892), управляющий Министерства путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), член Государственного совета (1903–1915), председатель Совета министров (1905–1906). В Государственном совете

принадлежал к внепартийной группе – 2, 3, 48, 52, 63, 83, 106–110, 112–116.

Г

Гейлинкс Арнольд (1624–1669), голландский философ – 110.

Герасимов Осип Петрович (1863–1920), государственный деятель. Товарищ министра народного просвещения в правительствах С.Ю. Витте и П.А. Столыпина (1905–1908) и во Временном правительстве (1917). Автор проекта о введении в России обязательного всеобщего обучения. Способствовал открытию в Москве Народного университета имени А. Л. Шанявского. 10 февраля 1920 г. арестован органами ВЧК. Скончался во время следствия – 222.

Глазов Владимир Гаврилович (1848–1920?), военный и государственный деятель. Был начальником штаба гвардейского корпуса (1895–1899), Финляндского военного округа (1899–1901), начальником Николаевской академии Генерального штаба (1901–1904), министром народного просвещения (1904–1905). При нем в августе 1905 г. были изданы временные правила о предоставлении высшим учебным заведениям права самоуправления – 89.

Глебов Николай Николаевич (1864–1941), политический и земский деятель. Основатель электромеханического завода в Петербурге с отделением в Москве, владелец ряда электротехнических компаний. Член ЦК конституционно-демократической партии. Член Государственного совета от земства – 87.

Глебов Юрий Николаевич (1873–1926), общественный деятель. Член III Государственной думы от Черниговской губернии. Октябрист. С марта по июнь 1917 г. занимал пост петроградского городского головы. В эмиграции во Франции – 217, 218.

Годнее Иван Васильевич (1854–1919), врач, общественный деятель. Депутат III–IV Государственных дум (1907–1917), член фракции октябристов.

Государственный контролер в составе Временного правительства (1917)– 182,184,185, 236.

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925), князь, государственный политический деятель. Вице-директор Хозяйственного департамента министерства внутренних дел (1884–1885), губернатор Архангельской (1885–1893), Калужской (1893–1897) и Тверской (1897–1903) губерний. Сенатор (1903–1916). Член Государственного совета (1915), председатель Совета министров (1916–1917). В Государственном совете входил во фракцию правых – 197.

Голубев Иван Яковлевич (1841–1918), государственный деятель, вице-председатель Государственного совета. В 1880–1881 гг. директор департамента Министерства юстиции. С 1881 г. сенатор, с 1895 г. – член Государственного совета. С 1906 г. вице-председатель преобразованного Государственного совета. В конце 1916 г. подал в отставку с этой должности, а затем вышел из членов Государственного совета из-за негативного отношения к нему царя – 50, 63, 78, 79, 173, 181, 194, 196, 208, 212.

Гончаров Сергей Сергеевич (1843–1918), государственный деятель. Был товарищем председателя Тамбовской палаты гражданского суда (1866), товарищем председателя Подольской палаты гражданского суда (1869), членом

Смоленского окружного суда (1870). Председатель Волынской (1873) и Киевской (1875) палат уголовного и гражданского суда, прокурор Казанской (1877) и Московской (1880) судебных палат. Старший председатель Тифлисской судебной палаты (1884). Сенатор с 1891 г. Член Государственного совета (1900–1911), один из лидеров правых в нем. Вышел в отставку в знак протеста против действий П. А. Столыпина по введению земства в западных губерниях – 81, 159.

Гордон Владимир Михайлович (1871–1926), ученый-правовед. Приват-доцент Петербургского университета (1900). С 1901 г. доцент кафедры гражданского судопроизводства Демидовского юридического лица, экстраординарный профессор (1903). С 1906 г. в Харьковском университете, ординарный профессор кафедры торгового права (1907). В 1912 г. избран Петербургским университетом на кафедру торгового права, но не утвержден министром. В советский период – профессор Таврического национального университета, Харьковского института народного хозяйства. Академик Академии наук УССР (1925) – 127–129.

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), государственный деятель, председатель Совета министров Российской империи, член Государственного совета, сенатор. Окончил училище правоведения в 1860 г. Службу начал в Сенате, затем был вице-губернатором в Полоцкой и Келецкой губерниях. С 1873 г. стал служить в МВД, с 1882 г. занимал прокурорские должности в департаментах Сената. В 1891 г. назначен товарищем министра юстиции, в 1894 г. – сенатором. В 1895–1899 гг. возглавлял МВД, затем назначен членом Государственного совета. С 22 апреля по 8 июля 1906 г. был председателем Совета министров. В Государ-

ственном совете относился к группе правых. В 1914–1915 гг. вновь возглавлял Совет министров. После Февральской революции был арестован, затем выслан из Петрограда. Жил в Сочи, где был убит во время разбойного нападения на его дачу – 174, 175, 180, 190.

Грибовский Вячеслав Михайлович (1867–1924), правовед, профессор. Обер-аудитор Главного военно-морского судного управления (с 1896 г.). Приват-доцент Петербургского университета (с 1896 г.). Доктор государственного права (1902), член (с 1902 г.) и преподаватель (1905) Петербургского археологического института. Чиновник особых поручений при Главном управлении по делам местного хозяйства МВД (с 1908 г.). Профессор Новороссийского (1909–1911), Петербургского (1912–1917), Томского (1917–1919) и Латвийского (1920–1924) университетов – 20, 129.

Гукасов (Гукасян, Гукасянц) Погос Овсепович (Павел Осипович) (1858–1937), бакинский нефтепромышленник, инженер, финансист. Брат промышленника, общественного деятеля, издателя и мецената А. О. Гукасова. С 1878 г. – управляющий заводом «Каспийского товарищества» в Баку. После преобразования товарищества в акционерное общество в 1887 г. стал его директором, а в 1889 г. – председателем правления. Занимал руководящие должности в 13 российских компаниях («Каспийский трубопровод», общество «Электрическая сила» в Баку и др.). Председатель Совета съездов представителей бакинских нефтепромышленников (1890–1906, 1915–1917). В 1906–1912 гг. член Государственного совета от торгово-промышленной курии. С 1916 г. председатель совета Русского торгово-промышленного банка. После прихода к власти большевиков эмигрировал – 51, 82, 85, 87.

Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1862–1927), государственный деятель, публицист. Товарищ министра внутренних дел (1906–1907). Снят с должности по приговору судебного присутствия уголовного кассационного департамента Сената за превышение власти. Амнистирован царем в 1909 г. Управляющий делами и член Постоянного совета Объединенного дворянства. Член Государственного совета от Тверского земства (1912–1917), входил поочередно в правую группу, кружок внепартийного объединения, Прогрессивный блок. Участник белого движения, затем в эмиграции – 54, 64, 188, 189.

Гучков Александр Иванович (1862–1936), общественный и политический деятель. Участник земских и городских съездов (1905), один из основателей и председатель ЦК Союза 17 октября. Сторонник политики П.А. Столыпина. Член Государственного совета (1907). Депутат (1907–1912) и председатель (1910–1911) III Государственной думы от Москвы. Сложил полномочия председателя в знак протеста против незаконных действий правительства при проведении закона о земстве в шести губерниях Западного края. С начала Первой мировой войны особоуполномоченный Российского общества Красного Креста на фронте, председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного совета (1915–1917), участник Прогрессивного блока. Принял отречение Николая II от престола, военный и морской министр в составе Временного правительства (1917), участник белого движения, затем в эмиграции – 26, 27, 56, 74, 154, 211.

Д

Дейтрих Владимир Федорович (1852–1919), судебный и государственный деятель. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Товарищ подольского губернского прокурора (1876–1878), товарищ прокурора Воронежского (1878–1880) и Петербургского окружных судов (1880–1883), прокурор Витебского (1883–1888) и Петербургского (1888–1889) окружных судов, председатель Петербургского окружного суда (1889–1894), прокурор (1894–1898) и старший председатель (1898–1902) Петербургской судебной палаты. Выступал за ограничение полномочий суда присяжных. Помощник финляндского генерал-губернатора (1902–1905), сторонник политики русификации, член Государственного совета (1905–1917). С 1 января 1917 г. вице-председатель Государственного совета – 146, 208, 212.

Дерюжинский Владимир Федорович (1861–1920), юрист, публицист, преподаватель, редактор, профессор полицейского права в Московском и Юрьевском университетах, автор ряда фундаментальных трудов по юриспруденции, один из составителей «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», где ему принадлежит множество статей по правоведению – 26, 57, 177, 213, 214, 234.

Дистерло Роман Александрович (1859–1919), юрист, литературный критик и государственный деятель, барон. Чиновник Министерства юстиции (1886–1897), помощник статс-секретаря (1897–1902) и статс-секретарь (1902–1912), сенатор (1912–1917), член Государственного совета (1914–1917). Входил в группу правых. В августе 1915 г. избран членом Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по перевозке топлива, продовольственных и

военных грузов. Автор публицистических статей, исследователь творчества Л. Н. Толстого – 181, 182, 201.

Донецкий Алексей Алексеевич (1845 – не ранее 1912), член Государственного совета от землевладельцев Области войска Донского (1906–1912). Входил в группу центра – 138.

Дурново Петр Николаевич (1842–1915), государственный деятель. Помощник прокурора Кронштадтского военно-морского суда (1870–1872), товарищ прокурора Владимирского (1872–1873) и Московского (1873–1875) окружных судов, прокурор Рыбинского (1875) и Владимирского (1875–1880) окружных судов, товарищ прокурора Киевской судебной палаты (1880–1881). Занимал различные должности в Министерстве внутренних дел, в 1883–1884 гг. вице-директор, в 1884–1893 гг. директор департамента полиции. Товарищ министра внутренних дел (1900–1905), министр внутренних дел (1905–1906). Член Государственного совета по назначению (1905–1915). Один из организаторов правой группы (1906), ее председатель в 1908–1915 гг. (с небольшим перерывом в 1911 г.). Занимал крайне правый фланг – 81, 144, 154–156, 159, 166, 167, 194, 200.

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, приват-доцент (1883–1890) и профессор (1890–1905) Дерптского/Юрьевского университета, профессор Петербургского политехнического института (1905–1905), Петербургского университета (1907–1912), академик Академии наук (1912). В 1916 г. назначен в Государственный совет – 21, 50, 63, 87.

Е

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945), общественный и политический деятель. Член Государственной Думы I, III–IV созывов. Один из основателей и лидеров Партии прогрессистов, член ее ЦК (1912–1914), председатель Клуба прогрессистов (1912–1916). Организатор и руководитель Русской группы Межпарламентского союза, член Межпарламентского совета. Публиковался в «Московском еженедельнике», «Слове», «Русских ведомостях», «Русской молве» и др. После 1917 г. в эмиграции – 182, 184, 185, 192.

3

Занчевский Иван Михайлович (1861–1928), ректор Новороссийского университета (1905–1907). За поддержку антиправительственного студенческого движения был обвинен в ненадлежащем исполнении своих обязанностей и уволен с государственной службы (1909) – 89.

Зелер Вильгельм (Карл) Фридрихович фон (1861–1925), юрист, доктор римского права. Профессор Харьковского (1885–1896), Киевского (1896–1912), Юрьевского (1912–1913), Петербургского/Петроградского (1913–1917) университетов – 127, 128.

Зубашев Ефим Лукьянович (1861–1928), химик-технолог, общественный и государственный деятель. Профессор Харьковского технологического института, директор Томского технологического института. Один из учредителей и руководителей Сибирских высших женских курсов в Томске, редактор газеты «Сибирская жизнь», гласный Томской городской думы. Член Государственного совета от сибирских биржевых комитетов (1912–1917). Профессор

Петроградского технологического института (1920–1922). В 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Праге – 87.

И

Извольский Петр Петрович (1863–1928), государственный деятель. Брат А. П. Извольского, министра иностранных дел в 1906–1910 гг... Чиновник Министерства иностранных дел (1886–1887), Министерства внутренних дел (1887–1891), Министерства народного просвещения (1891–1905). Попечитель Рижского (1902–1904) и Петербургского (1904–1905) учебных округов, товарищ министра народного просвещения (1905–1906), обер-прокурор Синода (1906–1909), член Государственного совета по назначению (1909–1917). Входил в группу центра. С 1920 г. в эмиграции – 150.

Икскуль фон Гильденбандт (Гильденбанд) Юлий Александрович (1852–1918), государственный деятель. С 1875 г. служил в департаменте Министерства юстиции, с 1878 г. в Государственной канцелярии. Помощник статс-секретаря и статс-секретарь (1878–1899); товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1899–1901); товарищ государственного секретаря (1899–1904); государственный секретарь (1904–1909); член Государственного совета по назначению (1909). Участник Особых совещаний по введению народного представительства, реорганизации Государственного совета и пересмотру Основных законов Российской империи в 1905–1906 гг. В декабре 1910 г. стал первым председателем беспартийной группы в Государственном совете. С 1914 г. президент Генеральной евангелическо-лютеранской консистории – 80, 84.

Ильин Алексей Алексеевич (1858–1942), государственный деятель, историк, нумизмат, картограф. Владелец картографического производства. Член Государственного совета по выборам от дворянства Петербургской губернии. Член Совета Государственного банка. Глава Российского общества Красного Креста. После Октября 1917 г. руководитель секции нумизматики Академии истории материальной культуры. Сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Передал свою коллекцию русских монет в Эрмитаж. Член-корреспондент АН СССР (1928) – 104.

Иностранцев Александр Александрович (1843–1919), геолог и палеонтолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1901 г.). Один из основателей и председатель (с 1888) Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Член целого ряда научных обществ в России и за рубежом. В 1892 г. на Урале открыл коренное месторождение платины. Создатель фундаментального учебника по геологии в двух томах – 73.

Искрицкий Михаил Андреевич (1873–1931), правовед, общественный и политический деятель и политик, член Государственной думы II и III созывов. Входил в группу мирного обновления, состоял членом комиссий по составлению Наказа о свободе совести. В октябре того же года повторно избран в Думу нового созыва. Входил во фракцию октябристов, был товарищем секретаря Думы. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Был избран первым председателем Русского эмигрантского комитета, состоял особым уполномоченным Российского общества Красного Креста и председателем РОКК в Марселе – 182.

К

Каменский Иван Григорьевич (1857–1919), магистр химии, предприниматель и политический деятель. Лесопромышленник. Член Государственного совета от Пермского земства (1907–1911) – 85, 87.

Каминка Август Исаакович (1865–1940), юрист, общественный и политический деятель, публицист, издатель. Приват-доцент Петербургского университета по кафедре гражданского и торгового права (1905–1912), преподавал право на Высших женских (Бестужевских) курсах (1909–1912). Соредатор журнала «Право», еженедельного журнала «Вестник партии народной свободы». Один из организаторов и лидеров партии кадетов, член ЦК партии. С 1918 г. в эмиграции – 127, 128.

Кассо Лев Аристидович (1865–1914), ученый-юрист и государственный деятель. Профессор Киевского (1895), Харьковского (1895–1899), Московского (1899–1908) университетов, директор Катковского лицея (1908–1910). Министр народного просвещения (1910–1914). Стронник консервативной политики в области образования – 17–23, 51, 52, 90, 93, 96, 97, 100–102, 105, 122, 124–127, 129, 150, 152, 251.

Кауфман (с 1914 г. – фон Кауфман-Туркестанский) Петр Михайлович фон (1857–1926), государственный деятель, министр народного просвещения. Выпускник Александровского лицея. Служил секретарем председателя Комитета министров П.А. Валуева, делопроизводителем канцелярии главного начальника Верховной распорядительной комиссии графа М.Т. Лорис-Меликова. В 1880–1881 гг. состоял при сенаторе А. А. Половцеве; ревизовал административные и

местные выборные учреждения Киевской и Черниговской губерний. В 1883 г. назначен делопроизводителем отделения законов Государственной канцелярии, в 1886 г. назначен помощником статс-секретаря Государственного совета. В 1896–1903 гг. управляющий делами канцелярии и товарищ главноуправляющего Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Член главного управления Российского Красного Креста. С 1906 г. член Государственного совета. С 24 апреля 1906 г. по 1 января 1908 г. – министр народного просвещения. В 1920 г. эмигрировал во Францию – 51, 78, 88–90, 104, 150, 165, 208.

Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, политический деятель. Выступал защитником на политических процессах. Член IV Государственной думы от Саратовской губернии, лидер фракции трудовиков (1912–1917). После Февральской революции министр юстиции, военный министр, председатель Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции – 26, 58, 59, 228, 230, 232, 235–238.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), один из крупнейших русских историков, ординарный профессор Московского университета, академик. В 1905 г. участвовал в работе Комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреждения Государственной Думы и ее полномочий. 10 апреля 1906 г. был избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, но отказался от звания – 14, 75.

Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918), историк, библиограф. В 1901 г. назначен членом Государственного совета. Директор Публичной библиотеки (1902–1918). В 1905 г. председатель Особого совещания для составления нового

устава о печати, в котором отстаивал либеральные взгляды – 83, 233.

Кобылинский Петр Петрович (1847–1918), правовед, общественный и государственный деятель. Чиновник Министерства юстиции (1869–1872, 1885–1899), Государственной канцелярии (1878–1885). Вице-директор департамента Министерства юстиции (1886–1899), сенатор (1899). Член Совета Русского собрания. Член Государственного совета по назначению (1906–1917). Член бюро группы правых – 173, 182.

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), русский историк, юрист, социолог и общественный деятель, один из руководителей русского масонства. Академик. Член I Государственной думы и Государственного совета. Один из основателей партии прогрессистов, член ее ЦК – 2, 5, 16, 17, 23, 50, 52, 54, 63, 77, 78, 85, 99, 104–106, ИЗ, 114, 117, 144, 150, 162, 184, 188.

Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), юрист, государственный деятель, граф. Выпускник Александровского лицея. Чиновник министерства юстиции (1873–1878), помощник начальника Главного тюремного управления (1882–1890). Помощник статс-секретаря Государственного совета (1890–1891), статс-секретарь Государственного совета (1891–1895), товарищ государственного секретаря (1895–1896), товарищ министра финансов (1896–1903), сенатор (1900), государственный секретарь (1902–1903), министр финансов (1903–1905, 1906–1914), статс-секретарь (1905–1906), член Государственного совета (1905–1917), председатель Совета министров (1911–1914). С 1918 г. в эмиграции – 2, 3, 20, 24, 52, 55, 63, 84, 118, 125, 126, 129, 202, 203, 205, 206.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор. Академик. Председатель гражданского департамента Петербургской судебной палаты (1881–1885), обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената (1885–1891, 1892–1896), сенатор (1891–1892, 1896–1917), член Государственного совета (1907–1917). В Государственном совете не входил в группы, но на заседаниях занимал левую позицию – 3, 52, 53, 63, 83, 84, 99, 106, 115–118, 178, 189, 196, 237.

Коновалов Александр Иванович (1875–1949), крупный предприниматель, общественный и политический деятель. Был одним из основателей и спонсоров либеральной газеты «Утро России». В 1912–1917 гг. член IV Государственной думы от Костромской губернии. В 1913–1914 гг. товарищ председателя Думы. В 1912 г. стал одним из создателей и лидеров Прогрессивной партии. С 1915 г. товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, был одним из организаторов Прогрессивного блока. В марте-мае и сентябре-октябре 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства. Арестован большевиками. Член Учредительного собрания от кадетской партии. Эмигрировал во Францию – 26, 184, 222, 223.

Корвин-Милевский Ипполит Оскарович (1848–1932), граф, польский и белорусский общественно-политический деятель. В 1906 г. избран депутатом от Виленской губернии в Государственный совет. В 1907 г. был одним из основателей «Краевой партии Литвы и Беларуси». В 1909 г. повторно избран в Государственный совет, но в 1910 г. покинул его в знак протеста против курса П.А. Столыпина. В 1919 г. стал

автором меморандума «виленских консерваторов» о государственной унии (федерации) Польши и Литовско-Белорусского края, но вскоре от активной политической деятельности отошел – 144.

Корф Павел Леопольдович (1836–1913), барон, общественный деятель. Окончил Пажеский корпус. Председатель Петербургской губернской земской управы (1868–1878), петербургский городской голова (1878–1881, президент Вольного экономического общества (1885–1894). Член Государственного совета от петербургского земства (1906–1912). Примыкал к группе центра – 138.

Крашенинников Николай Сергеевич (1857–1918), судебный деятель. Член Государственного совета Российской империи (1915–1917), входил в группу правых. Председатель Верховного уголовного суда (1917). Во время Февральской революции временно арестован. В 1918 г. находился в Пятигорске. Был взят большевиками в заложники и расстрелян в октябре 1918 г – 209.

Крупенский Павел Николаевич (1863–1939), общественный и политический деятель. Один из организаторов бессарабского политического кружка «Кишиневские русские патриоты» и Бессарабской партии центра (1905). Принимал активное участие в деятельности правых организаций. Член Государственной Думы II–IV созывов от Бессарабской губернии. Один из лидеров партии умеренно-правых (1908–1910), член Совета Всероссийского национального союза. Считается одним из инициаторов назначения министром народного просвещения Л. А. Кассо, сестра которого была замужем за братом Крупенского. В IV Думе товарищ председателя фракции центра, член бюро Прогрессивного

блока (1915–1916), платный агент Департамента полиции. Участник белого движения, затем в эмиграции – 188.

Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935), государственный деятель, юрист. Чиновник министерства внутренних дел, в том числе – товарищ министра (1906–1911). Автор и разработчик важнейших государственных актов (избирательные законы 1905 и 1907 гг., аграрная реформа и т. д.). Сенатор (1907), государственный секретарь (1911–1917). Редактор «Русской летописи». С 1918 г. в эмиграции – 25, 48, 173, 176, 208, 210, 211.

Крым Соломон Самойлович (1867–1936), агроном, общественный и политический деятель. Уездный и губернский земский гласный, гласный Феодосийской городской думы. Участник съездов земских и городских деятелей (1905). Один из руководителей местной организации кадетской партии в Таврической губернии. Член Государственной Думы I и IV созывов от Таврической губернии. Член Государственного совета. С 1919 г. в эмиграции – 87, 197.

Кудрявый Виктор Андреевич (1860–1919), общественный и государственный деятель. Помощник присяжного поверенного, подвергся административной высылке за политическую деятельность. Уездный и губернский земский гласный, председатель Грязовецкой уездной (1891–1900) и Вологодской губернской (1900–1904, с 1909 г.) земских управ, гласный Вологодской городской думы. Участник ноябрьского земского съезда (1904). Один из создателей Вологодской организации партии кадетов. Член Государственного совета от Вологодского земства (с 1906 г.) – 141.

Куломзин Анатолий Николаевич (1838–1923), юрист, государственный деятель. Мировой посредник в Костром-

ской губернии (1861–1864), чиновник Государственной канцелярии (1864–1868), канцелярии Комитета министров (1868–1880), товарищ министра государственных имуществ (1880–1883), статс-секретарь (1883), управляющий делами Комитета министров (1883–1902), член (1902–1917) и председатель Государственного совета (1915–1917) по назначению. После прихода к власти большевиков эмигрировал – 48, 50, 63, 170, 181.

Л

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик Санкт-Петербургской академии наук (1905). Профессор Санкт-Петербургского университета. Секретарь (1890–1895) и председатель (с 1903 г.) секции русской истории Исторического общества Санкт-Петербургского университета. С 1894 г. – член Археографической комиссии. Почетный доктор права Кембриджского университета (1916). С 1917 г. – председатель Союза российских архивных деятелей – 5, 75–78.

Лаптев Иннокентий Павлович (1873–1917), общественный деятель. Член Государственной Думы I–II созывов от Сибирского казачьего войска, входил во фракцию Партии демократических реформ. Член Государственного совета от торгово-промышленных кругов (1915–1917) – 87.

Львов Владимир Николаевич (1872–1930), политический и государственный деятель. Один из организаторов местной организации Союза 17 октября в Самаре и губернии. Член

Государственной Думы III–IV созывов от Самарской губернии (1907–1917), член фракции Союза 17 октября, Русской национальной фракции и группы независимых националистов в III Думе, председатель фракции центра в IV Думе. Был известен в Думе как Львов 2-й (Львов 1-й – его старший брат Николай). Член бюро Прогрессивного блока. Во время Февральской революции стал членом Временного комитета Государственной Думы. Занимал пост обер-прокурора Святейшего синода в первом и втором составах Временного правительства. В годы Гражданской войны уехал в Сибирь, оттуда – в Японию, затем – во Францию. В 1921 г. примкнул к «сменовеховству» и в 1922 г. вернулся в СССР. Активно участвовал в движении обновленцев. В феврале 1927 г. арестован, выслан в Сибирь. Отбывал ссылку в Томске, где и умер – 188–190, 236.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, общественный деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета (1885), чиновник министерства внутренних дел (1885–1893). После отставки уездный и губернский гласный, председатель Тульской уездной земской управы (1903–1906). Член I Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза и один из председателей объединенного комитета Земского союза и Союза городов (Земгора) во время Первой мировой войны. Председатель Временного правительства и министр внутренних дел – 26, 58, 168, 184, 218, 221, 224, 230.

М

Макаров Александр Александрович (1857–1919), юрист, государственный деятель. Прокурор Ревельского (1889–

1894), Нижегородского (1894–1897) и Московского (1897–1901) окружных судов. Прокурор Саратовской судебной палаты (1901–1906), старший председатель Харьковской судебной палаты (1906). Товарищ министра внутренних дел (1906–1911), министр внутренних дел (1911–1912), член Государственного совета по назначению (1912–1917); примыкал к правым. Министр юстиции (1916–1917) – 104.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), адвокат, политический деятель. Член ЦК кадетской партии. Депутат Государственной Думы II–IV созывов от Москвы. Посол во Франции (1917). С 1924 г. возглавлял Эмигрантский комитет, представлявший интересы русских эмигрантов во Франции и выдававший удостоверения русским эмигрантам – 182, 184, 186, 187.

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), государственный деятель. Брат адвоката В. А. Маклакова. Чиновник министерства финансов, управляющий Полтавской казенной палатой (1906–1909), черниговский губернатор (1909–1912), министр внутренних дел (1912–1915), член Государственного совета по назначению (1915–1917), член Совета монархических съездов (1915–1917). Участвовал в Петроградском совещании монархистов 21–23 ноября 1915 г., на котором был избран в состав Совета монархических съездов. Во время Февральской революции арестован. В августе 1918 г. расстрелян ВЧК в ходе «красного террора» – 169.

Мануйлов (Мануйлов) Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, ректор Московского университета, министр народного просвещения Временного правительства. В 1905–1911 гг. ректор Московского университета. В 1907–1911 гг. член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов. Критик столыпинской

аграрной реформы. Член ЦК кадетской партии. В 1914–1917 гг. председатель Экономического совета Всероссийского союза городов. В марте-июле 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. После прихода к власти большевиков прекратил политическую деятельность. В 1919–1920 гг. – консультант народного комиссара финансов. С 1924 г. член совета Государственного банка, участвовал в проведении финансовой реформы – 18, 27, 29, 50, 51, 57, 58, 60, 63, 77, 78, 90, 93–96, 99, 105, 141, 164, 216, 220–224, 230.

Манухин Сергей Сергеевич (1856–1922), юрист, государственный деятель. Чиновник Министерства юстиции, товарищ министра юстиции (1901–1905), министр юстиции (1905), сенатор (1902), член Государственного совета (1905–1917), председатель комиссии по расследованию обстоятельства Ленского расстрела (1912). С 15 июня 1914 г. по 15 июля 1915 г. временно исполнял обязанности вице-председателя Государственного совета. В 1921 г. арестован по делу Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева и приговорен к двум годам принудительных работ. Амнистирован ВЦИК ввиду плохого состояния здоровья, и вскоре скончался – 50, 63, 173–175, 179, 180–183, 185, 186, 200, 237.

Марин Николай Викторович (1865–1960), лесовод, член Государственного совета от Костромского губернского земского собрания. Член академической группы – 87.

Мейендорф Александр Феликсович (1869–1964), барон, юрист и политический деятель, ученый-историк. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Приват-доцент университета, инспектор училища правоведения. Один из организаторов Союза 17 октября.

Депутат Государственной Думы III–IV созывов, товарищ председателя Думы (1907–1909). В 1913 г. вышел из октябристской партии. Эмигрировал – 177.

Меллер-Закомельский Владимир Владимирович (1863–1920), барон, предприниматель и политический деятель. Член Главного правления Кыштымского горного округа, владелец 50 % акций «Акционерного общества Кыштымских горных заводов». Предводитель дворянства Ямбургского уезда (1899–1903), начальник Алтайского горного округа (1904–1906), председатель Петербургской губернской земской управы (1906–1912), член ЦК Союза 17 октября, член Государственного совета от Петербургского губернского земского собрания (1912–1917). Один из руководителей группы центра – 50, 54, 57, 63.

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), зоолог и зоогеограф, основатель русской орнитологии. Доцент (1884–1887), профессор (1887–1911, 1917–1935) Московского университета, помощник ректора университета (1906–1911), профессор московских Высших женских курсов и народного университета им. А. Л. Шанявского (1911–1917). Ректор, затем помощник ректора Московского университета, организатор и директор института и музея сравнительной анатомии университета, почетный (1926) и действительный (1929) член АН СССР – 93.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, либеральный политический деятель, лидер партии кадетов. Приват-доцент Московского университета (1886–1895). Один из основателей журнала «Освобождение» и Союза освобождения, организатор и лидер конституционно-демократической (кадетской) партии, редактор газет «Свободный народ» и «Народная свобода», член Государ-

ственной Думы III–IV созывов, министр иностранных дел во Временном правительстве (1917). В эмиграции – 14, 25–27, 29, 54, 60, 74, 99, 188, 189, 190, 193, 197.

Минаков Петр Андреевич (1865–1931), ученый, судебный медик и антрополог. Профессор (1900–1911, 1917–1931) и проректор (1909–1911) Московского университета – 93.

Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич (1868–1918), граф, общественный и государственный деятель. Уездный и губернский земский гласный в Черниговской губернии, гласный Петербургской городской думы, уездный и губернский предводитель дворянства, член Главного управления Российского общества Красного Креста (1904–1917), член Государственного совета от Черниговского земства (1911–1917). Примыкал к группе центра – 120.

Муссолини Бенито (1883–1945), итальянский политический деятель, вождь (дуче) фашистской партии Италии, премьер-министр Италии (1922–1943). До Первой мировой войны член Итальянской социалистической партии – 110.

Н

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), ученый-криминалист и политический деятель. Служил в Государственной канцелярии. Профессор в Училище правоведения (1896–1904), редактор либеральных изданий «Право» и «Вестник права», сотрудник журнала «Освобождение». Участник земских съездов (1904–1905) и Союза освобождения. Один из основателей Конституционно-демократической партии, товарищ председателя ее ЦК, редактор-издатель «Вестника партии народной свободы»

и газеты «Речь». Депутат I Государственной думы, подписал Выборгское воззвание. После Февральской революции управляющий делами Временного правительства. Убит в результате террористического акта. Отец писателя В. В. Набокова – 29, 58, 217, 218, 221, 223, 225.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель. Император Франции (1804–1814, 1815) – 110.

Нейдгардт (Нейдгарт) Алексей Борисович (1863–1918), политический и государственный деятель. С 1883 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полке, в 1887 г. вышел в запас, с 1894 г. – в отставке. В 1897–1917 гг. губернский предводитель дворянства в Нижнем Новгороде. Губернатор Екатеринославской губернии (1905–1906). С 1906 г. член Постоянного совета дворянских съездов, член Государственного совета от Нижегородского губернского земского собрания (1906–1915), с 1915 г. член Совета по назначению. Входил в состав группы центра. В 1911 г. организовал и возглавил группу правого центра, которая стала главной опорой П. А. Столыпина в Государственном совете. В июне 1918 г. подписал протест против гонений большевиков на православную церковь. Был арестован и расстрелян без суда. Причислен к лику святых Русской православной церковью в 2000 г. – 81, 83, 84, 162.

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), политический деятель, инженер. Штатный преподаватель (1902–1906), профессор (1906–1907) Томского технологического института. Руководитель Ялтинской организации конституционно-демократической партии, член ЦК партии (1909–1917), депутат Государственной Думы III–IV созывов от Томской губернии (1907–1917), министр путей сообщения

во Временном правительстве (1917). После Октябрьского переворота жил и работал в Уфе под фамилией Голгофский. Временно арестован. После освобождения работал в кооперации и преподавал. В 1930 г. приговорен к 10 годам заключения, освобожден в 1933 г. Вновь арестован в 1939 г. и затем расстрелян – 224, 225.

Николай (Зиоров Михаил Захарович) (1851–1915), архиепископ. Епископ Алеутский и Аляскинский (1891–1898), епископ Таврический и Симферопольский (1898–1905), член Государственного совета от монашеского духовенства (1906–1915), архиепископ Варшавский и Привисленский (1908–1915) – 102.

Николай II (1868–1918), российский император (1894–1917) – 27, 106, 107, 111, 140, 206, 215.

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, верховный главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом (1915–1917) – 167.

Никонов Сергей Павлович (1868 – не ранее 1928), юрист, ученый. Приват-доцент (1895–1900), профессор (1900–1903) в Демидовском лицее (1895–1900). Профессор Харьковского (1903–1909), Новороссийского (1909–1912), Петербургского (1912–1917), Томского (1917–1920) и Дальневосточного университетов – 20, 129.

Нольде Александр Эмильевич (1873–1919), профессор, сенатор, исследователь правовой науки. Барон. Юриконсульт Главного управления землеустройства и земледелия с 1913 г. С 1917 г. экстраординарный профессор Петроградского университета, с 1918 г. – ординарный. С 1917 г. сенатор. Погиб при попытке нелегального перехода российско-финской границы – 83.

О

Оболенский Александр Дмитриевич (1847–1917), князь, государственный деятель и стеколоводчик. Выпускник юридического факультета Московского университета (1871). Служил в Министерстве юстиции и Сенате. Пензенский губернский предводитель дворянства (1882–1888). Обер-прокурор 2-го, затем 1-го департаментов Сената (1889–1896), помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части (1896–1899), сенатор (1899), член Государственного совета (1902–1917) Был женат на А. А. Половцовой (1861–1917), дочери государственного секретаря А. А. Половцова. Его внук – Д. Д. Оболенский (1918–2001), выдающийся британский византиновед, академик – 147, 189, 196.

Озеров Иван Христофорович (1869–1942), экономист, финансист, ученый. Окончил юридический факультет Московского университета (1893). Профессор Московского университета (1901–1907, 1911–1917, 1920–1922). Профессор Петербургского университета (1907–1911). Член Государственного совета от Академии наук и университетов (1909–1917). Сторонник индустриализации, кооперации, введения прогрессивного подоходного налога. Акционер и член правления ряда банков и предприятий: Тульского земельного банка, Ленских золотых приисков, Эриванского цементного завода и т. д. Свои капиталы завещал на экономическое образование населения – 105.

Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1937), граф, земский общественный деятель. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1885). Камышинский

уездный предводитель дворянства (1893–1902), уездный и губернский земский гласный, председатель

Саратовской губернской земской управы (1902–1904), уполномоченный Российского общества Красного Креста в Русско-японскую войну (1904–1905). Остался в Мукдене при взятии его японскими войсками для защиты русских раненых. Один из организаторов Союза 17 октября (1905), член ЦК октябристов с 1906 г., председатель Саратовского губернского отдела. Член Государственного совета от Саратовского губернского земства (1907–1917). Примыкал сначала к правой группе, затем к центру. Член Постоянного совета объединенного дворянства (1906–1915), один из основателей и членов Прогрессивного блока (1915–1917). Эмигрировал- 118, 146, 196, 198.

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, один из основателей русской индологической школы. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1885). Приват-доцент (1889–1897), профессор (1897–1899) Петербургского университета. Адъюнкт по литературе и истории азиатских народов (1900–1903), экстраординарный академик (1903–1908), ординарный академик (1908), непреходящий секретарь (1904–1929) Академии наук. Член Союза освобождения, конституционно-демократической партии, член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (1912–1917), министр народного просвещения во Временном правительстве (1917), фактический руководитель Академии наук до 1929 г., директор института востоковедения АН СССР (1930–1934) – 5, 27, 28, 51, 77, 87, 104, 105.

Ону Александр Михайлович (1865–1935), историк, государственный деятель. Окончил истори-

ко-филологический факультет Петербургского университета. Делопроизводитель законодательного отдела Государственной думы, затем помощник статс-секретаря финансовой комиссии Государственного совета. Приват-доцент Петербургского университета (1916–1917). Управляющий делами Временного правительства (1917), генеральный консул Временного правительства в Лондоне – 221,238.

П

Пассек Евгений Вячеславович (1860–1912), ученый-юрист. Окончил юридический факультет Московского университета (1886). Приват-доцент Московского (1890–1891) и Дерптского (Юрьевского) (1891–1893) университетов. Профессор (1893–1911), ректор (1905–1911) Юрьевского университета – 51, 89.

Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932), ученый-правовед, цивилист. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Приват-доцент Новороссийского (1896–1900) университета, профессор Юрьевского (1900–1906) и Петербургского (1906–1907) университетов. Декан юридического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге. Профессор Петербургского университета (1917–1922), сенатор (1917). В эмиграции с 1922 г. – 22, 51, 97, 100.

Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931), российский и польский ученый, правовед, социолог, философ, депутат Первой Государственной думы. Выпускник юридического факультета Киевского университета. Преподавал в Училище правоведения. В 1898–1918 гг. возглавлял кафедру

энциклопедии права в Петербургском университете. В 1905–1906 гг. декан юридического факультета. Член ЦК партии кадетов (1905–1915), депутат I Государственной думы от Санкт-Петербурга. В Думе один из ведущих экспертов фракции по земельным вопросам, неоднократно выступал в прениях. После разгона Думы подписал «Выборгское воззвание», в результате чего был осужден на три месяца тюремного заключения и лишен политических прав. В 1921 г. эмигрировал в Польшу, где возглавил кафедру социологии Варшавского университета – 10, 126, 128.

Пиленко Александр Александрович (1873–1956), ученый-юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1896). Чиновник Министерства финансов (1898–1904). Приват-доцент (1900–1911), профессор (1911–1918) Петербургского университета. Преподавал также в Александровском лицее, на Высших женских курсах. Сотрудник газеты «Новое время» (1900–1917), член Союза 17 октября, гласный Петербургской городской думы (1911–1917). В эмиграции – 127.

Пилсудский Юзеф (1867–1935), польский государственный деятель. С 1893 г. член Польской социалистической партии (ПСП). Ставил целью создание независимой Польши. В Первую мировую войну организовал польский легион, сражавшийся на стороне Австро-Венгрии. Маршал Польши (1920), премьер-министр (1926–1928, 1930) – 110.

Пихно Дмитрий Иванович (1853–1913), экономист, журналист, политический и государственный деятель. Окончил юридический факультет Киевского университета (1874). Приват-доцент (1877–1885), профессор (1888–1902) Киевского университета. Чиновник по особым поручениям Министерства финансов (1885–1888), член Государственного

совета (1907–1913). Редактор газеты «Киевлянин». С 1905 г. председатель Киевского отдела Союза русского народа, член Русского собрания – 88, 114.

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), государственный деятель. Директор департамента государственной полиции (1881–1884), сенатор и товарищ министра внутренних дел (1884–1894), государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном совете (1894–1899), министр-статс-секретарь по делам Финляндии (1899–1902), министр внутренних дел и шеф жандармов (1902–1904). Проводил крайне реакционную политику. Убит эсером Е. С. Сазоновым (Созоновым) – 226.

Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920), правовед. Окончил юридический факультет Киевского университета. Преподавал в Юрьевском университете, профессор Петербургского университета (1903–1912), декан юридического факультета (1910–1912). Профессор Московского коммерческого института, Народного университета А. Л. Шанявского, Московского университета (1917–1920) – 22, 97, 100.

Покровский Николай Николаевич (1865–1930), государственный деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1888). Чиновник Министерства финансов: вице-директор Департамента окладных сборов Министерства финансов (1899–1904), статс-секретарь Департамента экономии Государственного совета (1904), директор Департамента окладных сборов Министерства финансов (1904–1906), товарищ министра финансов (1906–1914). Сенатор (1909), член Государственного совета (1914–1917), товарищ председателя Центрального воен-

но-промышленного комитета (1914–1916), государственный контролер (1916), министр иностранных дел (1916–1917). Эмигрировал, занимался наукой, в том числе читал лекции в Каунасском университете – 48, 56, 211.

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), военный и государственный деятель. Окончил Николаевскую инженерную академию (1880), Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Главный редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид», начальник Главного штаба (1905–1906), помощник военного министра (1906–1912), член Государственного совета (1912–1917), военный министр (1915–1916). Сторонник привлечения широких кругов общественности к военному производству – 169.

Р

Ребиндер Николай Александрович (1863–1918), общественный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1886). Уездный и губернский предводитель дворянства, уездный земский гласный в Харьковской губернии. Член Государственного совета от дворянства (1908–1917), входил в группу правого центра – 104.

Римский-Корсаков Александр Александрович (1849–1922), судебный и государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1871). Служил в Министерстве юстиции. Поочередно занимал должности товарищ прокурора при Гродненском, Пермском и Варшавском окружных судах, прокурора при Седлецком и

Псковском окружных судах (1879–1885), члена Киевской, Виленской и Петербургской судебных палат (1885–1903). Витебский губернский предводитель дворянства (1903–1905), ярославский губернатор (1905–1909), сенатор (1909), член Государственного совета (1915–1917), член правой группы. Активный деятель правомонархических организаций – 233.

Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642), французский государственный деятель, кардинал (с 1622 г.), первый министр Франции (с 1624 г.) – 110.

Розин Николай Николаевич (1871–1920), ученый-юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). Приват-доцент (1898–1900), профессор Томского университета (1900–1912). Один из организаторов местной организации конституционно-демократической партии. Член II Государственной думы от общего состава выборщиков Томского губернского избирательного собрания (1907), входил в конституционно-демократическую фракцию. Проректор (1907–1911), декан юридического факультета (1911–1912) Томского университета. Профессор Петербургского (Петроградского) университета (1912–1920), сенатор (1917)-127.

Рыков Евгений Владимирович (1838–1915), общественный деятель. Член Государственного совета от Таврического губернского земства (1906–1915). Входил в академическую группу – 197.

С

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1845–1929), юрист, государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1867), доцент университета (1872–1873). Служил при Министерстве юстиции, Государственной канцелярии, Синоде. Товарищ обер-прокурора Синода (1892–1905), сенатор (1896), член Государственного совета (1905–1917), обер-прокурор Синода (1911–1915). В 1915 г. принял фамилию жены – Десятовский. После революции несколько раз арестовывался. В 1926 г. был осужден, сослан в Тверь, где и умер – 151, 152.

Сабуров Андрей Александрович (1837–1916) – государственный деятель. Окончил Александровский лицей (1857). Служил в канцелярии Комитета министров, Министерстве юстиции, Министерстве народного просвещения. Попечитель Дерптского учебного округа (1875–1880), министр народного просвещения (1880–1881), сенатор (1881), член Государственного совета (1899–1916) – 81, 144, 172, 176.

Сергеевич Василий Иванович (1832–1911), историк права. Окончил юридический факультет Московского университета (1857). Преподавал в Москве и Санкт-Петербурге. В 1888–1897 гг. был деканом юридического факультета Санкт-Петербургского университета, а в 1897–1899 гг. – ректором университета. С 1 января 1907 г. стал членом Государственного совета по назначению – 73, 75, 88.

Стахович Михаил Александрович (1861–1923), общественный и политический деятель, поэт. Окончил Училище правоведения (1882). Уездный и губернский земский гласный, уездный и губернский предводитель дворянства в Орловской губернии. Один из основателей Союза 17 октября, депутат I–II государственных дум (1905–1906), один из

создателей думской фракции мирного обновления, член Государственного совета от Орловского губернского земства (1907–1917). После Февральской революции – генерал-губернатор Финляндии. В сентябре 1917 г. подал в отставку и был назначен послом в Испанию. После прихода большевиков к власти жил во Франции – 50, 54, 63, 77, 82, 85, 87, 117, 196, 211.

Стишинский Александр Семенович (1851–1921), государственный деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета (1872). Служил в Министерстве внутренних дел, Государственной канцелярии. Управляющий земским отделом МВД (1893–1896), товарищ Государственного секретаря (1896–1899), товарищ министра внутренних дел (1899–1904), член Государственного совета (1904–1917). Входил в группу крайне правых. Был арестован 1 марта 1917 г. и заключен в Петропавловскую крепость, освобожден в июне. В декабре 1917 г. уехал в Полтаву, затем на Кубань, занимал незначительную должность в аппарате Государственного контроля в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. В эмиграции – 150, 162, 163, 202.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель. Был ковенским уездным (1887–1889) и губернским предводителем дворянства (1899–1902), губернатором Гродненской (1902–1903) и Саратовской губерний (1903–1906). Министр внутренних дел (1906–1911), председатель Совета министров (1906–1911). Проводил аграрную реформу, направленную на разрушение крестьянской общины – 2–4, 19, 52, 60, 63, 64, 81, 84, 92, 112, 113, 118, 119, 123–125, 140, 141, 149, 153–157, 159–164, 243–245, 251, 256.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), экономист, социолог, философ, общественный деятель. Академик. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1895). В студенческие годы участник марксистских кружков, в 1890-е гг. один из лидеров русского марксизма. В начале 1900-х гг. примкнул к либералам. Один из организаторов «Союза освобождения» и конституционно-демократической партии, член ЦК партии. Был депутатом II Государственной думы (1907). После Февральской революции 1917 г. был директором экономического департамента Министерства иностранных дел. Активный участник белого движения. В эмиграции – 34, 35, 79.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), военный и государственный деятель. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1867), академию Генерального штаба (1874). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник штаба Киевского военного округа (1899–1902), помощник командующего округа (1902–1904), командующий войсками округа (1904–1905), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1905–1908), начальник Генерального штаба (1908–1909), военный министр (1909–1915), член Государственного совета (1911–1915). В эмиграции – 169.

Т

Таганцев Николай Степанович (1843–1923), юрист, криминалист, государственный деятель. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1862). С 1867 по 1882 г. преподавал в

Петербургском университете, Училище правоведения и Александровском лицее (1867–1882), член комиссий по разработке проектов уголовного и судебного законодательства. Сенатор (с 1887 г.), член Государственного совета (1906–1917). Придерживался либеральных взглядов: выступал защитником на политическом «процессе 193-х», последовательно выступал за отмену смертной казни – 50, 63, 180, 182, 186.

Танеев Александр Сергеевич (1850–1918), государственный деятель, композитор, отец фрейлины А. А. Вырубовой-Танеевой. Троюродный племянник композитора С. И. Танеева. Выпускник Санкт-Петербургского университета. Статс-секретарь, обер-гофмейстер императорского двора, камергер. В 1896–1917 гг. – главноуправляющий Собственной его императорского величества канцелярии. Член Государственного совета – 235.

Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), правовед. Окончил юридический факультет Варшавского университета (1896). Приват-доцент Варшавского университета (1899–1906), профессор Демидовского юридического лицея (1906–1908), Юрьевского университета (1908–1917). Был избран профессором Петербургского университета, но не утвержден министром. Профессор Петроградского университета (1917). В эмиграции-127, 128, 129.

Таубе Михаил Александрович фон (1869–1961), барон, юрист, историк, государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1891). Причислен к Министерству иностранных дел (1892–1917). Вице-директор второго департамента МИД (1905–1907), советник, непременный член Совета министерства. Товарищ министра народного просвещения (1911–1914), министр

народного просвещения (1914–1915), сенатор (1915), член Государственного совета по назначению (1917), член фракции правых. Профессор Харьковского и Петербургского (1903–1917) университетов. В эмиграции – 6, 20–24, 48, 51, 90, 92, 100, 104, 125, 126, 208.

Толстой Александр Петрович (1863 – после 1917), граф, общественный и политический деятель. Окончил физико-математический факультет Казанского университета (1887). Занимался сельским хозяйством и общественной деятельностью. Участковый мировой судья (1887–1896), уездный и губернский земский гласный Уфимской губернии. Член III

Государственной думы от Уфимской губернии (1907–1912). Входил во фракцию прогрессистов, был секретарем фракции. Член Государственного совета от Уфимского земства (1912–1917). Примкнул к группе левых – 87.

Толь Сергей Александрович (1848–1923), граф, государственный деятель. Окончил Училище правоведения (1870). Служил в Министерстве юстиции. Петербургский гражданский губернатор (1889–1903). Член Государственного совета (1903–1917), один из руководителей монархического Русского собрания – 103.

Трепов Александр Федорович (1862–1928), государственный деятель. Окончил Пажеский корпус. После военной службы служил по Министерству внутренних дел. Причислен к Государственной канцелярии с 1896 г. Сенатор (1906), член Государственного совета (1914–1917), министр путей сообщения (1915–1916), председатель Совета министров (1916)– 155, 197.

Трепов Владимир Федорович (1860–1918), государственный деятель. В 1902–1905 гг. был таврическим губернатором.

В 1905 г. назначен сенатором. С 1908 г. – член Государственного совета, в котором возглавлял группу крайне правых. За выступление против введения земства в западных губерниях вынуждено подал в отставку. В 1918 г. расстрелян большевиками – 154–156, 159.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь, философ, правовед, публицист, общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал в Демидовском лицее в Ярославле, Киевском и Московском университетах. Один из основателей партии мирного обновления. Член Государственного совета в 1907–1908, 1915–1917 гг. – 50, 51, 56, 63, 77, 78, 105, 184, 196, 198, 211.

Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911), общественный деятель, брат по отцу известных университетских профессоров и философов Сергея и Евгения Николаевичей Трубецких. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. В 1883 г. исполнял должность московского уездного предводителя дворянства, в 1884 г. – губернского предводителя дворянства. В 1892–1906 гг. избирался московским губернским предводителем дворянства. Был крупным землевладельцем. В 1906 г. избран от дворянских обществ в Государственный совет, где впоследствии возглавил земельную комиссию. Был председателем партии центра – 80, 81, 160.

У

Удинцов (Удинцев) Всеволод Аристархович (1865–1945), юрист, ученый-правовед. Окончил Демидовский лицей.

Приват-доцент лицея, доцент, затем профессор Киевского университета (1897–1911), декан юридического факультета (1909–1910), проректор (1910–1911). Профессор Петербургского университета (с 1911 г.), декан юридического факультета (с 1913), товарищ министра народного просвещения (1917) – 127, 128.

Ф

Фриш Эдуард Васильевич (1833–1907), государственный деятель. Окончил Училище правоведения (1853). В 1866–1870 гг. товарищ обер-прокурора, в 1870–1872 гг. обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената. В 1872 г. назначен исполняющим должность обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов Сената, в 1874 г. назначен сенатором. В 1876–1883 гг. товарищ министра юстиции, с 1879 г. член Совета по тюремным делам. Член Государственного совета с 1883 г.; в 1883–1893 гг. главноуправляющий кодификационным отделом при Государственном совете. Статс-секретарь с 1887 г. С 1897 г. председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, с 1900 г. председатель департамента законов. В 1905–1906 гг. участник Особых совещаний по разработке законопроектов о Государственной думе и Государственном совете. С 20 мая 1906 г. и до смерти – председатель Государственного совета – 50, 63, 79, 80.

Х

Хвостов Александр Алексеевич (Хвостов-старший) (1857–1922), государственный деятель. Начал службу в 1878 г. при прокуре Саратовского окружного суда. В 1884 г. стал

товарищем прокурора суда, а в следующем году был назначен вначале редактором департамента Министерства юстиции, а затем – управляющим законодательным отделением и юрисконсультom. В 1894 г. перевелся на службу в Министерство внутренних дел, где занял пост правителя канцелярии, а позднее – директора хозяйственного департамента. В 1901 г. вернулся в Министерство юстиции. 21 января 1905 г. был назначен товарищем министра. С 1 января 1912 г. член Государственного совета. Министр юстиции с 6 июля 1915 г. по 7 июля 1916 г. и министр внутренних дел с 7 июля по 16 сентября 1916 г. После Февральской революции проживал в своем имении в Елецком уезде Орловской губернии. После прихода к власти большевиков был выслан в ссылку в Елец, где и умер – 169, 179.

Ц

Цезарь Гай Юлий (100 или 102 г. до н. э. – 44 г. до н. э.), древнеримский политический, государственный деятель, выдающийся полководец, писатель – 109.

Цитович Петр Павлович (1843–1913), ученый-юрист. Окончил юридический факультет Харьковского университета (1866). Приват-доцент, доцент, профессор Новороссийского (1873–1880), Киевского (1884–1900) и Петербургского (1900–1905) университетов. Заслуженный профессор Петербургского университета (1903). Член совета Министерства финансов – 127.

Ч

Чавчавадзе Илья Григорьевич (1837–1907), грузинский писатель и общественный деятель, князь. В 1857–1861 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. В Грузии служил чиновником особых поручений при кутаисском генерал-губернаторе, мировым посредником и мировым судьей. В 1877–1902 гг. редактор газеты «Иверия». В 1906 г. избран членом Государственного совета от дворянских обществ, где примкнул к академической группе – 51, 82.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), революционер и общественный деятель. В 1869 г. вступил в революционный кружок М.А. Натансона – В.М. Александрова, который с 1871 г., после расширения состава, стал более известен как кружок «чайковцев». С 1874 г. в эмиграции в США. В 1878 г. вернулся в Европу. Был одним из основателей «Фонда Вольной русской прессы» в Лондоне. С 1899 г. член Аграрно-социалистической лиги, влившейся впоследствии в партию эсеров. В 1907 г. вернулся в Россию. В 1916–1917 гг. работал во Всероссийском союзе городов. После Февральской революции являлся депутатом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Резко враждебно отнесся к захвату власти большевиками. Член «Всероссийского Комитета спасения родины и революции». В 1918–1919 гг. возглавлял правительство Северной области в Архангельске. С мая 1920 г. жил в эмиграции в Лондоне – 55, 203.

Ш

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), языковед, исследователь русского летописания, академик Петербургской Академии наук. С 1906 г. член Государственного совета от академической курии. Автор реконструкции первоначального текста «Повести временных лет». По его инициативе Академия наук издавала исследования, словари и материалы по различным славянским языкам – 75–78.

Шварц Александр Николаевич (1848–1915), филолог, министр народного просвещения (1908–1910). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1868). Доцент (1875–1884), профессор (1884–1900) Московского университета. Попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905) и Московского (1905) учебных округов. Сенатор (1905), член Государственного совета (1906–1917), министр народного просвещения (1908–1910) – 51, 89, 90, 150–152.

Шебеко Игнатий-Людовик Альбертович (1859–1937), член Государственного совета от землевладельцев Польши (1909–1917), входил в польское коло. Член ЦК Партии реальной политики – 144, 173, 196.

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), общественный и политический деятель. Окончил физико-математический (1891) и медицинский (1894) факультеты Московского университета. Земский деятель. Член «Союза освобождения», один из создателей Партии кадетов, председатель Воронежского комитета партии и член ЦК партии (с 1908 г.). Редактор газеты «Воронежское слово», сотрудник газет «Речь» и «Русские ведомости», журнала «Русская мысль». Член Государственной Думы II–IV созывов, товарищ председателя кадетской фракции. Гласный Петроградской городской думы. Министр земледелия, затем министр

финансов и заведующий продовольствием во Временном правительстве (1917). В день предполагавшегося открытия Учредительного собрания (28 ноября (11 декабря) 1917 г.) заключен большевиками в Петропавловскую крепость. В январе 1918 г. по состоянию здоровья вместе с Ф.Ф. Кокошкиным переведен в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь на 7(20) января они были убиты – 190, 206.

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920), политический деятель. Окончил Пажеский корпус (1872), юридический факультет Петербургского университета (1877). С 1877 г. – гласный Волоколамского уездного земского собрания Московской губернии. В 1893–1904 гг. председатель Московской губернской земской управы. С 1900 г. участник нелегального кружка «Беседа». Стал одним из основателей и первым председателем ЦК Союза 17 октября. Вышел из партии в знак протеста против поддержки октябристами созданных для борьбы с революцией военно-полевых судов. Один из учредителей Партии мирного обновления. К 1911 г. отошел от политической деятельности, был в Киеве управляющим «Товарищества братьев Терещенко», позже вернулся в Москву. В 1918 г. вступил в нелегальную антибольшевистскую организацию «Национальный центр», был председателем ее московского отделения. После ареста ВЧК скончался в тюрьме – 77,84,184.

Шмеман Николай Эдуардович (1850–1928), юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1872). Занимал различные должности в Министерстве юстиции (1872–1880, 1883, 1893–1905), Государственной канцелярии (1883–1885), Государственном совете (1890–1893). Сенатор и управляющий межевой частью на правах товарища министра юстиции (с 1900 г.), член

Государственного совета (1905–1917), председатель постоянной комиссии личного состава и внутреннего распорядка Государственного совета (1906–1916). Входил в группу Центра, товарищ ее председателя с 1909 г. В Гражданскую войну жил в Советской России, служил в конторе коммунального хозяйства (1920), бедствовал. В эмиграции во Франции – 103, 151, 152.

Щ

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), государственный деятель. Окончил училище правоведения (1881). Занимал должности товарища прокурора Нижегородского (1885–1887) и Петербургского (1887–1894) окружных судов, прокурора Петербургского окружного суда (1894–1895), товарища прокурора столичной судебной палаты (1895–1898). В 1898 г. назначен товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената, в 1903–1905 гг. прокурором. Директор 1-го департамента Министерства юстиции (1905–1906), товарищ министра юстиции (1906), министр юстиции (1906–1915), член (1907–1917) и председатель Государственного совета (1917). Один из инициаторов «дела Бейлиса». Член монархической организации «Русское собрание», председатель Совета монархических съездов (1915–1917). Арестован во время Февральской революции. Расстрелян большевиками в августе 1918 г. – 26, 50, 63, 82, 169, 171, 174, 176, 177, 179–181, 194, 200, 208, 209, 212, 232.

Щербатов Николай Борисович (1868–1943), князь, государственный деятель. Окончил Пажеский корпус (1889). Чиновник Министерства государственных имуществ (1895–

1897). Уездный и губернский земский гласный в Полтавской губернии, полтавский губернский предводитель дворянства. Член Совета объединенного дворянства (1905–1907), председатель Совета партии правового порядка (1905–1906). Член Государственного совета от Полтавского земства (1912–1917), входил в группу правого центра. Управляющий Государственным коннозаводством (1913–1915), управляющий Министерством внутренних дел (1915), председатель Совета МВД по делам местного хозяйства (1916). В эмиграции – 169.

Э

Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962), военный и политический деятель. Окончил Пажеский корпус (1896), Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Депутат IV Государственной Думы от Могилевской губернии, входил во фракцию центра, затем – земцев-октябристов. Участвовал в работе Прогрессивного блока. В Февральскую революцию начальник гарнизона Петрограда, комендант Петрограда и Таврического дворца, председатель, а затем член Военной комиссии, член Исполнительного комитета Совета офицерских депутатов Петрограда и его окрестностей, Балтийского флота и Отдельного корпуса пограничной стражи. Участник белого движения. С 1920 г. в эмиграции – 49, 215.

Энгельгардт Вадим Платонович (1853–1920), общественный и государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1875), занимался общественной деятельностью. Мировой судья (1881–1882),

губернский земский гласный в Смоленской губернии (1880–1915), непреходящий член Смоленского губернского присутствия (с 1884 г.), Духовщинский уездный предводитель дворянства (1886–1917). Член Государственного совета от Смоленского земства (1906–1915), принадлежал к прогрессивной (академической) группе – 87.

Ю

Юмашев Леонид Викторович (1863–1920), земский деятель. Председатель Вятской губернской земской управы (1901–1907), член Государственного совета от Вятского земства (1906–1909, 1915–1917). Входил в левую группу. Член конституционно-демократической партии – 85, 87.